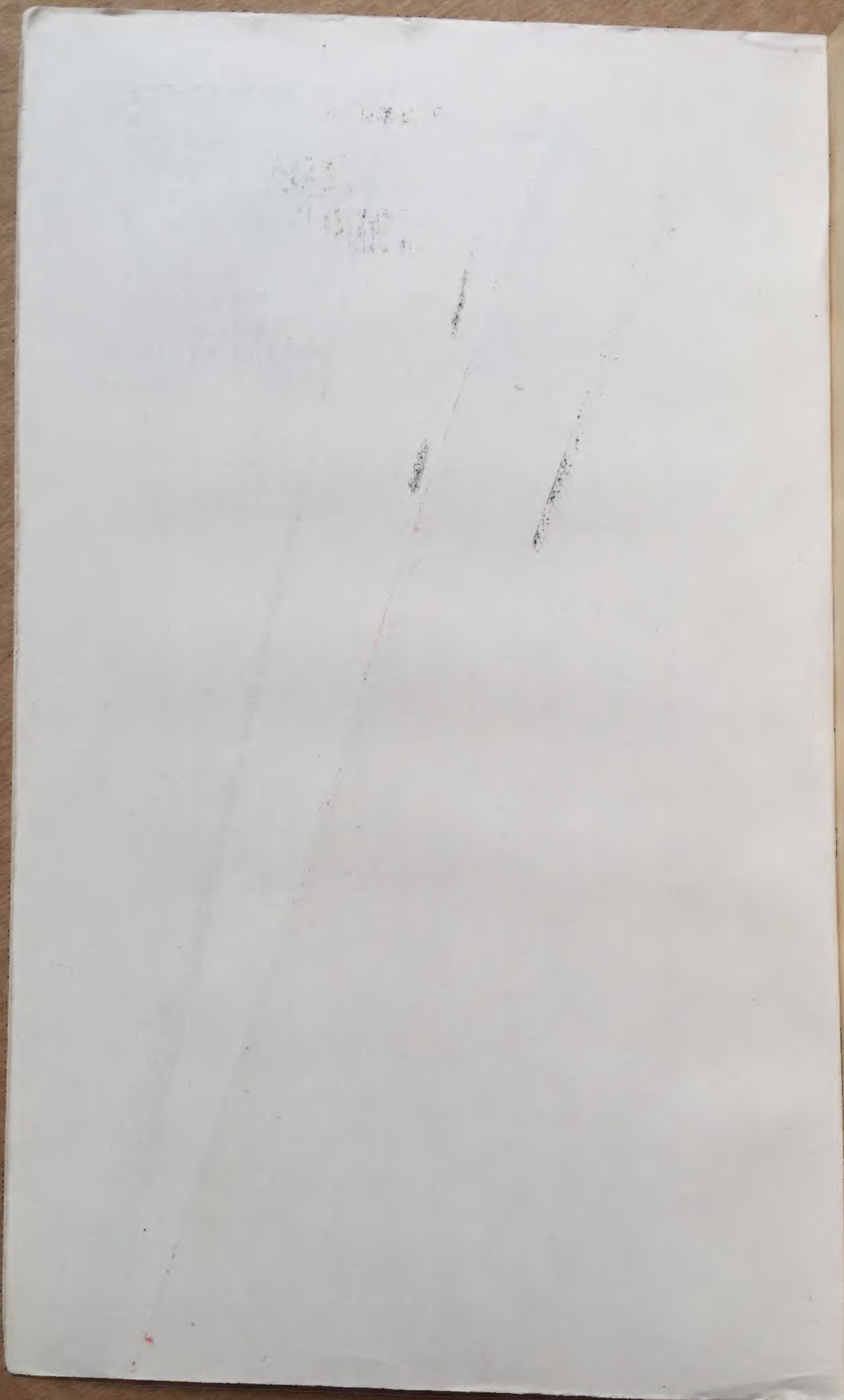

Т. АФАНАСЬЕВА

**РАННЯЯ
ОРИЕНТАЦИЯ
ИЛИ
ПОЗДНИЙ
САМОАНАЛИЗ?**

Т. АФАНАСЬЕВА

•
**РАННЯЯ
ОРИЕНТАЦИЯ
ИЛИ
ПОЗДНИЙ
САМОАНАЛИЗ?**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1972

331.65
A94

1—5—4
55—72

Двадцат
зованным о
ственных в
ловком кни
анализ?». ориентации.

Термин
ние нашего
таким же п
часто упот
дагоги, про
тересованн
осуществля
школьников
выяснения
бранной ст
ционной д
да состав
основные
ловеку, то
этой «ниве
определяю
стве и ква
профессис
дации по
гандисты,
вечными
убеждены
И након
мьсь с ра
пробуя с
ся профо

СОДЕРЖАНИЕ

Вечная, стихийная, целенаправленная	3
Введение в проблему. «Социальное происхождение» профориентации. От каждого — всем	
Требуется наука	15
Разные «точки отсчета». Он приходит жить. Воспита- ние незаменимых. Закономерные случайности. «Па- тент на нравственность»	
Диагноз: профессия	70
Истины неоспоримые и суждения спорные. От Гиппо- крата к Павлову и... дальше. 72 плюс бесконечность	
«Типажи» и личности	122
Пусть меня научат. Сообразуясь с натурой. «Вотум доверия»	
Ориентирование на самовоспитание	143
Знать, чтобы совершенствоваться. К чему себя гото- вить?	

Вечная, стихийная, целенаправленная

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Двадцатый век поставил перед человеком и цивилизованным обществом множество сложнейших и ответственных вопросов. В том числе и тот, что стал заголовком книги «Ранняя ориентация или поздний самоанализ?». Речь идет о проблеме профессиональной ориентации, которая связана прежде всего с молодежью.

Термин «профессиональная ориентация» — достояние нашего времени. В последние годы он стал для нас таким же привычным, как, скажем, кибернетика. И сколько часто употребляется, столь и по-разному толкуется. Педагоги, проводя факультативные занятия с группой заинтересованных ребят по своему предмету, говорят, что осуществляют работу по профессиональной ориентации школьников. Медики, обследуя подростков на предмет выяснения их психофизиологического соответствия избранной специальности, говорят о своей профориентационной деятельности. Специалисты по психологии труда составляют особые карты, в которых сводят воедино основные требования, предъявляемые профессией к человеку, тоже справедливо считают себя работниками на этой «ниве». Экономисты и плановики рассчитывают и определяют потребность общества в кадрах, их количестве и квалификации. Социологи выявляют тенденции в профессиональных интересах молодежи, дают рекомендации по регулированию стихийных процессов. Пропагандисты, информаторы, знакомящие молодых людей с вечными и новыми, массовыми и редкими профессиями, убеждены, что вносят свою важную лепту в это дело. И наконец, сами школьники, юноши и девушки, знакомясь с разнообразными отраслями народного хозяйства, пробуя силы в интересующей их сфере, тоже занимаются профориентацией.

Так кто же прав в своих притязаниях? Все вместе, и каждая сторона по-своему. Проблема профессиональной ориентации носит комплексный характер. Профориентация отнюдь не метод, не способ, не средство выбора дела, профориентация — это процесс подготовки личности к общественно полезному труду, процесс заканчивающийся осознанным выбором профессии. И равноправными участниками в нем выступают сам индивид и воспитывающая, формирующая его среда. То есть семья, с ее моральными установками, интеллектуальным и культурным уровнем и материальными возможностями; школа, с ее конкретным составом педагогов, воспитателей, с ее учебно-технической оснащенностью, с ее зарядом общественной активности; сверстники, друзья, с их огромным влиянием на воззрения друг друга; наконец, книги — властители юных умов, кино, телевидение, радио, газеты — все, что мы зовем средствами массовой коммуникации. И еще множество-множество незаметных, но ежедневных воздействий испытывает на себе индивид в процессе своего развития: от частых общений с соседом по квартире до мимолетного столкновения в электричке.

А когда решение созрело, к его корректировке приступают различного рода комиссии — врачебные, экзаменационные, — консультанты, работники отдела кадров и т. п. и т. д. Для индивида этот процесс в итоге предполагает ориентацию в профессиях, а функция социалистического общества заключается в ориентировании молодого человека на профессии, которые соответствуют его способностям и отвечают нуждам современного хозяйства, науки, культуры. И чем ближе смыкаются интересы индивида и общества, тем решительнее мы приближаем время осуществления высшего принципа коммунизма: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Что означает для нас удовлетворение прежде всего наших духовных потребностей, первейшая из них — потребность реализовать свои творческие, деятельные устремления. Профессиональная ориентация призвана ускорить это сближение.

Именно в силу столь высокой социальной задачи профориентация стала заботой специалистов различного профиля, многих государственных учреждений и общественных организаций и вообще массы заинтересованных лично и по долгу службы людей.

«СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ» ПРОФОРИЕНТАЦИИ

Профориентация как наука — детище XX века. Но корни этого социального явления уходят в глубь веков, к началу сознательной трудовой жизни человека.

Уже с первых шагов деятельности человека выявилось, что у каждого индивида есть свои склонности и способности: кто-то лучше умел выслеживать зверя (и становился первым следопытом), кто-то лучше готовить стрелы и каменные топоры и даже их изобретать (и становился первым «оружейником», «инструментальщиком»), кто-то умел ловчее других разделывать туши, выделывать шкуры. Кто-то к охоте не годился вообще, зато хорошо охранял потомство, растил его. Кто-то хорошо мог выбивать на скалах сцены охоты, тем самым вдохновляя и обнадеживая своих собратьев-охотников. И, наверное, какой-то умелый, опытный охотник, дольше других избегавший когтей зверя, становился во главе племени, рода, его вождем, учителем, судьей.

Профессиональный отбор в своем изначальном виде, если можно применить это выражение к первобытному обществу, был частью и следствием естественного отбора, который вела мать-природа: выживало, по-видимому, то племя, у которого находились все необходимые «специалисты» (и высокой квалификации), тот род, у которого было наиболее разумное распределение обязанностей между членами.

Осознание личностью своего трудового предназначения росло по мере роста общественного сознания и культуры, по мере усложнения трудовых процессов и их дробления.

Первым непререкаемым организатором и распределителем рода занятий, как мы уже говорили, была природа; ее условия — прежде всего географические, климатические — определяли характер главного занятия для племен и их отдельных членов: кому хлеб растить, кому стада прирученных животных пасти, кому на диких зверей охотиться, кому быть дровосеками, кому гончарами, камнерезами и медеплавильщиками.

Первые же писанные законы наряду с нравственными установками содержали в себе элементы профессиональной ориентации, конечно, преподнесенные в своеобраз-

ном, мистическом аспекте. Все основоположники религиозных верований и создатели мифов давали точные характеристики предпочтительного, «праведного» труда, устанавливали систему «производственных» отношений между работниками и работодателями и даже протяженность труда в течение недели, дня, его чередование с отдыхом и празднествами. В древних мифах уже нашло отражение уважительное отношение к людям труда, восхищение подвигами бесстрашных бойцов с чудическими. И это служило своего рода ориентированием на определенный вид занятий.

Правда, ко времени возникновения религиозных верований для человечества кончилась пора естественного, свободного распределения обязанностей. Имущественное разделение племени привело к тому, что «общественное положение» индивида обязывало его к определенному образу жизни, а значит, и труду. Раб не мог изъявлять собственного желания, он мог только исполнять волю господина. Дети раба могли нести в себе какие угодно блистательные задатки и высокие стремления, они все равно не имели выхода в деде, если властитель не нуждался именно в этих их способностях. Иначе говоря, в обществе, разделенном на антагонистические классы, профессиональная ориентация носила ярко выраженный классовый характер. А религия идейно закрепляла его, убеждая не нарушать это разделение, якобы установленное богом, дабы не утратить вечного блаженства, которое есть воздаяние за то, что человек останется в отведенной ему по рождению клеточке. Конечно, находились личности, кому большой талант и недюжинная воля помогали преодолеть стены общественных уложений и предрассудков. И тогда рабы становились властителями дум (вроде Эзопа), военачальниками (вроде Спартака), «холопы» — художниками, артистами (как Шевченко, Щепкин). Однако таких были единицы. И сколько потеряло человечество талантливых мыслителей, художников, артистов вследствие этой классовой «ориентации» — представить невозможно.

Последующий технический и общественный прогресс приводил к тому, что внутри социальных групп, слоев начинали возникать профессиональные «образования» и соответствующая ориентация. Помните, как красочно расписывал достоинства своих холопов помещик Собакевич в гоголевских «Мертвых душах»? Один из них,

Михеев
конечно
можно
тить х
рально
утверж
ли уче
му в
«Вс

изводс
ся луч
рают
ограни
ласти
и про
годаря
Чер

форма
их про
станов
слоя в
следст
ланту
сталу
вали с

Еш
профо
ная в
рода
точнее
двига
фесси
был п
ходим
ник. Г
ду на
шеств

В
шкале
кто
уж в
на, че

К.

Михеев, — каретник, каких на свете мало. То есть он, конечно же, собственность, ревизская душа, которую можно купить-продать, крестьянин, который должен растить хлеб, но при этом он еще и каретник! В натуральном хозяйстве, когда все делали всё, возникали, утверждались, приобретали вес и известность, обрастали учениками специалисты по определенному виду работы.

«Вследствие разделения общественных отраслей производства, — писал К. Маркс, — товары изготавливаются лучше, различные склонности и таланты людей избирают себе соответствующую сферу деятельности, а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего значительного. Таким образом, и продукт и его производитель совершенствуются благодаря разделению труда»¹.

Через продукт труда массы людей получали информацию о существовании таких мастеров, об уровне их профессионального умения. И это мастерство порой становилось средством перехода из одного социального слоя в другой, даже капиталом, передаваемым по наследству. Порой и простолюдины, благодаря своему таланту поднимались по социальной лестнице к пьедесталу властителей. Их слава, титулы, богатство создавали определенный общественный престиж их занятиям.

Еще одна немаловажная сторона сложного процесса профориентации — оценка труда обществом, выраженная в деньгах, званиях, славе. Общественный престиж рода деятельности — слагаемое социального уклада, точнее — его производное, следствие и в то же время двигатель его прогресса. Вот, к примеру, престиж профессии купца одно время стоял неимоверно высоко: это был период, когда возникающим ремеслам стал необходим активный обмен, а значит, и специалист-посредник. Потом купец превратился в связующее звено между народами, континентами, стал мореплавателем, путешественником, географом, фольклористом.

В эксплуататорском обществе нижнюю ступеньку в шкале общественного престижа профессии занимали те, кто трудом своим создавал материальные ценности. Уж в ком больше всего нуждалась любая система, страна, чем в крестьянине? Но именно ему меньше всего

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 378.

воздавалось официального предпочтения и уважения. В русском языке зафиксировано это презрение правящей верхушки к своему кормильцу: прилагательное «смердящий» — производное от слова «смерд» — крестьянин. Зато народ сделал его героем своих былин и песен. В этом сказывалась двойственность в оценках человека и его дела, обусловленная классовой, социальной позицией того, кто ее дает.

Пожалуй, ниже всех на социально-профессиональной лестнице в Древней Руси стояло шумное племя скоморохов.

Правители прибегали к самым беспощадным мерам, чтобы искоренить и даже физически уничтожить приверженцев этого рода занятий. Но уничтожить служителей искусства не удавалось, так же как не удавалось умертвить народную душу, ее тягу к прекрасному, оптимизм, любовь к шутке, меткому, беспощадному слову. Опасные для верхушки «профессионалы» сохранили и приумножили свое мастерство; презираемые и гонимые, они питались любовью народной. Между прочим, и сами гонители тайком услаждали себя запретными зрелищами и представлениями. Такое же двуличье было и в отношении к знатокам методов древней народной медицины: их преследовали, даже сжигали на кострах; но те, кто разжигал костры, нередко сами пользовались услугами знахарей, доморощенных лекарей.

Само собой разумеется, каждая профессия для успешного существования и совершенствования нуждалась в постоянной преемственности накопленного опыта, в передаче знаний и навыков ученикам. Профессиональному обучению детей посвящены сотни страниц в мировой литературе; и почти на каждой из них — слезы учеников-страдальцев, которым вкладывали «науку» с помощью кулаков и розог. Однако были специальности, к которым кого ни попадя не допускали и где, было известно, никакие побои не помогут обучению, если ученик не обладает необходимыми природными качествами. К примеру, чтобы стать кузнецом или охотником, рыбаком или камнерезом, претендент должен был обнаружить совершенно очевидные способности: большую физическую силу, отвагу, верный глаз и твердую руку, быструю и точную реакцию, находчивость.

Если назвать по-современному эти требования, предъявляемые специальностью к претенденту и масте-

ром к ученику, то мы вынуждены будем признать: нынешние профессиограммы — не открытие. Многие ремесла имели достаточно полный свод и набор норм и условий отбора. Не занесенные на специальные профкарты, они были достаточно широко известны. Впрочем, некоторые ремесленные объединения имели и зафиксированные правила отбора. А попасть в такие кланы бывало порой не менее сложно, чем, скажем, в масонскую ложу: были разработаны обязательные ритуалы, системы проверок и испытаний, создавалась даже собственная цеховая геральдика для того, чтобы поднять в глазах окружающих и новичков значимость своего ремесла. И такие меры давали немалый психологический эффект, служили делу воспитания профессиональной гордости, а значит, и привлекательности этой специальности в глазах подрастающего поколения.

И при этом долгое время существовали такие занятия, звания, должности, к которым допускались люди по чисто внешним признакам. Так, в определенные полки царской гвардии брали мужчин по строго обозначенному ранжиру, что называется, «волос к волосу, голос к голосу». Единственными «профессиональными» достоинствами и предпосылками были рост, фигура, цвет волос и глаз.

На многочисленные и разнообразные службы в имениях, дворцах и у преуспевающих дельцов отбирались люди большей частью по «внешнедекоративному» признаку. Шустрый, востроглазый мальчишка — значит посыльный, казачок. Смазливая, кокетливая девушка — это горничная. Существовали неписанные, но строго соблюдаемые нормативы и категории, по которым что было хорошо для одного дома, не годилось для другого. Где-то я вычитала такую фразу: «У этой горничной такая внешность, что ее в приличный адвокатский дом не возьмут». И этим аттестация деловых и личных качеств исчерпывалась.

О нормах и традициях профессионального отбора немало интересных и ценных сведений можно почерпнуть в различных мемуарах, вроде записок замечательного бытописателя В. Гиляровского «Москва и москвичи». В них писатель рассказывал, в частности, как на долгие годы и многие поколения закреплялись за определенной местностью или даже деревней «ходовые» занятия и должности. Так, из одной деревни выходили

половые для трактиров Москвы, из другой — банщики и т. д. В стране были известны селения камнерезов, литейщиков, сыромятников, кружевниц, стеклодувов, плотников...

Профессиональными качествами нередко становились чисто физиологические особенности, расовые признаки или даже уродство. К примеру, у важных персон обязательной при дворе была фигура «карлы», «карлицы» или «арапки». Их функция — создавать впечатление роскоши, служить забавой, элементом интерьера у скупающих бар.

Вот это «приспособление» людей, использование их по внешним, частным признакам, инвелирование личности, полное отсутствие у работодателей интереса к духовному строю работника, его стремлениям и возможностям вызывало нестерпимую боль и гнев у истинных гуманистов. Еще двести лет назад великий просветитель, идеолог французской революции Жан-Жак Руссо в своем философски-программном произведении «Новая Элоиза» так для себя решал сложный вопрос, кто кому должен быть придан: человек — месту или наоборот:

«Человек... — существо слишком благородное, чтобы служить просто-напросто орудием других людей, не следует употреблять его для каких-либо дел, не спрашивая, подходят ли они ему, ведь не люди созданы для мест, а места созданы для людей, и чтобы произвести должное их распределение, надобно заботиться не только о том, чтобы приставить каждого человека к такому делу, к какому он больше всего подходит, но и о том подумать, какое дело больше всего годится для сего человека... Никому не позволено губить душу человеческую ради выгоды других людей...»¹

Вот так страстно высказывался Руссо. И в этих словах — сгусток страданий многих и многих поколений тех, кого насильственно приставляли к месту, делали орудием для выгоды других; одновременно — крик надежды: так не будет, потому что так не должно быть по природе человеческой!

В условиях эксплуататорского общества эти надежды оставались сладкой, но утопической мечтой. Капитализм,

¹ Жан-Жак Руссо, Избр. соч., т. 2. М., ГИХЛ, 1961, стр. 465—466.

обострив до предельной степени классовые антагонизмы, превратил рабочую силу в товар, сделав предметом купли-продажи способности человека, даже его талант.

Углубление разделения труда все больше обезличивало труд рабочих, ставило их в положение механического придатка, включенного в общий маховик, его профессиональные навыки, подчиняясь нуждам производства, являлись собой гипертрофированную односторонность.

К. Маркс, определяя сущность мануфактурного разделения труда, писал: «Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам совокупный рабочий, составленный из многих частичных рабочих. Различные операции, попеременно совершаемые производителем товара и сливающиеся в одно целое в процессе его труда, предъявляют к нему разные требования. В одном случае он должен развивать больше силы, в другом случае — больше ловкости, в третьем — больше внимательности и т. д., но один и тот же индивидуум не обладает всеми этими качествами в равной мере. После разделения, обособления и изолирования различных операций рабочие делятся, классифицируются и группируются сообразно их преобладающим способностям. Если, таким образом, природные особенности рабочих образуют ту почву, в которой произрастает разделение труда, то, с другой стороны, мануфактура, коль скоро она введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям. (Особо обращаю внимание читателя на эти слова Маркса, подчеркнутые мною. К этому высказыванию мы еще вернемся не раз. — Т. А.) Совокупный рабочий обладает теперь всеми производственными качествами в одинаковой степени виртуозности и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, индивидуализированный в особом рабочем или особой группе рабочих, он применяет исключительно для отправления его специфической функции. Односторонность и даже неполноценность частичного рабочего становится его достоинством, коль скоро он выступает как орган совокупного рабочего»¹.

Машинное производство еще более усилило эту про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 361—362.

фессиональную односторонность. Дробится производственная структура, членится и социальная, хотя неизменным остается разделение на два вечно противостоящих друг другу лагеря: эксплуатируемых и эксплуататоров. И как в первом происходит дальнейшее разделение труда, так во втором — разделение сфер и служб угнетения. Уже рядом с потомственными властителями встали «некоронованные короли»: банкиры, фабриканты; рядом с титулованными вассалами появились некогда неизвестные, а ныне всемогущие «гранды» от юстиции, медицины. Растет и множится сложный и могущественный аппарат, призванный сохранить и упрочить существование классового миропорядка.

Социальная ориентация в такой ситуации для низших слоев имела чаще всего одну, ярко выраженную направленность — вырваться из разряда угнетаемых. «Выйти в люди» — это значит сколотить капитал, иметь свое «дело». Подняться по социальной лестнице, чтобы с новым «положением» изменить весь образ жизни. Выбившиеся «в люди» служили примером для подражания, своего рода ориентиром¹.

ОТ КАЖДОГО — ВСЕМ

Так было: в классовом обществе на пути к профессиональному, творческому самовыражению личности вставала громада всяческих социальных препоны, для подавляющего большинства людей непреодолимых. И оттого первейшее требование, записанное в программах социалистов-утопистов и предшественников научного коммунизма, — право человека на труд, понимавшееся, с одной стороны, как гарантия от безработицы, а с другой — как отмена всех социальных, классовых, расовых препятствий к овладению любимым делом².

¹ Влияние личности, ее жизненного и профессионального успеха на выбор специальности идущими следом за ней еще ждет своего досконального исследования.

² «Мы видели, что природе ненавистна всякая идея принуждения. Для того чтобы система общности функционировала гармонично, не следует навязывать гражданам профессий, ни распределять их между ними. Сами граждане должны свободно выбирать себе профессию; они сами должны распределяться по различным профессиям» (Т. Дезамп, Кодекс общности. М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 154).

А следующей ступенью в определении человеческих прав стал принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». В нем впервые утвердился в качестве естественного и ценного вклада личности в общественное достояние — вклад способностей к определенному виду деятельности. И воздаяние — в зависимости от того, насколько полно и успешно реализуются эти способности в общественно полезной работе.

Многосложность и емкость этой формулы, пожалуй, долгие годы понимали только теоретически основательно «подкованные» революционеры да их идейные враги. Ведь для того, чтобы общество могло обеспечить осуществление этого принципа, необходимо взорвать всю систему неравенства людского, надо ликвидировать эксплуатацию человека человеком, предоставить каждому равные возможности для выявления и развития этих способностей, разрушить имущественные, иерархические оценки значимости личности, сведя их к единственной — ее трудовому вкладу.

Глубочайшая противоречивость капитализма состояла именно в том, что, жестоко эксплуатируя трудящиеся массы, посадив их на полуголодный материальный и духовный паек, власть имущие вопреки своим субъективным желаниям вынуждены были и образовывать массы, повышать их профессиональную подготовку, культурный кругозор — иначе не выкачать максимум прибыли из тех производственных мощностей, которые приводили в действие рабочие люди.

С ростом образовательного уровня, культуры увеличивались творческие возможности индивида. А усилиями образованных людей происходило дальнейшее совершенствование промышленного и сельского хозяйства, поднимались на новую ступень наука, техника, культура.

Такой «круговорот в природе» не мог не сказаться на самосознании личности и целых народов, на их политических идеалах. Революционное движение становится делом масс: в их среде появляются люди, посвятившие себя борьбе за счастье всего человечества, — революционеры-профессионалы. Как и любая другая профессия, она требовала определенных экономических и социальных условий для того, чтобы получить широкое распространение. Капитализм создал эти условия, он создал и своего могильщика — рабочий класс, который

под руководством своей политической партии готовился стать хозяином земли.

Двадцатый век и «десять дней Октября» потрясли мир. Социалистическая революция, взорвав систему эксплуатации человека человеком, изменила и систему оценок социального положения личности и, соответственно, ориентацию людей. Революция обеспечила право на свободный труд, на свободный выбор дела. Ее социальные, культурные, технические, организационные преобразования создали предпосылки для развития всех способностей индивида и для их реализации в общем труде. И если до социализма факторы профессиональной и социальной ориентации действовали стихийно, в рамках жесткой классовой кастовости, то отныне общество само кровным образом заинтересовано в целенаправленной и продуктивной работе по профессиональной ориентации своих членов.

Сегодня, когда в нашей стране построено развитое социалистическое общество, когда решается задача исторической важности — «...органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства...»¹, — как никогда остро и актуально звучит проблема научной организации и управления общественными процессами и производством. Научная организация труда без научного распределения кадров — вещь немыслимая. А это распределение возможно только тогда, когда будет создана всеобщая научно обоснованная система профориентации. В этой акцентировке на слове «научная» — весь смысл проблемы, которая нас сейчас волнует и которой посвящена эта книга. О становлении профориентации как науки разговор лучше начинать, ознакомившись с современной практикой, ее достижениями и просчетами.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., Политиздат, 1971, стр. 57.

РАЗНЫЕ «ТОЧКИ ОТСЧЕТА»

Когда я поделилась планом своей книги с коллегой, он мне заметил, что выносить вопрос на обложку ни к чему. Давно всем ясно: ранняя ориентация — хорошо, запоздалый самоанализ — плохо. Так что снова вопрошать: «Кто — «за»?» — значит отпугнуть читателей. Вот если бы изобразить что-нибудь решительное, энергично утверждающее, тогда интерес гарантирован.

Я подумала, поколебалась — и оставила вопрос в названии. И вот почему. В последнее время не ослабевают дискуссии о роли и месте профориентации в приобщении молодежи к общественно полезному труду; выступают крупные специалисты в этой области, чей авторитет имеет, так сказать, материальную силу, чье мнение определяет судьбу и оценку исследований многих энтузиастов.

Заведующий лабораторией психофизиологических проблем профпригодности Института общей и педагогической психологии АПН СССР доктор психологических наук К. Гуревич решительно отрицает значение призвания для «массовых» профессий, а следовательно, и необходимость выявлять психологические предпосылки у человека к тому или иному виду деятельности. По его мнению, «...главное условие для формирования пригодности к профессии — положительное отношение к работе» (разрядка К. Гуревича). А заведующий сектором НИИ трудового обучения и профориентации (все той же Академии педагогических наук СССР) А. Голомшток и учитель И. Волков настаивают на том, что ученые должны «...стремиться определить тип профессий, к которым подросток предрасположен по сложившимся у него психологическим особенностям, по его физическим данным»¹.

¹ «Литературная газета», 1971, 6 октября.

Дискуссия отражает непрекращающиеся споры между медиками, педагогами, психологами, экономистами, кадровиками и просто заинтересованными гражданами. Ведь профориентация, как любое социальное явление, затрагивает интересы различных слоев и сфер общества. «Стороны» проявляют широкую осведомленность в проблематике и взволнованную заинтересованность в ее наилучшем разрешении. Диспутанты оперируют данными, добытыми в результате многолетних исследований и опыта. И каждая из спорящих сторон в дилемме «человек и его дело» выдвигает свою собственную точку отсчета. А раздумья о спорных вещах нередко вызывают продолжение диспута, но не завершают его.

Решения XXIV съезда КПСС заставляют как бы заново переосмыслить проблему профессиональной ориентации. В Директивах по пятилетке съезд партии записал: «Усилить работу по профессиональной ориентации учащихся с учетом склонностей молодежи и потребности народного хозяйства в квалифицированных кадрах»¹.

В этой емкой формулировке проблема профессиональной ориентации раскрывается как двуединая организационная задача.

Задача эта масштабна, сложна и многогранна. В последнее десятилетие у нас накопился довольно обширный эмпирический опыт профориентации. Ее энтузиастам нередко приходится идти ощупью, медленно, оступаясь и ошибаясь. Но практика движется! Она не дает покоя науке, справедливо требуя от нее осмысления завоеванного. Она жадно хватается за каждую новинку, которую предлагают ученые, проверяя «на зуб» и частенько разрушая отшлифованные искусственные конструкции².

Как это ни парадоксально, но чем больше накапливается опыта, чем активнее ученые занимаются проблемой профориентации, тем больше возникает вопросов.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 277.

² На одном совещании по профориентации я слышала от учителей критические суждения о некоторых анкетах, предназначенных для выявления склонностей школьников: «Надо полторы сотни вопросов задать, чтобы узнать, увлекается ученик литературой или биологией, да еще и сложную схему вычертить. А мы и без анкеты это знаем. Их увлечения у нас по пятибалльной системе оценены».

Однако эпицентром страстей чаще всего становится тема: сосредоточить ли силы и средства научных и практических исследований на приспособлении человека к деятельности в нужной хозяйству отрасли или на выявлении личностных предпосылок к определенному виду общественно полезной деятельности? Вопрос этот тем более важен, что он призван определить общественную значимость и экономическую целесообразность создания всеохватывающей государственной системы профориентации. Система, которая потребует огромных расходов, привлечения и специального обучения большого числа работников для этой отрасли человековедения. Для того чтобы понять направление и характер поисков, необходимо проанализировать мотивы и аргументы разногласий. А они весьма серьезного свойства. Вот о них-то — по порядку.

Профориентация — проблема социальная. Человечество вступило в новую эру — ускоренного прогресса во всех областях знаний, производства, хозяйства, управления и организации; прогресса, вызванного гигантскими успехами автоматизации, телемеханики, радиоэлектроники, электрификации, химии, биологии, кибернетики, исследований космоса и ядерной энергии. От того, насколько последовательно и дальновидно будет осуществляться научно-техническая революция и сколь эффективно будут использованы ее результаты, во многом зависит исход соревнования двух общественных систем — социалистической и капиталистической.

Построение материально-технической базы коммунизма предполагает дальнейшее совершенствование производства, его планирования и управления, постепенное стирание граней между физическим и умственным трудом, что, в свою очередь, требует множества экономических и социальных нововведений. Однако ни одно из них немыслимо без активного участия труженика.

Активность, творчество, высокий уровень профессионализма, рост производительности труда — все это, как известно, естественное условие и следствие необходимой подготовленности (образовательной и мировоззренческой) кадров, их научно обоснованного подбора и расстановки, их возможно полного использования. От того, как мы решим кадровую проблему, во многом будет за-

висеть осуществление наших планов и намерений. И профориентация — орудие, инструмент для ее разрешения. И одновременно средство, служащее выявлению и реализации личных устремлений и желаний каждого члена общества. Как любой инструмент, профориентация приобретает социальную значимость в зависимости от цели ее использования, от того, в чьих руках она находится.

Во многих странах капитала профориентационная служба создавалась и функционирует с единственной целевой установкой: улучшить профессиональный отбор исполнителей той или иной работы.

В США, Англии, Франции разработаны различные методики обследования юношей и девушек, определены нормативные требования, предъявляемые к работникам многих специальностей. Заведены личные карточки на каждого школьника. Выпускается многотомная справочная литература и т. д. и т. п. И все же честные ученые этих стран высказывают постоянную тревогу и неудовлетворенность постановкой дела, а главное — научной и теоретической несостоятельностью большинства методик по определению профессиональной направленности индивида.

Успехи и просчеты этих многолетних опытов служат в качестве положительных и негативных аргументов в спорах наших теоретиков.

Смотрите, говорят одни, зарубежные ученые сами признают, что создание целой системы не ликвидировало стихийности и даже хаоса в распределении работников.

«Всеобщая некомпетентность» стала чуть ли не национальным бедствием. По крайней мере, так утверждает видный американский ученый, профессор педагогики и директор центра подготовки преподавателей для работы с умственно отсталыми детьми при университете Южной Каролины Лоуренс Питер, автор сакраментального «Закона Питера». В своем серьезно обоснованном, полном нескрываемой иронии труде Питер в соавторстве с журналистом Р. Холлом высказал суждение, возведенное им во всеобщий закон общества, которому неизбежно сопутствуют «хаос, неразбериха, идиотизм»: «В любой организации каждый старается подняться по служебной лестнице до уровня своей некомпетентно-

сти». А работы выполняют те, кто еще не достиг этого уровня¹.

Значит, долгие годы направленных поисков не вывели западных ученых из теоретического тупика. Зачем же нам вступать в этот темный лес?

А затем, возражают им оппоненты, что нам известны причины, приводящие исследования зарубежных ученых к тупиковым ситуациям, — они как раз заключаются в целевой установке общества, в характере социального заказа, в столкновении назначения науки с ее практическим применением.

Американские справочники определяют профессиональную ориентацию как «процесс оказания помощи индивиду в изучении профессии и собственных личных качеств, процессом, завершающимся разумным выбором профессии». На практике же выбор делает отнюдь не индивид, а работодатель. Если в стране существует многотысячная армия безработных (а существование «резервной армии труда» — одно из условий сохранения устойчивости и роста капиталистического производства), то профессиональная ориентация превращается в завуалированный пропагандой профессиональный отбор кадров. То есть выбор наиболее пригодного для данной деятельности исполнителя, которому меньше всего нужно знать, на что он способен, чтобы меньше иметь запросов и потребностей. Значит, главная причина того, что извращается суть профессиональной ориентации, — в социально-классовой структуре общества, которое меньше всего заинтересовано в предоставлении личности реальной возможности выбора. А другая причина, естественно вытекающая из первой, — в психологии человека, находящегося в плену вечного страха за завтрашний день. Чувствуя постоянную угрозу остаться «не у дел», он озабочен не столько тем, чтобы получить возможность «творческого самовыражения», сколько тем, чтобы в удачный момент ухватить кусок пожирнее, обогнать сослуживца.

Из средства раскрепощения и развития творческих возможностей личности профориентация в капиталистической системе превращается в средство утонченной эксплуатации и предельной интенсификации труда.

Конечная цель нашей профориентационной службы

¹ «Иностранная литература», 1971, № 8.

может быть только одна: воспитание гармонично развитой личности, человека-творца, для которого труд станет первой жизненной потребностью и высшим наслаждением, человека, чье свободное развитие служит условием развития всего общества. О том, что коммунистическое общество делает «...самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу»¹, зафиксировано в программных произведениях классиков научного коммунизма.

В обществе существуют объекты выбора профессии, а также рамки выбора, сложившиеся независимо от выбирающего. Рамки эти определяются степенью профессиональной пригодности индивида (его личностными свойствами, умственным и физическим развитием) и возможностями общества реализовать его способности. Это ограничение свободы индивида в выборе деятельности пока неизбежно. Однако можем ли мы сейчас заниматься изучением способностей и склонностей личности, когда в стране остро ощущается нехватка специалистов почти всех профилей и уровня, или прежде необходимо удовлетворить потребности хозяйства, а потом — личности? Ответ на этот вопрос уже созрел: теперь нам еще важно совместить «две пользы», с тем чтобы, развивая и укрепляя эту основу, заботиться об удовлетворении интересов и потребностей личности как о первоочередных. Мы отлично знаем, что, как только человек получает возможность наилучшим образом применить свои способности, неизмеримо возрастает его отдача производству.

И при том, что мы жаждем быть бескорыстными уже сейчас и стараемся быть ими, пока что мы не имеем права отворачиваться от расчетов, должны выверять наши намерения «копейкой». Поэтому в споре о выгоде того или иного новшества и нужно оперировать не столько пожеланиями и благими прожектами, сколько цифрами.

По американским подсчетам, 90 процентов рабочих, прошедших специальные тестовые испытания, имеют хорошие показатели в труде. А среди тех, кто миновал эти испытания, только 50 процентов успешно справ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. 1, стр. 476.

ляются с заданием. Простой арифметический подсчет дает убедительную цифру: 40 процентов «неориентированных» рабочих дают заниженную производительность. Так воздается обществу помощь, которую оно оказывает индивиду при выборе профессии. (И это при не совершенстве методик, применяемых в американской системе профориентации.) Убедительно говорят о преимуществах «ориентирования» цифры по текучести кадров и стоимости производственного обучения¹.

Урон от перемещения работников с места на место в нашей промышленности превышает потери от неявок по болезни, простоев, прогулов, вместе взятых. Не менее 70 процентов увольнений в связи с переходом на другую работу приходится на людей в возрасте до 30 лет. Перерыв в работе при смене занятий составляет в среднем 33 дня, а для молодежи до 20 лет он возрастает до 41 дня. Но, кроме потери рабочего времени, резко возрастают потери от неквалифицированного труда, растут расходы на переучивание или обучение заново².

Опросы старшеклассников городских школ выявили, что их «виды на будущее» резко расходятся с реальными потребностями и возможностями общества. (Около 80 процентов десятиклассников собираются продолжать обучение в вузах и техникумах. А принять вузы могут лишь одну десятую часть оканчивающих школу.) И конфликт здесь заключается не столько в разрыве личных стремлений и общественных возможностей (хотя и это есть), сколько в том, что планы молодежи строятся и выбор делается в большинстве случаев неосознанно. Часто хотят не определенной работы и не ради нее стремятся в вузы, хотят... учиться в институте. Здесь очень наглядно, кроме всего прочего, сказываются издержки нашего воспитания — сказывается невоспитан-

¹ См. об этом в книге И. Я. Киселева «Профессиональная ориентация и профессиональный отбор в капиталистических странах». М., «Экономика», 1968.

² О причинах «миграции» молодежи говорят данные социологических исследований. Большинство рабочих, сменивших профессию, сначала выбирали ее по интересу. Но потом испытывали разочарование, потому что она им представлялась более привлекательной, чем оказалась на самом деле. Чаще всего причиной ошибочного выбора указывается слабая осведомленность о существе будущей деятельности и своих возможностях.

ность самосознания и самооценки, без которой трудно прийти к осознанному выбору профессии.

Что это так, доказывают обследования тех, кто осуществил желание стать студентом. Вот, к примеру, данные, полученные костромичами при изучении мотивов выбора вуза юношами и девушками. Около 40 процентов (!) студентов Костромского технологического института, поступая в него, не имели ясного представления о будущей специальности, попросту шли сюда, закрыв глаза, лишь бы в вуз. И около семи процентов опрошенных уже совершенно определенно сказали, что им не нравится их специальность. То есть семь процентов специалистов уже заведомо лягут балластом на производство, в которое попадут после института. (О неисчислимом моральном вреде, который приносят такие специалисты, мы можем лишь догадываться, точно так же, как нет такого коэффициента, с помощью которого можно было бы перевести в деньги этот ущерб. А он тем не менее из эмоций неизбежно превращается во вполне реальные рубли.) Приплюсуйте к этим семи некую долю пока еще не решивших, по душе ли им профессия, которую они получают в институте. Сколько денег затрачено на ненужное образование, сколько сил на его получение, сколько несбывшихся надежд, сколько отчаяния! Не слишком ли дорого обходится нам незнание своего назначения и произвольность выбора профессии?

Такое же явление наблюдается среди тех, кто поступает в производственно-технические училища: 20 процентов учащихся ГПТУ в Рыбинске, еще не закончив образования, изъявили желание сменить профессию.

Некоторые исследователи причин текучести кадров в качестве средства, которое может сократить «миграцию», предлагают разработать более совершенные рекомендации по приспособлению (адаптации) новичка к условиям производства. Как главный аргумент они приводят такую цифру: каждый четвертый работник, уволившийся с предприятия, переходит на другое место, не меняя специальности. Конечно, сбросить со счета эти соображения было бы неверно. Однако стоит только вникнуть в суть явления, именуемого профессиональной адаптацией, как возникает ряд вопросов, на которые его сторонники не смогут ответить, если не привлекут сведений, добытых с помощью все той же профориентации.

Для того чтобы новичок быстрее и лучшим образом приспособился к требованиям производства и специальности, необходимо знать свойства его натуры, найти тот индивидуальный подход, на котором настаивают сторонники адаптации. Значит, от изучения особенностей личности никуда не уйти. Наивно было бы спорить с тем, что переходы, текучесть резко сократятся, если заинтересованные люди и службы будут больше заботиться о создании необходимых условий для «врастания» новичка в коллектив и в свою профессию. Но для этого не нужно «отменять» профориентацию или подменять ее адаптацией. Потому что научно обоснованный выбор дела, которому человек будет служить, не снимает с администраторов заботы о том, чтобы работник «прижился» в коллективе и успешно справлялся с заданием. Ведь выбором профессии не оканчивается дело развития творческих способностей личности. Но приспособление к профессии — это уже следующий за профориентацией этап. А нас сегодня интересует именно она.

Есть возражения и несколько иного рода. А надо ли создавать сложную, многоступенчатую и дорогостоящую систему профориентации, если каждый из нас в недалеком будущем — «землю попашет, понишет стихи», если не будет строгого разграничения занятий? Философы на этот счет придерживаются совершенно определенных взглядов:

«Вопреки довольно распространенному предрассудку всестороннее развитие личности вообще не противостоит специализации и не исключает ее. Оно исключает лишь узкую, замкнутую специализацию.

Поэтому целостность, всестороннее развитие человека коммунистического общества будет, на наш взгляд, проявляться не в том, что он утром занимается биологией, после обеда экспериментирует и изобретает, а вечером пишет философский трактат либо дирижирует симфоническим оркестром, а в том, что, решая одну проблему (скажем, проблему управления наследственностью), не выходя из одной лаборатории, человек вынужден будет в ходе экспериментальной и теоретической деятельности использовать знания биологии, биохимии, биофизики, антропологии, физиологии и т. д. Собственно говоря, сейчас в ряде комплексных направлений исследований ситуация близка к изложенной».

Таким видит будущее научной, исследовательской

деятельности доктор философских наук, профессор Г. Волков¹. А о характере труда современного рабочего и производственника завтрашнего дня он пишет там же:

«Нынче техника морально устаревает за пять, максимум за десять лет. А это значит, что соответственно «морально» устаревают знания рабочих и специалистов, обслуживающих эту технику, что они должны «модернизироваться» и пополняться, причем темпами, несколько опережающими развитие техники. Это ставит перед нашим обществом, перед системой образования и производственного обучения новые задачи.

Профессии нового профиля сами по себе разрывают рамки узкой специализации и вместе с разносторонними знаниями требуют и разносторонних способностей, применительно к решению производственных задач. Это профессии, которые не приковывают рабочего к исполнению одной или немногих операций, а, напротив, побуждают его быть специалистом широкого диапазона, быстро овладевать новой техникой или даже сменить род деятельности».

Так, может, эта перспектива делает профориентацию недолговременной, а потому необязательной мерой? Напротив, именно с помощью профессиональной ориентации может достаточно быстро и безболезненно проходить перераспределение кадров потому, что оно будет осуществляться с точным знанием возможностей, наклонностей рабочего и в рамках психофизиологических нормативов труда.

«Психологическая классификация профессий предполагает систематизацию большого многообразия профессий на психологической основе. Это позволяет рекомендовать учащимся достаточно широкий круг занятий, различных по своему содержанию, но психологически родственных между собой, акцентируя внимание внутри рекомендуемой группы на более нужных обществу профессиях»².

Такой двуединый подход к рекомендации профессии — с учетом интересов личности и народного хозяй-

¹ См. статью этого автора «Социализм, человек и научно-техническая революция». «Коммунист», 1971, № 14.

² «Проблемы профориентации и профконсультации в школе». М., «Просвещение», 1969, стр. 52.

ства — может быть, применен и в процессе перманентной переквалификации будущего рабочего. И основываться он будет на довольно устойчивом фундаменте: знаниях о масштабах и диапазоне способностей и возможностей данного индивида. (Вопрос о том, требуются ли оные для «массовых» специальностей, мы рассмотрим несколько позже.)

Здесь мы привели некоторые социально-экономические предпосылки, которые указывают на то, что нашему обществу в целом и отдельным его членам профориентация как наука необходима. И не в далеком будущем, но уже теперь. Но насколько в ней заинтересованы воспитатели, те, кто готовит детей к трудовой деятельности, к самостоятельной жизни, воспитатели «от природы» и по должности?

ОН ПРИХОДИТ ЖИТЬ

Сейчас идут споры по поводу того, с какого возраста нужно и можно вести работу по профессиональной ориентации подрастающего поколения. Но ведь она ведется со дня рождения, как и весь процесс воспитания, составной и неотъемлемой частью которого она является.

Ребенок еще не родился, но будущие мама и папа уже гадают его судьбу, другие родственники тоже не остаются без дела. Родители предполагают: малыш явился на свет, чтобы осуществить то, что его «предкам» не удалось сделать. И чем больше разрыв между задуманным для себя и реализованным, тем решительней и даже деспотичнее требование к наследнику подняться на заветные высоты, которые оказались не по силам родным и близким.

Мама в давние времена не выдержала пытки музыкой, бросила занятия, несмотря на слезы и просьбы родителей. Теперь она с удвоенной энергией мучает собственное дитя на том основании, что вот теперь она сожалеет о лени и упрямстве в раннем возрасте. Именно теперь она поняла, как прескрасно владеть инструментом. И поэтому она не даст ребенку спуска, когда он будет биться над очередной гаммой.

Папа мальчишкой гонял собак на дворе и в своей работе долго чувствовал значительные пробелы в образовании, в общей культуре. Так уж сыну он не дает

спины разогнуть, наказывает за порванный в футболе ботинок («Время, балбес, даром тратит, а того не понимает, что упущенное не вернуть»).

Ребенок — искупитель наших грехов (или возмездие за них?), исполнитель наших мечтаний, самый главный наш «капитал», предмет гордости и честолюбия. Такую мы назначаем ему миссию и забываем, что он родился, чтобы выполнить собственное назначение, собственную роль сыграть. И поэтому часто оказываемся ориентаторами-диктаторами, часто терпим в этом качестве поражение, мучаемся, страдаем и мучаем самые дорогие нам существа.

Горько признаться, но в деле воспитания собственных детей мы прогрессируем медленнее всего и действуем нередко слепо, неумело.

Станислав Лем, замечательный писатель-фантаст и философ, в романе «Возвращение со звезд» рассказывает о впечатлениях космонавтов, вернувшихся на Землю через триста лет. Их многое удивило в образе жизни соплеменников, кое-что принимали они с трудом и после длительного размышления.

Вот как Лем рисует основы педагогики будущего: «Считалось естественным, что воспитание детей требует высокой квалификации и всесторонней подготовки, даже специального обучения; чтобы получить разрешение завести ребенка, супруги должны были сдавать что-то вроде экзаменов; вначале мне это показалось весьма странным, но, подумав, я вынужден был признать, что парадоксальность обычаев скорее отягощала нас, а не их, — в старом обществе нельзя было, например, строить дом, мост, лечить болезни, наконец, просто выполнять административную работу, не имея соответствующего образования, и только наиболее ответственное дело — рождение детей, формирование их психики — было отдано на произвол слепого случая и минутного желания, а общество вмешивалось лишь тогда, когда ошибки — если они были совершены — уже поздно было исправлять.

Таким образом, право иметь ребенка стало теперь особым отличием, его давали не всякому... Дальше — родители не могли изолировать детей от их сверстников, создавались специально подобранные смешанные группы мальчиков и девочек, в которых были представлены различнейшие темпераменты; так называемые

«трудные» дети подвергались дополнительным гипнологическим процедурам.

...Всеобщее обучение начиналось необычайно рано. Это не была наука чтения и письма: чтению и письму учили значительно позже; специальное воспитание самых маленьких состояло в том, что их знакомили — при помощи специальных игр — с устройством и жизнью Земли, с богатством и разнообразием форм общественной жизни; таким естественным образом уже в четырех-пятилетнем возрасте детям прививались принципы терпимости и уважения к другим точкам зрения, правила общежития, внушалась несущественность внешних, физических черт...»

В переводе на нашу тему можно сказать, что Лем излагает методiku социальной ориентации ребенка «детсадовского» возраста, которая необходимо предшествует и включается в профессиональную. Эта методика готовит маленького человека к самой трудной и прекрасной должности — гражданина Земли, равного среди равно и по-разному счастливых людей, уважающего это равенство и эту неодинаковость. Эти воспитательные меры, по-видимому, помогут впоследствии юному землянину безболезненно войти в любую трудовую сферу, обучат искусству общения, привьют чувство коллективизма.

«Домыслы» художника всегда отражают его негативное или позитивное отношение к явлениям современной жизни. Его фантазии — это его надежды или опасения, основанные на знании движения, закономерностей развития определенной отрасли науки, общественного уклада. И в «фантазии» Лема нет ничего фантастического. Он только предугадывает возможное движение педагогической науки и практики в обществе будущего. И этими проекциями можно выверить некоторые стороны нашей нынешней воспитательной деятельности.

Двух абсолютно одинаковых людей не бывает. Даже неразличимых на посторонний взгляд близнецов мать отличает по каким-то ей одной известным приметам. Но в своем педагогическом «подходе» мы меньше всего обращаем внимание на эти врожденные различия. Напротив, мы стараемся их «обтесать» и «шкурим, драим» детей, показывая тем самым первый пример нетерпимости, а иногда и неуважения к особенностям личности. Мы бездумно перенимаем приемы и методы воздей-

ствия, которые применяли наши мамы и папы к нам самим или удачливые знакомые к собственным детям. И очень сердимся, негодуем, если встречаем сопротивление. А между тем ребенок чуть ли не с первых дней своей жизни дает нам понять, что он уже чем-то от других отличен.

Если составить весьма условную и общую градацию характеров новорожденных, то вполне можно обнаружить закономерности в поведении, которые ярко проявятся в первом в их жизни коллективе — в яслях. «Оптимист» быстро приживется, освоится с обстановкой, будет с радостью тянуться на руки к любой няне. «Разборчивый» у одной воспитательницы заплачет, а у другой поведет себя спокойно. «Пессимист» не признает никаких вариантов: он спокоен только в обществе самых близких людей. Очень часто «пессимиста» приходится забирать родителям из яслей, ребенок не поддается воспитанию в коллективе, «некоммуникабелен», как нынче говорят. «Тихоня» никому не доставит беспокойства, но и радости от него мало: нет милых причуд, шалостей.

Чему учит нас «ясельный период» жизни наших детей? Почти ничему. А ведь именно в это время мы и должны бы выявить характерные врожденные особенности ребенка, чтобы воздействовать на него соответственно его природой. Молва народная права: воспитывать надо тогда, когда дитя поперек лавки лежит. Потом будет перевоспитание — тяжелое для обеих сторон и часто безуспешное.

Выгляните во двор, когда в нем собирается малышня. Не надо быть профессионалом-психологом, чтобы, немного понаблюдав за детьми, определить с большой долей достоверности, кто у них «Чапаев» — кто рядовой боец, кто строитель — кто разрушитель, кто коллективист — кто эгоцентрист, кто атакующий — кто обороняющийся, кто медлительный — кто шустрый, кто чувствительный — кто с задатками жестокости. А послушав их высказывания, можно составить представления об их первых идеалах и стремлениях:

- Я буду, как Айболит, лечить зверей.
- А я, как дядя Степа, буду милиционером.
- А я, как дядя Федя, — шофером, буду перевозить людей на новые квартиры.
- А я буду, как мама, продавцом.

— А я, как бабушка, — пенсионеркой.

Кроме того, дети не только мечтают, они себя «пробуют в деле». (Малыши вообще бóльшие реалисты, чем мы себе это представляем: они редко загадывают невозможное. Если задуманное нельзя получить или сделать «взаправду», они возьмут его «понарошку».) Они лечат, торгуют, воюют, воспитывают друг друга, готовят пищу, сажают сады, строят дома и крепости и т. д. и т. п. Они даже воспроизводят семьи в извечной, не заменяемой никакими новыми забавами игре в «дочки-матери». Короче, они «проигрывают» взрослый мир, взрослую жизнь. И в этом микромире у каждого своя роль, совершенно определенным образом выведенная из личностных свойств малыша. Дети принимают ребенка за того, кто он есть по нормам их общежития, а не за того, каким он видится в пристрастном воображении любящих родителей.

Однако и здесь, в этот период, когда ребенок пробует себя (проходит первые тестовые испытания), вступает в деловые отношения со своими сверстниками, мы не утруждаем себя наблюдением и анализом его роли, поведения, склонностей, возможностей. Нас волнует только одно: чтобы игры не причинили ему физического или морального вреда.

И все-таки мы ведем огромную воспитательную и ориентационную работу. Ежедневно, несознательно, незаметно для нас и для них. И целенаправленно, системно, упорно.

Всем своим жизненным укладом мы воспитываем главную предпосылку к общественно полезной деятельности — воспитываем определенное отношение к труду, к его смыслу, содержанию и цели в человеческой судьбе.

Рассмотрим несколько распространенных ситуаций-схем, в которых ребенок растет.

Ситуация первая. Папа и мама «горят» на работе, и дом озаряет отсвет этого горения. Дом — своего рода подготовительная лаборатория, мастерская для завтрашнего и повседневного священнодействия. Работа и жизнь здесь — понятия нерасторжимые. Окружающие ребенка предметы, книги, люди, разговоры, настроения пропитаны запахом того дела, которому родители отдают свои силы и страсти. На ребенка в таких семьях нередко смотрят как на «новенького», пришедшего на

подмогу, но еще не обученного. И растят из него этого подручного, доверяя ему маленькие поручения в домашних поделках, включая его в круг сотоварищей-единомышленников. В этой ситуации очень часто возникают длительные цепи преемственности — профессиональные династии. А если здесь не перенимается сама специальность, то в потомстве сохраняется это азартное отношение к труду, а еще — к заводу, селу, институту, где так ярко и радостно жилось старшим. (Хочу сразу оговориться: не каждый ребенок впитывает даже такие глубокие пристрастия близких. Давайте на минуту представим себе в этой обстановке «пессимиста» или «тихоню». И того и другого вечное кипение, колгота, сутолока будут угнетать, подавлять, раздражать. Как к их «отчуждению» отнесутся родители, нам сейчас предугадать сложно; и уж вовсе мы не можем по одним этим данным ныне предсказать, в какую сторону и крайность шарахнутся эти отпрыски.)

Ситуация вторая. Для старших существует совершенно строгое разделение: дело есть дело, а дом — это, совсем наоборот, дом. Мысли и чувства о работе они оставляют в стенах предприятия и учреждения. То есть для них работа — это служба. Ситуация достаточно распространенная и тающая в себе всяческие неожиданности. Вся воспитательская функция родителей в этом случае концентрируется в их отношении к семейным обязанностям. Если мама и папа ловчат, чтобы увильнуть от лишних хлопот, высчитывают друг дружке, кто сколько сделал, кто больше устал, кто больше успел, — беда! Никакое участие в общем труде ничего не прибавит их потомку к внутренней убежденности: самое главное — вовремя улизнуть от работы. Если родители дома трудятся так же добросовестно и бесстрастно, как и на службе, ребенок приобретает привычку к основательности, аккуратности, исполнительности. Что же касается конкретного применения этих качеств, то многое решится опять же в зависимости от его собственных качеств и от того, появится ли на его горизонте яркая личность, которая заразит его своей увлеченностью. Бывает, что старшие имеют дома какое-то занятие, которое их притягивает с большой силой, всякого рода хобби. И нередко случается, что вот такое увлечение становится для потомства главным в жизни делом. Вопреки протестам родителей, которые смот-

рят н
своего
С
ствова
нелюб
долг
грядущ
Нере
за не
прыск
ным
М
царит
козы
ны во
тебя
обыч
также
здесь
собны
верно
них
возла
скую
сенни
весьм
ных
ши».
ные
новк
у хо
посре
С
ная.
жил
ми. И
цель
проч
ко г
Дети
и фи
сальн
остре
В

рят на это смещение как на следствие незрелости ума своего дитяти.

Ситуация третья. Работа — средство к существованию. Дом, семья — место отдохновения от тягот нелюбимого труда, смысл ежедневной жертвы. Дети — долг перед природой, продолжатели жизни, «капитал» к грядущей старости. Я не спешу осуждать таких людей. Нередко они расплачиваются по счетам своих предков за неведение тех о назначении личности вообще и их отпрыска в частности. И умножают этот счет собственным неведением.

Может, именно поэтому в таких семьях чаще всего царит деспотическая «ориентация»: ребенок здесь — козырная карта проигравших родителей, с нею связаны все честолюбивые и материальные надежды. «Я ради тебя (вас), как проклятый(ая) работаю, а вы...» — обычные причитания-заклятия, с которыми обращаются такие папы-мамы к своевольным детям. Однако именно здесь чаще всего вырастают дети «без стержня», неспособные оправдать чаяний своих родителей. Почему? Наверное, потому, что слишком много с самого начала на них взваливалось: у них еще не окреп костяк, а на них возлагают ответственность за неудавшуюся родительскую судьбу, от них требуют компенсации потерь, понесенных взрослыми. Костяк если и не ломается, то гнется весьма заметно. Их можно встретить и на вполне солидных должностях — людей с очевидным «перекосом души». Хотя вынуждена снова напомнить о том, что разные дети по-разному реагируют на окружающую обстановку, отсюда эти наши вечные недоумения: откуда это у хороших родителей такая «бьяка» взялась, а у вполне посредственных людей выросло нечто значительное?

Ситуация четвертая и самая непривлекательная. Дома в обычном нашем представлении нет, есть жилплощадь со случайно сведенными вместе обитателями. И у этих обитателей нет ничего любимого, святого, цельного, человеческого. «День да ночь — сутки прочь!» — вот и вся их жизненная установка. А нередко главной целевой установкой становится выпивка. Дети, воспитанные в такой атмосфере, либо морально и физически сламливаются, либо, как это ни парадоксально, становятся людьми сильными, волевыми, с обостренной восприимчивостью к добру, чести, долгу.

Все эти ситуации показывают, как по-разному про-

ходит для наших нынешних детей первый этап социальной и нравственной ориентации. Контролировать, а тем более влиять на ее ход мы пока не умеем. Отсюда и получается, что в детский сад, в школу собираются воспитанники с совершенно разными установками и навыками — общественными, нравственными, трудовыми, на которые последующие знания, требования, умения накладываются, накладываются, как на стержень, фундамент. От последнего же в значительной мере зависит конструкция здания, которое на нем можно будет возвести.

В семье маленький человек получает и первые представления о некоторых специальностях, их преимуществах и недостатках, их престижности в современном обществе. И хотя старшеклассники в большинстве случаев не признают влияние родственников на выбор специальности, оно у многих из них в крови, что ли, в подсознании¹. Уважение к одним и пренебрежение к другим профессиям фиксируется в сознании ребенка прочно, и изменить это членение специальностей на «приличные» и «недостойные» совсем не просто. Случается, что жизнь заставляет ребят заниматься не тем, что считалось дома достойным, и тогда возникает ощущение собственной неудачливости, неполноценности. Осознание этого отравляет душу.

Влияют на ориентацию детей и разговоры родителей о материальных возможностях, которые открывает та или иная специальность, ее вес и оценка в общественном мнении.

Для юношества вообще естественно стремление быть на переднем плане. Но, к сожалению, нередко рядом с бескорыстным стремлением взять на себя большую ответственность и напряженный труд соседствует и желание оказаться «на виду» — желание, порой не осознаваемое.

Всем нам ведомы шарахания молодых людей из од-

¹ Среди тысячи воронежских выпускников только пятнадцать указали в анкете мотивом выбора профессии воздействие родителей. А исследование конкретных планов выпускников опровергает это утверждение. Доктор философских наук В. Н. Шубкин, анализируя анкеты нескольких лет, заключает: «Общая картина такова: продолжать линию отцов желают 54 процента детей «техников», 52 процента детей «естественников» и лишь 27 процентов детей «гуманитариев» (В. Н. Шубкин, Социологические опыты. М., «Мысль», 1970, стр. 174).

ной стороны в другую. Вот годы повального увлечения техническими науками: спецшколы, физические, математические олимпиады, кружки, выставки. «Затрещали» двери технических вузов. Теперь волна абитуриентов нависла над гуманитарными вузами.

Академик А. Д. Александров в анкете «Литературной газеты» отметил, что «передний фронт науки перемещается теперь в область... «человековедения». Этим смещением общественного интереса объясняется во многом и «переориентировка» молодежи.

Вспоминаю: был период «взлета» станочников. Тогда имена мастеров-скоростников знали, как имена балерин или хоккеистов. Потом пришло увлечение автоматикой, кибернетикой. Нам уже начало казаться, что токарь, фрезеровщик — специальности, приговоренные к медленному вымиранию, как бронтозавры. А сейчас мы наблюдаем возрождение престижа станочников. Было время, когда «сидеть в конторе» считалось для молодого человека чуть ли не дезертирством с трудового фронта. Люди постарше помнят, наверное, движение: от стола — к станку. Теперешнее настроение можно было бы охарактеризовать как течение в обратном направлении. Подавляющее большинство родителей-рабочих изъявляет надежду увидеть своих детей в конторе или за кульманом. Долгое время специальности торговые, бытового обслуживания расценивались «по низшему разряду». Больше того, все стрелы юмористов и сатириков были направлены на представителей этих профессий, словно среди других специалистов не водилось рвачей, хапуг, жуликов, грубиянов. Теперь эти профессии «реабилитированы» — интересы молодых обратились и к этой сфере.

Сегодня «вошли в моду» школы с обучением на иностранном языке — резко сократился поток заявлений в школы математические. Некогда было «прилично» учить детей музыке — теперь осаде подвергаются школы фигурного катания. Прежде приглашать репетиторов детям было признаком того, что ребенок сам не в состоянии усвоить учебную программу, и родители стеснялись упоминать об этом. Теперь в больших городах репетиторство распространено.

Все эти «приливы и отливы» в общественном мнении о профессиях, происходящие из экономических и общественных условий, из капризов моды, укоренялись в со-

знании взрослых и, естественно, внедрялись в психику детей. Наблюдения за этой «модой» на образование, на определенные специальности дают очень серьезную пищу для размышлений о том, что научная профориентация необходима еще и для того, чтобы противостоять этим массовым, повальным увлечениям каким-то видом деятельности, науки, искусства и даже спорта. Она необходима в качестве противовоядия против стихийности, с одной стороны, и стандартизации, с другой, наших потребностей и суждений. Ведь эти «нормативы» жизни, которые воздействуют на нас в силу нашего общественного инстинкта, приводят порой к тому, что мы действительно путаем, что важно, а что второстепенно. Так, у нас во многих семьях упускается из виду нравственная и практическая подготовка ребенка к взрослой жизни, к труду, и все внимание сосредоточивается на том, чтобы «напичкать» сына или дочь суммой знаний, необходимых «современному» человеку. А воспитание деятельных интересов нередко сводится к одной заботе — напирать отпрыска в вуз. Но в какой именно сфере человек будет работать и насколько он сам предрасположен к уготованной будущности — это интересует родителей во вторую очередь. То есть цель путается со средством, и последнее становится определяющим.

При всей неустойчивости «домашней» профориентации, она нередко ведется решительно, энергично и непримиримо. И тогда вся система воспитательных средств: классическое сочетание поощрения и наказания, игра на честолюбии, на любви к близким, своего рода эксплуатация склонностей и увлеченности ребенка — все используется для того, чтобы чадо жило и действовало по задуманной родителями схеме. Есть масса средств и способов принудительной «ориентации», применяемых родителями по причине того самого заблуждения, о котором я говорила в начале главы: убежденности, что ребенок явился на свет в качестве исполнителя наших родительских стремлений и желаний, а не для осуществления собственного назначения.

«...Вполне очевидно, что мать должна получить соответственное образование для того, чтобы ее поведение было нравственным по отношению к ребенку... Она должна будет изучать гигиену и все относящееся к воспитанию детей». Это говорит уже не писатель-фантаст, а великий физиолог Илья Мечников в своих мудрейших

«Этюдах оптимизма». Вернее, говорил много десятков лет назад. Что касается гигиены, рациона и режима кормления, необходимых бытовых условий, то большинство нынешних матерей получает достаточные рекомендации и помощь. Гораздо реже даются советы по духовному воздействию на ребенка, по «гигиене души». И нам думается, что следующим этапом в деятельности органов охраны материнства и младенчества будет открытие консультационных пунктов или отделений при ныне существующих женских консультациях, где специалисты, психологи, педагоги с первых дней появления нового члена человеческого общества станут активными и заинтересованными помощниками родителей в деле формирования личности их наследника или наследницы.

А может, консультанты придут к будущим папам и мамам, расскажут об ответственности и сложности шага, который они собираются сделать, о том, каких знаний, усилий, качеств от них потребует ребенок задолго до того, как что-то станет осознавать сам: ведь первые годы они будут его глазами, ушами, через их чувства и мысли он соприкоснется с этим миром. Будет им предложено поработать над совершенствованием собственной души, чтобы встретить Новоявленного не в мелочной суете, скучной будничности, а так, как того заслуживает само необычайное и прекрасное событие — явление миру человека: серьезно, осознанно, торжественно и радостно.

И эта ориентация семьи тем более необходима, что стихийность в воспитании вообще и профессионализм в частности, конъюнктурность в оценке человеческой значимости противны всей природе нашего строя. Однако я себе вполне отчетливо представляю трудности с введением подобных правил: перестроить сознание пап и мам, по-видимому, одна из сложнейших и прямо-таки мучительных задач. И все же уверена: будут грядущие мамы идти с доверием и надеждой на консультацию к педагогу-психологу, который даст рекомендации по сознательному и целенаправленному воспитанию гармонической личности.

Ведь мы сейчас большей частью пользуемся воспитательными методами, рекомендуемыми для каждого ребенка, а наша педагогика рассчитана на одинаковых детей. Конечно же, все авторы учебников по педагогике высказывают пожелания — искать средства и способы

индивидуального воздействия на ребенка. Но очень редко родители могут в этих учебниках найти советы, как возвращать полезные свойства у «оптимиста», «разборчивого», «пессимиста», у «сонни-тихонни». Попросту говоря, пока еще педагогика не ориентируется даже на столь крупные категории, как человеческий темперамент. Градация идет чаще всего по двум определениям: послушный ребенок, «трудный» ребенок, и опять же без учета истоков послушания и причин «трудности». Во всем же прочем нередко прикрываются спасительной оградой из слов: «В педагогике на все случаи жизни не может быть рецептов. Методы и средства воспитатель избирает в зависимости от характера воспитуемого».

Теперь, пожалуй, пора от «домашних» воспитателей, с их средствами и методами: осознанными, подсознательными, целевыми и бессмысленными, самодеятельными и освещенными педагогическими рекомендациями — перейти к рассмотрению роли в сложном комплексном процессе профессиональной ориентации воспитателей «по должности».

Поскольку учителя «тоже люди», на них, естественно, воздействуют те же факторы социального, психологического плана в выработке личных оценок разных профессий. Особенность их деятельности — они воспитывают интересы ребенка, развивают его способности, так сказать, предметно, то есть через посредство конкретной учебной дисциплины. Вот об этом аспекте профессиональной ориентации и пойдет дальше разговор.

ВОСПИТАНИЕ НЕЗАМЕНИМЫХ

В умном и добром фильме «Внимание, черепаха!» авторы его задаются очень серьезным вопросом: есть ли «заменимые люди» и в каком возрасте человек приобретает самооценку? Семилетний Вова Васильев получил первую общественную должность — его назначили ответственным за «живой уголок» (как объясняет его одноклассница, потому, что Вова очень любит живую природу). Но вдруг этого ответственного товарища кладут на лечение в Институт питания. Кто же заменит его в важном деле? Молодая учительница успокаивает мальчика: «Незаменимых людей нет». Это ее убеждение. И она предлагает сделать ответственными за «жи-

вой уголок» и за любимую черепаху двух ребят. Один из них, Диденко, между прочим, животных не любит: кошки для него — движущаяся мишень, по которым он ведет «беглый огонь». Учительницу это не смущает. «Так даже и лучше, — уверяет она разволновавшихся девчонок. — Диденко проявит волевой импульс и полюбит зверушек». Диденко действительно проявил волевой импульс и массу изобретательности... чтобы приспособить черепаху для своих «военных» нужд.

Средствами искусства создатели кинокартины весьма убедительно показывают взрослым, что, принимая первоклашек за бесформенную глину, ждущую рук скульптора, они заблуждаются. К семи годам ребенок уже проявляет собственные стремления, потребности, интересы и готов отстаивать их в борьбе. Излишне повторять, что мысль художников, на взгляд автора этих строк, — ничуть не преувеличение. Вся предыдущая часть книги посвящена утверждению: структура личности в основном формируется задолго до поступления в школу. И значит, в школе тем более нельзя не считаться с ребенком, нельзя полагаться на всемогущие «волевого импульса».

...Когда педагогам предложили взяться всерьез за профессиональную ориентацию школьников, многие из них в ужасе замахали руками: «И так перегружены программой выше головы, постоянная перестройка, переподготовка, тетради, внеклассная работа и, наконец, эти «нынешние» дети! Помилуйте, какая профориентация?» Так напугал непривычный термин. А, между прочим, все это: программа, переподготовка, тетради, внеклассная работа — тоже элементы профориентации. И, между прочим, именно они, учителя, испокон веку были основными ориентаторами и профконсультантами, хотя не всегда в полной мере оценивали эту свою роль¹. (Как недооценивают ее и их сегодняшние ученики, которые в подавляющем большинстве считают себя свободными от влияния наставников в выборе собственной будущности. Тоже, видимо, от непонимания смысла этого слова.)

Учитель... Сколько веков он был единственным источником света знаний, первооткрывателем юных дарова-

¹ Еще до революции исследованием стремлений и идеалов учеников занимались сельские учителя Рыбниковы, авторы множества книг, составители сборника «На распутье».

ний. «Куницыну — дань сердца и вина, он нас взрастил, он воспитал наш пламень», — сколько людей и поколений повторяли за поэтом эти благодарные слова, представляя имена собственных наставников.

Учитель... Сколько талантливых людей, целых поколений загонял в тиски официальных инструкций и уложений зловещий «человек в футляре», усердно гасивший пламень молодых душ, губивший юные дарования!

Два типа педагога. Но первый руководствовался пользой человека и человечества, второй — собственной пользой и того строя, верным слугой которого он был.

Именно в силу огромной власти воспитателя над умами и душами детей царское правительство так пристально следило за настроениями в учительской среде, за ее социальным составом. Воспитание покорных «холопов» — вот единственные «ориентационные» требования, которые к ним предъявлялись. И все же русское учительство получило доброе признание нации за свои демократические тенденции, за то, что не дало погубить «душу живу» в нашем народе, что делило с ним страдания и тяготы, что на свои деньги содержало талантливых выходцев из беднейшего люда; бескорыстное и святое учительство выполняло свою высокую миссию вопреки стремлениям властителей. И получало за это нередко «имя громкое — народного заступника, чахотку и Сибирь».

В наше время два с половиной миллиона учителей нацелены обществом на воспитание свободных личностей, разносторонне образованных, гармонически развитых, исповедующих прекрасные идеалы, готовых отдать свои знания и умения на благо всех людей. И это — главный принцип, основа социальной ориентации школьников. А профессиональная ориентация, как мы уже знаем, является ее следствием, конкретизацией общей цели. И каждый учитель в меру своих возможностей старается на своих уроках направить учеников на освоение деятельности, прямо или косвенно связанной с преподаваемым им предметом. Иначе и быть не может: ведь если преподаватель ведет занятия без расчета увлечь всех, передать свою любовь, значит он — равнодушный урокодатель, а не Учитель, чье естественное назначение — обрести единомышленниками и последователями. И чем талантливей наставник, чем ярче, щедрее его горение, тем больше у него приверженцев.

Позволю себе привести суждения, извлеченные из собственной жизненной практики. Наша школа в Ленинграде была из рядовых. Помещалась она в бывшей гимназии, не очень, видимо, богатой. Учительский состав — смешанный и по возрасту, и по личностным качествам. Но была в школе удивительная душа, чей мягкий, добрый свет освещал сумрачное здание, чье блестящее искусство заставляло каждого, кто с ним соприкасался, — педагога ли, ученика ли — оборачиваться самой лучшей стороной. Григорий Николаевич Курындин, преподаватель русского языка и литературы, обучал нас любви к прекрасному в такое страшное время, когда, казалось бы, должны забыться сами эти понятия: искусство, литература. В осажденном Ленинграде, во время непрекращающихся обстрелов (а мы уже перестали уходить в бомбоубежище), он вел свои уроки так, как будто единственной нашей заботой было не то, доживем ли мы до следующего дня, а сумеем ли отличить ямб от хорея. Только став взрослой, я в полной мере оценила огромную выдержку, мужество старого, больного, слабого человека, ни разу не появившегося перед нами, голодными, замурзанными, закутанными во все теплые вещи, ни одного разу не появившегося в несвежей сорочке и небритым. (Что такое раздобыть воду даже для питья в застывшем городе, знают только те, кто сам возил на санках ведерки с Невы и Фонтанки.) И какое мастерство лектора, воспитателя он являл нам каждый день! Стоило одному из нас хоть чуть-чуть подняться над обязательной нормой домашнего задания, сделать что-то «свое», от души и для нее, — он тут же обращал внимание всех на шаг их товарища, очень серьезно и уважительно разбирая наши наивные «опусы». А некоторые из них даже инсценировал и ставил на школьной сцене. Мимо его внимания не прошла самая малость из способностей, обнаруженных его учениками. Его усилиями в школе возникла драматическая студия, из нее выросла потом «частная» опера, балетная группа и все прочие начинания, которые сделали нашу школьную жизнь могучим противовесом той разрушительной силе, тем ужасам, которые навалились на ребячьи души в долгие годы осады и послевоенных тягот...

Он умер, не дождавшись освобождения Ленинграда от блокады. Мы, повидавшие много горя и мучений, пережили его смерть как утрату самого дорогого нам че-

ловека. Школа словно осиротела. И все-таки его дух, его страсть продолжали жить в нас даже помимо нашего сознания. В старших классах нам не всегда везло с литераторами. Но нам было придано определенное направление, и движение продолжалось в этом, заданном направлении. Шел активный процесс «самовыращивания». Среди моих одноклассников были способные математики, увлеченные географы — так, сами по себе, нередко даже вопреки слабым преподавателям, — которые в кружках Дворца пионеров завоевывали призы и признания, но и они были вовлечены в бурную деятельность «гуманитариев». Вспоминаю, как наши «естественники» выходили на сцену, преодолевая мучительную робость и косноязычие, читали стихи и пели арии из опер.

Напрямую унаследовали пристрастие Григория Николаевича всего несколько человек; и не в арифметическом выражении надо видеть масштабы его воздействия: он не упустил ни одного росточка, заметил, согрел, ободрил, дал ему свое благословение, что ли. Вот что главное. И он создал атмосферу, в которой каждое проявление творчества почиталось общей радостью, а знание — наслаждением. Знание само по себе, безотносительно к последующей пользе. В этой ориентации на бескорыстие в приобретении знаний, на мой взгляд, — основа и залог разрешения многих сложных современных проблем школьного воспитания (и профориентации в том числе).

Сейчас часто и справедливо упрекают школу в том, что она нацеливает своих воспитанников на продолжение учебы в институте или техникуме. И при этом совершенно не считаются с тем обстоятельством, что далеко не все выпускники средней школы смогут попасть в эти учебные заведения и — что особенно важно — не всем туда и надо стремиться. И как только начинается среди педагогов разговор на эту тему, так некоторые из них в свое оправдание приводят такие доводы: как, дескать, можно развивать интерес к науке, к предмету, если тут же придется оговариваться, что знакомство с ней здесь, у школьных дверей, и закончится? У школы отнимают важнейший стимул образования — это его продолжение, применение школьных знаний в последующей практической деятельности. Эта мысль нередко вырастает в непреодолимую психологическую преграду на пути к объективному и целенаправленному ориентиро-

ванию юношей и девушек на работу после школы. Но если заглянуть за эту стену рассуждений, то мы, наверное, обнаружим стереотипное представление об образовании только как о средстве, с помощью которого приобретается определенное профессиональное и общественное положение (средство «выйти в люди», как говаривали многие наши предшественники и как еще считают иные наши современники). Осознанно или нет, но взрослые передают и эти свои суждения детям: «Учись, а то...» За этим следует название профессии, на которую сможет рассчитывать неуч, профессии, стоящей в самом низу престижной лестницы. И, наоборот, отличнику прочат в награду профессии-фавориты.

С введением всеобщего обязательного среднего образования школьный аттестат практически утратит многие свои преимущества. Он превратится в такой же «безотносительный» документ, как, скажем, свидетельство о рождении. И тогда «бескорыстные» образования станут явлением естественным. И тогда, по-видимому, каждому учителю придется освоить это трудное искусство: учить детей извлекать радость, наслаждение, награду из самого процесса учения, труда, творчества, познания. А все это воспитывает важнейшую способность — трудолюбие, которое необходимо всем и каждому и без которого невозможны никакие достижения.

И вот какими собственными методами и средствами другой опытный педагог добивается этого эффекта в преподавании. Заслуженный учитель РСФСР С. А. Гуревич как-то рассказывал молодым людям на выставке, организованной на материалах четырех десятков лет его преподавательской деятельности, о том, как он отыскивал «точки соприкосновения» с ребятами, увлекающимися другими предметами. То есть с теми, кому на изучение литературы и языка тратить время и силы «невыгодно». Иногда приходилось прибегать к буквальным и откровенным поискам общего в разном: так, он попросил фанатичного математика выявить точки соприкосновения его любимой науки с литературой. Сам учитель нашел всего три такие точки: собственно техническая литература, тоже нуждающаяся в словесном выражении, история науки, фантастика. А мальчишка нашел шестнадцать таких точек. И они послужили «отправными пунктами» для дальнейших занятий предметом. Уже в собственное удовольствие.

Когда класс проходил «Слово о полку Игореве», чтобы увлечь всех темой, педагог дал каждому особое задание с точным учетом личных увлечений. «Зоологине» предложил сходить в зоопарк и описать, сфотографировать всех птиц и зверей, которые упомянуты в «Слове». Парнишке, грезившему военными подвигами, поручил сделать схему битвы между половцами и русскими, проанализировать ход «кампании». Будущий астроном должен был подготовить доклад о затмении солнца.

«Самое страшное для учителя не то, что ученик не захвачен твоим предметом, — убежден С. А. Гуревич, — хуже нет, если он ничем всерьез не увлечен: тут действительно трудно «зацепиться». Но, к счастью, таких ребят мало, а «пользу» можно извлечь даже из страсти к голубям».

Я здесь привожу эти учительские «хитрости» для того, чтобы показать, как может действовать мудрая и человечная метода «предметника»: идти к ребенку через его увлечения и интересы, с полным уважением к тому, что он любит.

Думаю, что ни для кого не прозвучит неожиданностью признание, что многие учителя вслед за родителями, делают попытки овладеть интересами ребят, направить их развитие, по сути не зная этих интересов, формировать личность, не выявив ее возможности и склонности. И результат получают, естественно, не тот, которого ждут.

А методика Гуревича, даже если ее оценить только с одной, интересующей нас стороны — социальной и профессиональной ориентации, — приносит добрые плоды. Для ученика предмет его увлечения начинает поворачиваться различными гранями, выявляются такие особенности, о которых школьник и подозревать не мог. Кроме того, ученик со своей страстью перестает находиться в своеобразной изоляции от остальных ребят с их собственными увлечениями. Рушатся перегородки, отделяющие «физиков» от «лириков». Поиски связующих звеньев предостерегают человека от профессиональной узости и высокомерия: невозможно смотреть свысока на другие отрасли знаний, если проникаешься чувством и убежденностью всеобщей взаимозависимости, диалектического единства явлений и вещей.

Однако я отдаю себе отчет в том, что сделать методику Гуревича всеобщей и повседневной практикой

что-е за-ине»иро-ове».училпро-дол-к неч, —дей-акихастии то-ая иерезому,дан-оди-бят,ере-ости, нелькои пло-ово-осо-мог.ахо-ебятдки,зую-аль-ысо-чув-ости,ме-икой

тоже непростая задача. Да и не каждому педагогу она по плечу: требуется широчайшая образованность, высокая культура души, которая позволяет, не смущаясь, учиться у собственных учеников. И, натурально, нужна масса дополнительного времени на всякого рода «придумки». Где все это взять учителю-предметнику, который в день ведет занятия в трех-четырех классах, то есть общается в течение дня со ста — ста шестьюдесятью учениками?

Осознавая это, я иной раз склонялась к мысли, что, может быть, институт классных наставников вновь возродится в школе. Тем более в будущей, которая все чаще видится как учреждение воспитательного назначения и уже потом образовательного. Потому что с воспитанием сугубо «через предмет» все-таки не очень-то получается. Совмещение слишком сложно: что-то да обязательно ускользает из поля зрения педагога, да и немногие обладают необходимым универсализмом. Быть хорошим воспитателем еще совсем не значит — хорошим урокодателем, и наоборот: способный предметник очень часто оказывается беспомощным классным руководителем. Вот бы, в конце концов, разделили эти две, такие разные и сложные профессии. Тогда бы «предметник» получал от воспитателя подробную аттестацию особенностей, увлечений, темперамента ученика. Классный наставник должен был бы извлекать корень конфликтных ситуаций, создавать микроклимат отношений и т. п. Скажете, это и теперь входит в обязанности классного руководителя. Обязанности-то есть, возможностей нет. Поэтому нынешние классные руководители только и могут, что «скликать» родителей и требовать «принятия мер», то есть опять же требовать проявления волевого импульса. Действенность подобных «воспитательных мер», как мы уже знаем, весьма ограничена.

В последние годы в нашей системе народного образования несколько раз происходили принципиальные перестройки — с ориентацией на трудовую подготовку учеников, политехнизацию обучения и на разделение школ по профилям. Эти реформы диктовались благими намерениями — лучше подготовить школьников к практической деятельности и к занятиям науками. И, как первоочередная цель, помочь ребятам осознанно выбрать будущую специальность. Однако все эти мероприятия не оправдали надежд, которые на них возлагались. По-

литехнизация практически была подменена освоением азов какого-нибудь ремесла. Школа, раздобывшая у завода-шефа устаревшее слесарное оборудование или токарные станки, объявляла, что готовит будущих слесарей и токарей. Школа, «приписанная» к радиозаводу, посылала туда на трудовую практику поголовно всех старшеклассников. Сельская школа обучала мальчишек вождению тракторов и комбайнов, а девчонок — работе на ферме. В итоге единицы выпускников шли работать по «профильной» специальности, те же единицы, которые числились и до перехода на «специализацию». Неудачи толковались и так и эдак, пока не уяснилось: причина как раз в огульной подготовке к одной или нескольким профессиям всех учеников, без различия пола, интереса, способностей. Класс токарей, класс пекарей, класс продавцов. Мне думается, бесперспективность подобной «массовости» теперь очевидна всем. Однако были и добрые опыты, которые принесли немало пользы и в теории, и в практике профориентации.

Лет десять-двенадцать назад в педагогических кругах Удмуртии сенсационной была методика, примененная в ижевской школе № 30. Когда другие школы республики открывали микромастерские с музейной дряхлостью инструментом и станками, «тридцатка» объявила себя школой-заводом. И имела на это полное право. Не потому, что располагала мощной производственной базой, а потому, что воспроизводила досконально структуру промышленного предприятия. У завода был свой директор, главный инженер, конструкторы, коммерческий отдел, плановый, снабжения и сбыта, кооперации, труда и заработной платы, своя бухгалтерия и т. п. Были, естественно, и производственные цехи, и работники разной квалификации, и бригадиры, мастера, начальники — все чин чинном. Ребятам объяснялись задачи каждого звена и службы «предприятия», каких они требуют знаний и склонностей. Предоставлялось им право пробовать себя в различных сферах и качествах. Завод находился на хозрасчете, и юные заводчане изыскивали заказчиков на изготавливаемый цехами инструмент и малогабаритную мебель, устанавливали деловые связи с поставщиками, разрабатывали модели и конструкции в соответствии с ГОСТами, добивались должного качества. Проявившие себя умелыми руководителями старшеклассники получали «повышение». Однако так или

иначе покомандовать довелось каждому. Как, впрочем, и всем постоять за различными станками.

Завод познакомил ребят со специальностями, о которых они конкретного представления не имели: конструктор, экономист, нормировщик, снабженец, кладовщик, бухгалтер, контролер. У администрации школы не возникало никаких сложностей с дисциплиной на «производственной практике» (во многих обыкновенных школах это был один из больных вопросов: поведение на уроках труда).

Мне думается, что «тридцатка» в свое время осуществила разумное и многоплановое знакомство учеников со структурой современного производства, открыв перед ними, кроме непосредственного содержания труда, сложные связи и отношения, распределение обязанностей — то, с чем любой из них непременно встретится, какую бы область производства ни избрал в будущем. Больше того, здесь они проходили первую ступень школы коммунистического отношения к труду: они естественным образом, без потаций, проникались сознанием личной ответственности за общее дело, а не только за собственные успехи и свои домашние задания, в них пробуждалось чувство хозяев этого завода. А именно этих качеств и не хватает многим нашим школьникам, даже вполне добропорядочным и благополучным.

Завод дал им те знания, которые не всегда получают даже люди, проработавшие на одной операции, станке несколько месяцев, а то и лет. Они узнали главное, что нужно знать о промышленной профессии: ее значимость, степень сложности, перспективы совершенствования — все то, что составляет ее сущность. И еще — ее место в ряду других служб. Они пожили атмосферой коллективного труда при единой его цели. Они узнали радость необходимого дела (а не очередного выполнения урока ради отметки). Сделанные их руками молотки и другие нехитрые бытовые инструменты шли нарасхват, заказы приходили даже из целлинных совхозов. И детская мебель тоже ценилась. Они, наконец, узнали вкус заработанного хлеба. Да, да, им платили зарплату! И все это: «настоящность» дела, ребячья самостоятельность, «материальная заинтересованность» — вызывало самые придирчивые наблюдения, проверки, привлекало массу контролеров, доброжелательных и не очень. Не опасно ли это для слабого, неустойчивого ре-

бачьего характера: деньги, заказы, снабжение, сбыт — слова-то какие... тревожные.

Вы, наверное, удивитесь подобным сомнениям и недоверию: в начинании «тридцатки» не было особого открытия — всем известны опыты Макаренко с ФЭДом, опыты многих его последователей в «интернатских» школах, в различных «хозрасчетных» учебных заведениях. Действительно, такие попытки были и будут. Как, видимо, не переведутся и сомневающиеся в их полезности. Ведь исповедовать заветы пророков (в том числе и педагогических) легче, чем им следовать в каждодневной жизни.

Педагогам из 30-й школы было неважно, кто из учеников по окончании школы будет делать инструменты, а кто — мебель для малышей. Им было очень важно знать, что в мир выходят не слепые котята, которые будут бессмысленно тыкаться носами, путаться в сложностях отношений, в которые они вступят непременно — сейчас же или пять лет спустя. Педагогам важно было помочь ребятам хоть немножко разобраться в самих себе: куда тянет, что могу... И тем самым они и осуществляли основные требования профориентации. Потому что, повторяю, в моем представлении рациональное зерно школьной ориентации заключается в воспитании у ребенка веры в то, что его способности, возможности, интересы — огромная самодовлеющая ценность, которую надо беречь и умножать. В воспитании уважения к личности, к ее свойствам и особенностям, то есть в утверждении тех самых правил и норм, которые мы записали в нашей программе построения коммунистического общества. Человек, вобравший в себя эти отношения и взгляды, не поддастся конъюнктурным соображениям при выборе для себя дела всей жизни, он не сробеет перед сложностями, не променяет дарование на мнимые блага.

Наоборот. Безразличие, унижительное пренебрежение порождают агрессивность, стремление что-то доказать, порождают равнодушие ко всем и вся, в том числе и к собственной судьбе.

Именно эти стороны воспитательного процесса — положительные и негативные — я и имела в виду, когда говорила, что профориентация существовала в школе испокон веку.

Многие же учителя восприняли ее введение как мод-

ное новшество, очередное «мероприятие», кампанию, что ли, которых они уже навидались. И чтобы не утруждать себя лишними заботами, иные из них сводят все к дополнительным занятиям, кружкам, олимпиадам и пр. И очень ревниво относятся к вторжению в их сферу влияния «посторонних сил», даже если это ученые, ведущие большой социальный эксперимент. Например, в Ленинграде, во ВНИИ профтехобразования мне рассказывали, как противились директора и учителя некоторых школ, где исследователи хотели провести собеседования со старшеклассниками, чтобы ориентировать тех, кто проявит необходимое предрасположение к рабочим специальностям. Администрация этих школ чинила всяческие препятствия для таких собеседований. Дескать, этими консультациями ученые «переманят» учеников, они уйдут в ПТУ, а школе не из кого потом будет комплектовать девятые-десятые классы. Хотя педагоги отлично понимали, что большей части учеников такая ориентация была необходима, как и переход в специализированные училища. Потому что если таких ребят отгораживать в последних классах от профессионального обучения — значит, им надо подать надежду на продолжение обучения в институтах и техникумах. Что учителя и делают. По соображениям, будем называть вещи своими именами, эгоистическим: чтобы добиться «наполненности» классов и чтобы иметь в руках сильнодействующее средство против нерадивости и лени учеников. А что потом испытают их воспитанники, когда надежды рухнут, не очень, видимо, их заботит. Хотя, казалось бы, именно это — судьба детей, их счастье — должно быть единственной целью, смыслом, радостью учительского труда.

Наверное, и эти педагоги были в свое время неправильно ориентированы в своих представлениях о сущности собственной профессии. Потому что еще Н. К. Крупская в статье «К закону о политехнизации» указывала, что школа должна организовать помощь в деле профориентации. Она же предупреждала о необходимости учитывать способности ребенка и помогать их гармоническому развитию. А в статье «Выбор профессии» она говорила, что воспитатели должны для этого получить знания, которые помогали бы на научной основательности профориентации.

Среди заинтересованных педагогов широкую извест-

ность приобрели опыты 11-й белгородской школы. Здесь профориентационную работу начинают уже в первом классе. И начинают ее... с родителей. Затем на уроках по основам наук учителя рассказывают о предприятиях и профессиях своего города. Для тех школьников, которые заинтересовались определенной специальностью, создаются условия, при которых они могут испробовать свои силы в избранном труде. Для этого школа заключила трудовые договоры с несколькими предприятиями города. Руководители заводов и фабрик гарантируют подросткам возможность такой пробы, а школа обязуется содействовать пропаганде профессий, которые наиболее дефицитны для данного предприятия.

Для учащихся девятых классов организован факультатив по выбору профессии — один час в неделю, где они знакомятся с самыми популярными в Белгороде специальностями. Ведется кропотливое изучение интересов и склонностей учеников. Начиная с восьмого класса на каждого ученика заводится дневник наблюдений за развитием его склонностей и способностей, куда каждый учитель вносит свои соображения. Ежегодно о профессиональных намерениях детей учителя узнают с помощью анкет.

Многие годы школа не выпускает из поля зрения своих питомцев, учитывает и анализирует их трудовую судьбу. Хорошим знаком, указывающим на то, что все эти усилия не пропадают даром, является тот факт, что выпускники «одинадцатой» реже других мечутся в поисках своего места.

Подобные меры и средства применяют и учителя многих школ Кемеровской области. В Прокопьевске, например, обязательными стали занятия лекторией по профессиям, экскурсии в цехи по изучаемой в классе отрасли производства. Кружки и клубы по интересам возглавляют специалисты, инженеры и техники. В летнюю пору многие старшеклассники включаются в рабочий ритм и цикл настоящего производства. В городе созданы лектории и для родителей. Проблемы профессиональной подготовки школьников стали обязательными на учительских конференциях и педсоветах.

Некоторые исследователи проблем профориентации считают, что функция школы в этой области прежде всего и больше всего определяется информационной деятельностью и тем, как помогают учителя своим учени-

Видимо
появится
дет входит
дого учени
ности пед
Более
службы
планомери
района, гор
получить
хозяйства
А пока
все же д
явить и
каждого
тивов, обу
явление пр
тей их раз
ний проф
будет огр
цию, поте
ствуют о
908 опрош
месяца до
«Определи
школы?»
десятилет
А при кон
вы не опр
ответы вы
фессиях»
«Школа
стр. 115.
4 т. Афанасье

кам сделать выбор с помощью проб и освоения первичных навыков полюбившегося дела. Однако любой, кто знаком с реальными условиями труда педагогов, знает, что они даже физически не в состоянии уследить за растущим количеством профессий, а тем более досконально изучить их требования или определить, пригоден ли их ученик к избранному делу, если оно основывается на каких-то специфических свойствах, выявляемых только медиками или психологами (а таких работ становится все больше).

Видимо, настанет время, когда в каждой школе появится специалист-психолог, в чьи обязанности и будет входить составление психологического портрета каждого ученика, направление всей ориентационной деятельности педагогического коллектива.

Более плодотворным будет введение и специальной службы информации, которая поставит своей задачей планомерное и постепенное ознакомление школьников района, города, села с теми профессиями, которые могут получить выпускники на близлежащих предприятиях, хозяйствах, учреждениях.

А пока этого нет, основное внимание воспитателей все же должно быть сосредоточено на том, чтобы выявить и максимально развить природные способности каждого ребенка. «Интересы — это один из ведущих мотивов, обуславливающих выбор профессии. Поэтому выявление профессиональных интересов и определение путей их развития составляет одно из основных направлений профориентационной работы в школе»¹. И это уже будет огромным вкладом в профессиональную ориентацию, потому что исследования социологов свидетельствуют о том, что каждый третий выпускник из 908 опрошенных ленинградских старшеклассников за два месяца до окончания школы не мог ответить на вопрос: «Определили ли вы характер своей деятельности после школы?» — утвердительно. Понимаете, даже характер деятельности не определили, не только специальность. А при конкретизации этого вопроса следующим: «Если вы не определили своей деятельности, то почему?» — ответы вышли вот такими: «Плохо информирован о профессиях» — 29 человек; «Из всех профессий трудно вы-

¹ «Школа и выбор профессии». М., «Просвещение», 1969, стр. 115.

брать свою» — 37; «Не знаю, не думал» — 72; не ответили на вопрос 56 учащихся. Мне кажется, эти цифры ставят все на свои места в споре о том, что же такое профориентация в школе. Слабая информация о профессиях меньше всего является причиной отсутствия влечения к делу. Зато несоизмеримо возрастает процент «не ориентированных в самих себе». Практически каждый третий человек выходит из школы «не раскрытым» не только для других, но и для самого себя. Это значит, в мир молодой человек вступает ощупью. И на что он «наткнется», где набьет себе синяки и шишки, даже предугадать трудно, и сколько он причинит урона обществу запоздалыми поисками себя и своего назначения, можно будет подсчитать уже потом.

Замечательный педагог нашего времени В. А. Сухомлинский в своих размышлениях о формировании гражданина рассказывал о главных принципах, которыми руководствовались он и его соратники в воспитании профессиональной направленности школьников. Во-первых, слияние практической и теоретической подготовки с эмоциональным воздействием, с воспитанием чувств ребенка. «Гражданское начало труда органически сливается с чувством собственного достоинства... Найти, открыть, утвердить в человеке его трудовое призвание, добиться, чтобы каждый стал настоящим мастером в какой-то работе, чтобы трудовое творчество навсегда вошло в духовную жизнь и стало самым сильным эмоциональным стимулом деятельности, — в этом состоит единство идейного и трудового воспитания»¹.

Какими средствами он достигал осуществления таких высоких принципов в условиях сельской школы? Прежде всего тем, что предоставлял детям с первых же лет обучения возможность пробовать себя в разных кружках рядом со старшими ребятами, в посильном труде. Воспитатели не торопили детей с окончательным выбором занятия. Пусть лучше пробуют в школе, нежели потом, став уже взрослыми. Когда же ученик на чем-то останавливал свое внимание, ему создавались условия для постоянного роста и совершенствования, что, на мой взгляд, наиболее важно для использования и развития разных сторон натуры — физических и ум-

¹ В. А. Сухомлинский, Рождение гражданина. М., «Молодая гвардия», 1971, стр. 329.

ственных. Это — вторая грань трудового воспитания. Как говорил Василий Александрович, в чередовании работы с тончайшими приборами, сложными формулами и с молотком, зубилом, лопатой — один из секретов гармоничного слияния ума и рук. Напряжение физических усилий переживается не как конечная цель, а как средство достижения цели.

«Связь учебы с трудом я усматривал в том, чтобы подросток думал работая и работал думая... через слияние мысли и физического труда, где тонкие движения рук осуществляют такой же тонкий замысел, подростки становятся мудрыми мыслителями, исследователями и открывателями истины, а не потребителями готовых знаний»¹. Третья сторона и высшая ступень трудового воспитания: сделать каждого исследователем в избранной области, творцом нового. Этим принципам в его школе подчинена вся кружковая работа. Не продолжение уроков, не дополнительные занятия на более сложном уровне, а возможность пробовать себя в сфере практического применения знаний и совершенствования добытых умений. Тут один перечень кружков многое говорит об их характере: кружки юных растениеводов, селекционеров, пасечников, электротехников, радиотехников, слесарей-конструкторов, животноводов и др. Для пытливых, ищущих напряжения умственных сил в школе открыли «Комнату сложных дел», где создавались приборы и модели радиоэлектронного оборудования, где задавались и решались сложные головоломки, где требовалось проявить глубокие познания в разных науках, чтобы производить исследования по биохимии и почвоведению. «Переступая порог этой комнаты, мальчики и девочки входили словно бы в преддверие науки. Тут испытывался характер, закалялась воля; тут подростки на собственном опыте познавали, что такое самовоспитание»².

Значит, профессиональная ориентация в практике Сухомлинского означала не собственно профессиональную подготовку (педагог никогда не рассказывал, как он «растит» слесарей, трактористов, радистов, почвоведов), но ставила целью воспитание творческой, думаю-

¹ В. А. Сухомлинский, стр. 324—325.

² Там же, стр. 327—328.

щей, трудолюбивой личности, что способствовало развитию в детях как раз тех рабочих качеств, которые им прежде всего необходимы в любом деле, какое бы они потом ни избрали.

Многие учителя следуют заповедям, которые пропагандировал всю жизнь и всей жизнью наш замечательный современник. И все же никакие усилия энтузиастов-одиночек не могут заменить системных действий. А они станут возможны лишь тогда, когда учителей самих будут специально готовить к профориентационной работе и знания в этой области будут преподаваться столь же основательные, что и по предметной методике.

...В последние годы Министерство просвещения СССР и Академия педагогических наук ввели в педагогических вузах страны профессиональную ориентацию в качестве спецкурса. Студентам в течение 30 лекционных и шести семинарских занятий предлагается освоить многоэтажный комплекс проблем, объединенных в этом спецкурсе. А на теоретическую часть отводится всего 12 часов. Мало, конечно, обзорно. И все же... Лед тронулся!..

ЗАКОНОМЕРНЫЕ СЛУЧАЙНОСТИ

Если влияние семьи, школы на формирующуюся личность можно проследить и проанализировать хотя бы задним числом, то выявить воздействие на ребенка сил, в которые объединяются все обстоятельства, встречи, события повседневности, довольно сложно. Но попытаться узнать меру и степень их влияния на определенную натуру или даже на целое поколение необходимо.

Интересный факт: подавляющее большинство старшеклассников в анкетах указывает в качестве одной из важнейших причин, по которой они избрали именно данную специальность, — возможность делать открытия. Если бы наши школьники воспитывались исключительно семьей и школой, вряд ли таким единодушным было подобное заявление. Родители, к сожалению, чаще нацеливают своего ребенка на учение или работу как таковую, а не на творческий процесс. Точно так же и учителя: их требования к воспитанникам сводятся к тому, чтобы они не «открывали» новое, а хорошенько выучивали уже открытое. Значит, не в школе, не в семье заразились нынешние старшеклассники жаждой проник-

путь в неведомое. Откуда же она взялась? Из воздуха, из эфира — в прямом и переносном смысле этих слов. Из воздуха — атмосферы эпохи, из эфира — из ежедневных передач радио, телевидения, сообщений газет, литературы, кинофильмов и т. д. — всего того, что мы зовем средствами массовой коммуникации и что властно вторгается в процесс воспитания, формирования интересов личности.

Как-то я узнала, какое огромное впечатление произвела на зрителей передача Ленинградского телевидения «Хлеб». В ней взволнованно, мужественно и честно рассказывалось о героических и трагедийных днях обороны города, о том, что значил в блокаду маленький кусок хлеба, о благодарности хлебопекам, которые падали от голода у хлебных печей, но последние силы отдавали для того, чтобы Ленинград не лишился и этих жалких пайков, поддерживающих жизнь его защитников. После этой передачи сотни юношей и девушек подали заявления в профессионально-технические училища хлебопекарной промышленности, хотя авторы вовсе не задавались целью привлечь внимание молодежи к этой профессии.

Если бы социологи задумали провести опыт с целью выяснения степени влияния средств массовой коммуникации на выбор профессии, они вряд ли получили бы более впечатляющий результат, чем тот, который дала эта телевизионная передача. Хотя, впрочем, и без специальных исследований нам известны периоды, многолетние этапы всеобщего увлечения, например, Арктикой (после дрейфа папанинцев и походов Отто Шмидта, экспедиций Амундсена, Нобиле, рейдов «Красина» и «Челюскина»). Столь же длительны и «широкозахватны» были увлечения летным делом: имена прославленных летчиков и летчиц надолго вытеснили из ребячьих голов героев приключенческой литературы — отважных охотников-индейцев, пятнадцатилетнего капитана и иже с ними. Их новые герои были людьми из плоти и крови, были их современниками.

Я мысленно пробегаю два последних десятилетия нашей жизни. Редкий из годов не характеризуется каким-нибудь «взрывом»: движением, походом, направлением, пристрастием. Целина, Братск, Космос, Большая химия, Автомобилестроение. И каждое это слово поднимало тысячи молодых людей. «Возьмите меня в космонавты,

готов преодолеть любые трудности во имя науки!», «Примите в отряд целинников, хочу быть там, где труднее всего!», «Пошлите на КамАЗ, хочу своими руками строить завод-гигант!» Так писали сильные, мужественные люди и те, кто лишь в мыслях, мечтах был способен к восхождению «на пик времени». Писали те, кто точно знал, что от них потребует трудное восхождение, и те, кто не имел об этом ни малейшего представления, и некоторые вообще, «за компанию», по принципу: «А что я — хуже других?»

В каждом из таких потоков, вызванных на поверку велением времени, было немало настоящих людей, кому чрезвычайные условия и высокие требования жизни и труда давали возможность раскрыть свои недюжинные силы и способности. И мы узнавали имена героев. Эти имена звали за собой, рождали и рожают мечты у новых поколений девчонок и мальчишек.

Но, конечно, не всем по плечу оказывались жизненные трудности. И тогда порой возникали встречные потоки: один, скажем, в Сибирь, а другой — оттуда, домой, к маме. И не всегда нужно сурово осуждать «беглецов»: не каждому дано вести ежедневную жизнь по нормам подвига. Но каждый молодой мечтает об этом, и поэтому так скоры на подъем юноши и девушки, услышавшие новый клич: «Стране нужны отважные, сильные, умелые!» А какие они сами? Те ли они, к кому обращаются с этим призывом? Это знали очень немногие. (Как мы уже видели, третья часть ребят, заканчивающих школу, не могут толком определить свое назначение — следовательно, свои силы, возможности, способности.)

Всей нашей системой воспитания, всеми средствами воздействия на человека мы создаем своего рода психологическую ориентацию на подвиг, на завоевание высот, открытия в любой области и сфере человеческой деятельности. И это приносит прекрасные плоды: творческое горение, стремление к совершенствованию свойственно нашему народу. Однако... чем больше мы ориентируем молодежь на исключительность, тем больше у нас становится претендентов на редкие, «видные» профессии и тем больше вакансий на обыденные, но необходимые.

В последние годы наша педагогика и пропаганда немало сделали для того, чтобы выровнять этот «пере-

кос» в пристрастиях молодежи, но при этом не утра-
тить, не погасить «души прекрасные порывы». Для этого
выявляется и пропагандируется благородная сущность,
общественная ценность «незаметных» профессий, требо-
вания и возможности, которые они открывают каждому
молодому человеку для реализации собственных высоких
устремлений. Успеху такой воспитательной деятельности
способствует всенародное чествование тружеников
в День металлурга (строителя, рыбака, работника сель-
ского хозяйства, торговли, легкой промышленности и,
конечно же, учителя, медика). Такие праздники, посвя-
щенные важнейшим, можно сказать, вечным профессиям,
привлекают к ним внимание молодежи, поднимают
в их глазах значимость и авторитет массовых занятий.

Немалую пользу приносят теле- и радиопередачи,
книжки, очерки в газетах, которые знакомят ребят со
знатыми людьми страны, рассказывают о достижениях
передовиков производства, раскрывают секреты их
успехов.

Правда, не все эти усилия приносят пользу, иные про-
сто не достигают желаемой цели.

Незнание точного адреса, психологии адресата, ин-
формативно-повествовательная манера, отсутствие ана-
лиза движения, динамики дела — вот недостаток, кото-
рый присущ многим видам нашей профессиональной ин-
формации и агитации.

Помню, как меня удивила одна передача Централь-
ного телевидения, посвященная дефицитной и ответствен-
ной специальности — водителя автобуса. Главное дей-
ствующее лицо — опытный водитель, мастер своего де-
ла рассказывал, чем ему дорога его работа. Все, что
он говорил, не вызывало сомнений в справедливости ска-
занного: труд его напряженный, большая ответственность
за жизни пассажиров и прохожих, внимание к людям,
искусство вождения в переполненном транспортом горо-
де — и высокая материальная и моральная оценка хо-
рошего работника. Повторяю, в фильме все было пра-
вильно, кроме одного — не учтена была психология ад-
ресата. Весь драматизм профессии (а он-то и является
в первую очередь истинным магнитом для волевых, ре-
шительных людей, каким нынче нужно быть водителю
городского транспорта), весь риск и отвага, чуткость и
расчет остались за кадром телекамеры. Она спокойно
скользила по благостным уличным сценкам или подолгу

задерживалась на лице и руках шофера. А они, естественно, никаких «профессиональных» особенностей на себе не несли.

Другой пример — на улицах Москвы расклеены цветные афиши. В красных, зеленых и синих кругах вписаны призывы с минимальным различием в тексте: «Интересная профессия водителя троллейбуса!» Варьируется только название профессии: водитель автобуса, трамвая... О чем информируют прохожих такие афиши? О том, что городское хозяйство остро нуждается в работниках транспорта и что у составителей рекламных объявлений полностью отсутствуют фантазия и представление о психологическом воздействии этих произведений рекламного искусства.

К сожалению, подобной безадресностью, отсутствием подробной информации о той или иной профессии, я бы даже сказала, отсутствием заинтересованности у авторов страдает не только реклама. Полистайте такое информационное издание, как «Справочник для поступающих в вузы». Там тот же уровень и те же недостатки, что и в газетных объявлениях, рекламных щитах у ворот учреждений, предприятий, профессионально-технических училищ: готовят (или требуются) — и перечень специальностей — вот и все их содержание. В «Справочнике» есть еще указание предметов для конкурсных экзаменов и адреса вузов. Что может из этого извлечь бедный «соискатель», как сумеет примерить к себе эти пока для него безликие названия? Нет даже в «Справочнике» указаний общих качеств и свойств, которые необходимы тому, кто задумал сделать следующий шаг вверх по лестнице современных знаний, кто выбрал себе поприще, требующее высшего специального образования. Абитуриент из этого «Справочника» не узнает общие требования к здоровью, к интеллектуальным и нравственным качествам будущего студента и советского специалиста. А для стремящихся в вуз такое предисловие могло бы быть очень полезным предостережением.

Однако воспитание воспитанием, информация информацией, но и человек отнюдь не аморфное существо, безропотно принимающее направленные на него воспитательные меры. Как мы уже знаем, он сам активный участник этого процесса.

В раннем «дошколятстве» он воспринимает или сопротивляется влиянию извне инстинктивно. А потом

начинает работать сознание; и первый шаг к самостоятельному решению своей судьбы ребенок делает, когда выбирает объект для подражания — собственного героя. (Как это называется у психологов — выбирает себе роль.)

Это может быть и самый близкий человек, могут быть и знакомые. Им может оказаться Айболит, Маугли, крокодил Гена, Чебурашка. Растет ребенок, расширяется круг его знакомств с живыми людьми и персонажами художественных произведений (что для него пока одно и то же: грани между вымыслом и былью для него трудно различимы). Постепенно меняются нормативы, требования, с которыми он подходит к избраннику. Со временем на эту роль допускаются не просто симпатичные ему существа, а вполне определенная социальная личность. Человек, проявивший себя в общественном действии, в отношениях. И тогда уже не все папы-мамы выдерживают экзамен на этот «чин».

Сверстники — ребята со двора и из класса — становятся на долгие годы экспертами, советчиками в каждойдневной жизни, нередко ориентирами и ориентаторами в будничных делах и поступках. Дальше — все серьезнее выбор, чаще противоречия и осложнения. И все же смена «идолов» и ролей происходит в единой внутренней логике. «Твой любимый герой» — тема многих школьных сочинений. Писались бы они абсолютно искренне, по ним и еще по любимым книгам можно было бы открыть и наблюдать, анализировать движения ребячьих душ, кристаллизацию идеала, а значит — и надежды, стремления. Ведь наблюдательному и заинтересованному воспитателю немало откроет и библиотечный формуляр. Такой грубый пример: даже по подбору «имен» из серии «Жизнь замечательных людей» нередко можно определить, чем озабочен читатель. Если берет книги о жизни и деятельности корифеев науки и конкретного ее направления — значит, стремится уточнить выбор предмета увлечения и пути достижения вершин в конкретном деле. Берет биографии фигур сколь великих, столь и трагичных или противоречивых — значит, не обрел еще нравственной установки на цель жизни и деятельности. Во имя чего трудиться, а не кем и где, — вот проблема этого читателя.

Некоторые «производственные» романы, кинофильмы служат для юношества своего рода развернутыми про-

фесснограммами. Большинство рассказов великолепного художника слова Андрея Платонова можно было бы назвать гимнами Делу, одами Мастеру. Они способны зажечь страстью к мастерству тысячи ребячьих сердец, если заботливая рука взрослого вовремя положит их на стол школьника.

Когда бы мы, родители и педагоги, всерьез и глубоко занимались профессиональной подготовкой детей, сколько можно было бы достичь без нудных прописных морализаций, умелым подбором книг, обсуждением увиденных фильмов и телепередач. Но... нам ведь все недосуг! И мы мало что делаем, чтобы координировать, разумно направлять ежедневные стихийные воздействия, которым подвергается наш воспитанник.

А теперь о тех участниках многостороннего процесса, которые выходят на просцениум, когда человек уже принял решение о своей профессии и делает первую попытку для его осуществления. И их появление порой заставляет его «переориентироваться», менять планы и намерения.

Стетоскоп врача — один из первых инструментов профконсультанта. Как часто мы забываем о том, что наше тело, казалось бы, послушное нашей воле средство, орудие наших планов, желаний, — что оно и наш суровый диктатор одновременно. Кого-то оно не пустит на капитанский мостик, кого-то, рвущегося душой в облака, усадит за конторский стол. Нет запасных деталей и частей у человеческого организма. И как бывает обидно, унижительно отказаться от дела, к которому себя готовил сизмала, только потому, что стопа ноги у тебя не той формы или глаза видят хуже, чем надо бы, пальцы рук не так гибки. А то и серьезнее: обнаруживаются последствия перенесенных в детстве болезней. Медицинские же осмотры с каждым годом становятся все строже, а ограничения все настоятельнее и бескомпромисснее.

Очень часто «отводы» медиков действуют на претендентов подобно грому с ясного неба: ведь почти все ребята, заканчивающие школу, за исключением физически неполноценных и тяжелых хроников, не подозревают об этой преграде на пути к специальности, о врачебном «фильтре», о том, что существуют какие-то медицинские

показания и противопоказания к овладению большинством массовых профессий. Им редко об этом говорят, а если говорят, то не о том, что можно, а о том, что нельзя. Хотя с точки зрения элементарного такта надо бы как раз наоборот.

Правда, врачи сейчас в большем объеме располагают сведениями о противопоказаниях, чем о том, какая специальность не повредит человеку с определенными дефектами здоровья. Однако это не может служить основанием для исключения медиков из процесса подготовки ребенка к будущей трудовой деятельности.

Доктор медицинских наук И. Д. Карцев сетовал на то, что нынешние детские врачи, и прежде всего школьные, мало озабочены мыслями о взрослом бытии маленького пациента, они чаще всего фиксируют создавшееся положение, но редко «корректируют» развитие ребенка. Не предупреждают родителей о возможных ограничениях в деятельности их сына или дочери, о том, в каком направлении нужно воспитывать его интересы, чтобы они не расходились противоположно с его состоянием здоровья. Короче говоря, они не выполняют функций службы психологической гигиены и профилактики, какую бы должны проводить по сути.

Выступавший на первом Всесоюзном совещании по профориентации профессор В. М. Левин со страстью и тревогой рассказал о результатах обследования учеников 22 школ Ленинграда и многих ПТУ сотрудниками НИИ гигиены труда и профзаболеваний. Выяснилось, что из всего числа школьников, признанных лечащими врачами практически здоровыми, только 42 процента не имеют никаких ограничений профпригодности. Каждый третий подросток должен носить или носит очки (ограничение в выборе специальности, требующей большого напряжения зрения). У 12 процентов нарушена осанка. Но школьные и районные врачи не принимают этого обстоятельства в расчет и нестораживают родителей, не ведут собеседования с ребятами. Когда были обследованы ПТУ, готовящие рабочих для производства с тяжелыми условиями труда, картина, представшая глазам воспитателей, была самая неожиданная. Всего 15—18 процентов подростков прошли комиссию, что называется, «без сучка и задоринки». У остальных что-нибудь да неладно. То кишечно-желудочные заболевания, то сосудистые и сердечные. Когда были рассмотрены все за-

ключения, каждый четвертый был признан непригодным, около половины — ограниченно пригодными для работы по получаемой в училище специальности.

Как отмечают многие исследователи, в том числе С. А. Косилов (НИИ возрастной физиологии и физического воспитания АПН СССР), медики призваны определить соответствие психофизиологических возможностей человека и требований, предъявляемых профессией к человеку.

Специалисты по психологии труда решают эту задачу средствами диагностики и разработки индивидуальных характеристик основных свойств нервной системы и вегетативных процессов. Все большее число исследователей концентрирует свое внимание на выяснении того, какие особенности нервной деятельности «предрасполагают» к успешному труду, а какие активно препятствуют. Уже опубликовано немало разработок, в которых рассматриваются эти предпосылки для овладения профессиями операторов, токарей, машинистов, учителей.

И все же разрозненные суждения не могут служить надежным ориентиром. Верным компасом может стать только всестороннее исследование личности, всех ее свойств вкуче. Как утверждает доктор медицинских наук профессор К. К. Платонов, одна из серьезных ошибок в изучении личности с целью профориентации — односторонний подход, при котором «личность в целом подменяется либо ее отдельными психическими функциями, либо опытом, либо типологическими свойствами, либо направленностью. Эти четыре односторонних взгляда существуют до сих пор... Личностный же подход... требует обязательного учета всех этих четырех подструктур, входящих в динамическую функциональную структуру личности».

Итак, всестороннее исследование личности, всестороннее исследование профессий, всесторонний учет потребностей общества в определенных кадрах — кто возьмется вывести формулу, в которой были бы учтены и совмещены все эти данные, а без них современному молодому человеку трудно определить свой трудовой и жизненный путь? Наука. Другого ответа быть не может. Но вот насколько наши желания совпадают с общественными возможностями и интересами, с нормативами нашей морали, наконец, с теми знаниями, которые накопило наше человековедение?

«ПАТЕНТ НА НРАВСТВЕННОСТЬ»

Юный Маркс, задумываясь о выборе профессии, записал: «...Выбор этот является таким действием, которое может уничтожить всю жизнь человека, расстроить все его планы и сделать его несчастным»¹. Или, если продолжить эту мысль, напротив, — сделать судьбу человека прекрасной, несмотря на тысячи препятствий и невзгод, на лишения и страдания. Потому что для нас творчество — смысл нашего пребывания на Земле. «...Ибо что такое наша жизнь, если она не есть деятельность?»² Применительно к нашей теме это означает: выбирая дело — выбираешь судьбу.

Какую же огромную моральную ответственность берут на себя те, кто отваживается определить, куда именно направить человеку свои силы и интересы!

Многие современные новации в тех областях науки, которые прямо или косвенно затрагивают личность человека, в последнее время вызывают горячие споры по проблемам... морали. Создается впечатление, что, кроме научного признания, они должны получить «патент на нравственность». И это очень правильно и предусмотрительно. Вот и определение профессиональной направленности и пригодности таит в себе некоторые сложности морального порядка. Что это значит — указать человеку: будь тем-то, а не другим? Стоит только вспомнить многих великих людей, знаменитых художников, писателей, как сразу возникает сомнение: стали бы они теми, кем мы их знаем, если бы из их жизни были исключены трудные «поиски себя»? Ведь для них такой поиск — это процесс становления личности, процесс накопления «материала» для творчества. А как отразится на обыкновенном человеке тот факт, что одну из самых главных жизненных проблем — кем быть? — за него будет решать «дядя», даже если этот «дядя» специалист, врач, психолог?

Уже сейчас наше общество обеспокоено тем, что у некоторых молодых людей ослаблено чувство ответственности. Во многом это объясняется всесторонней и иногда затягивающейся до «бороды» опекой старших. Подростков «баюкают» различные учреждения, организации,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, стр. 1.

² Там же, стр. 564.

уполномоченные и прикрепленные лица — все они, вместе с родителями, отвечают за аппетит, сон, учебу, отдых своих подопечных. Если же теперь с подростка снять заботу и о своем призвании, профессиональном будущем, не обмякнет ли он совсем, не станет ли жить, уповая на чужую подсказку? Нет, эти опасения напрасны. Ни в одной работе советских ученых, занимающихся профессиональной ориентацией, мы не найдем утверждения, что профессиональная ориентация лишает молодого человека права и необходимости самому делать окончательный выбор.

Все методики проведения профессиональных консультаций предлагают завершить обследование и собеседование рекомендацией (!): искать применение своим способностям в определенном круге профессий. То есть профессиональная ориентация сокращает число поисков и проб, указывает «квадрат попадания», а уж «попасть» — дело каждого. Больше того, профориентация стимулирует осознанный подход индивида к самопознанию, к определению основных свойств собственного характера, то есть пробуждает потребность и необходимость самоанализа. Тем самым поднимает человека на новую ступень духовной деятельности и ответственности перед собой и обществом за реализацию тех богатств, которые молодой человек в процессе самопознания обнаружит в себе самом.

Приведу очень справедливое суждение, высказанное в докладе на первом Всесоюзном совещании по проблемам профориентации И. Н. Назимовым из Киевского НИИ экономики АН УССР:

«С логической точки зрения у человека, осваивающего большой объем информации о внешнем мире, должна уменьшаться неопределенность позиций относительно будущей профессии и формироваться окончательный и обоснованный отбор. Фактически же это порождает состояние неуверенности, даже растерянности перед таким обилием. Психологически это объясняется, в частности, тем, что информация носит односторонний характер: познание не дополняется самопознанием — возникает конфликт между относительно высоким знанием внешнего мира и низким уровнем знания самого себя. Это значит, что активность человека зависит не только от полноты и глубины знаний условий жизни, приобретаемых в процессе наблюдения, учения и осо-

бенно в деятельности, но и от степени знаний своих сил и возможностей (способностей)...

То есть без самопознания человек не может стать по-настоящему активным. Казалось бы, истина очевидная. Но обильная читательская почта вдруг преподносит очередной парадокс. Приведу здесь запись одной из многочисленных моих бесед с ворошиловградским ученым, большим энтузиастом научной профориентации Борисом Яковлевичем Первомайским (с ним самим, с его учениками и с их работами знакомство впереди). Я показала Борису Яковлевичу письмо москвички И. Ю., которую я назвала женщиной, замученной самоанализом. Ей годы раздумий о собственном назначении не принесли ни уверенности, ни удовлетворения собой и своей работой, ни душевного равновесия — всего того, что мы почитаем за конечный итог разумного распоряжения собственной судьбой. Вот выдержки из ее несколько иронического письма:

«Может, уже поздновато думать о правильности выбора (10 лет рабочего стажа!), а может, и нет, от всех этих вопросов можно сделаться психом (или психологом?). До чего надоело заниматься самоанализом. Хочется, чтобы тебе раз и навсегда указали твой шесток. Работала восемь лет инженером. Все было как будто прилично; звезд с неба не хватало, но и не отставала, были благодарности и премии... Появился ребенок, и почувствовала — не тяну инженерную работу, не тем голова занята. Ушла в службу технической информации. Работа, мягко говоря, много легче прежней. Голова наполовину свободна, можно подумать о доме. Но через два года стала ловить себя на том, что все время думаю о доме, то есть просто не могу работать, устаю страшно, к концу дня — совершенная развалина. А между тем здоровьем моему могут позавидовать многие. Нынче два месяца была в отпуске и ни разу не захотелось на работу. Мне кажется, что это не совсем нормальное состояние. Что это? Полная деградация?.. А может, я действительно в душе домашняя хозяйка?»

Борис Яковлевич Первомайский так оценил ситуацию и сомнения этой женщины:

«Что же тут ненормального, если у женщины тяготение к домашнему хозяйству? Какая здесь деградация? Быть настоящей матерью и хозяйкой дома — за-

дача сложная и важная. Одни могут ее совместить с производственными обязанностями, а для других такое совмещение превышает их возможности. И есть в жизни немало случаев, когда женщина оставляет работу ради семьи, тут нет оснований кричать «караул!». Скорее противоестественно поведение женщины, бросающей ради работы семью и детей беспризорными. И то, что ваша корреспондентка принимает за деградацию, есть «отрыжка» общественного предрассудка, который в нас укоренился: считать домохозяйку чуть ли не ущербным человеком. Слава нам и времени, мы уже прозрели и отрешились от этого заблуждения. Опять же — какая мать, какая хозяйка! Это главное!»

Да, предрассудки. Они ведь бывают не только религиозного, мистического характера. Какой Монблан предрассудков порой вырастает на самой деловой и прозаической почве! Например, в суждениях о том, какого человека и за что уважать: за способности, за звучную, внешне эффектную специальность, за быстрый служебный рост, за эрудицию. А ведь эти предрассудки — очень важный фактор в той самой профориентации, о которой мы говорим.

В разговоре с Борисом Яковлевичем я вспомнила случай из своей журналистской практики. Писала я очерк об одном молодом капитане рыболовецкого траулера и приводила его слова о том, что человек должен соотносить свои желания с отпущенными ему возможностями, то есть не стараться «прыгать выше головы». Капитан имел в виду необходимость трезвой оценки своих способностей и сил, когда поднимаешься по служебной лестнице, иначе говоря, ориентации уже не «по горизонтали», а «по вертикали». Он считал, что каждый должен уметь сдерживать честолюбивые стремления при подъеме «наверх», когда чувствуешь, что следующая ступенька потребует от тебя такого напряжения, что труд из радости превратится в непосильное ярмо¹.

¹ Нам очень трудно признать ограниченность наших возможностей. Однако от этой печальной истины нам никуда не деться. Это у человечества безграничные возможности, а у личности, даже великой, — потолок очевиден. Как говорил И. П. Павлов: «Конечно, что касается великих людей, как они ни сильны, и тут возможны срывы, так как масштаб их жизнедеятельности чрезвычайный, а всякой силе есть свой предел» (И. П. Павлов, Полн. собр. соч., т. 3, кн. 2. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 293).

На очерк пришло несколько откликов, в которых этого капитана называли «бескрылым человеком», чуть ли не расчетливым эгоистом, который высчитывает, сколько ему сил отдать обществу, а сколько оставить для себя, что, дескать, он отмеряет «дозы» энтузиазма и горения, и все в таком плане. Как было отнестись к таким рассуждениям?

«Что ж, это тоже одно из распространенных заблуждений, — заметил Борис Яковлевич. — Многие привыкли оценивать человека по его месту и по тому, как он быстро продвигается по служебной лестнице или остановился на каком-то этапе. Самый обычный разговор у встретившихся через несколько лет институтских или школьных товарищей: «Где ты, кто ты?» — в смысле должности, а не в смысле личности. И при этом если один называет солидный пост, то все начинают смотреть на него с повышенным интересом и уважением: «Ого, значит, он талант! Нечто выдающееся!» А на другого, кто все еще занимает должность, с которой начал трудовую деятельность, поглядывают с удивлением или даже с оскорбительным сочувствием: «Неудачник или посредственность». Конечно, у нас «чины» даром не даются, однако «положение» не исчерпывает оценки человека, а свидетельствует лишь о высоком развитии одной стороны личности: об организаторских, административных способностях. А все остальные качества чином не определяются и в нем не суммируются. Может, тот, кто сейчас занимает руководящий пост, — личность суетная, мелкая, тщеславная, а то и того хуже — самодур, жестокий и узколобый, а значит, и руководитель «волею случая», а не заслуженно. И взлет его — до первого серьезного столкновения со своим антиподом. И напротив, «неудачник» и «посредственность» — отличный специалист, на своем месте незаменимый, уважаемый работник, интересный, разносторонний человек.

Мне думается, этот предрассудок рассеется тогда, когда все будут знать психологические и типологические свойства личности. И прежде всего потому, что станет ясно: многие человеческие качества и свойства можно оценивать не сами по себе, в «чистом виде», но лишь в зависимости от того, на что они направлены и как употребляются. Почему Александр Сергеевич Пушкин сказал: «Гений и злодейство — две вещи несовме-

стные»?! Да потому, что человечество именуется гением не вообще сверходаренность, а лишь одаренность, направленную на благо людей. Это значит, что и профконсультанты должны будут по возможности полностью выяснить предпосылки поведения обследуемого, как мы говорим, — его направленность. Это отличается от обычных житейских оценок, которые мы часто даем друг другу, вроде: он — парень добрый. Для психолога такая характеристика не годится. Ему необходимо выяснить, какая доброта — активная или созерцательная, огульная или избирательная или та, которая «хуже воровства». Или бдительность, осторожность — полезные качества? Несомненно. Однако опять же надо знать: кому, где и в какой мере они могут понадобиться и против кого или чего будут применены».

Здесь хочу присовокупить к мнению современного ученого слова из мечниковских «Этюдов оптимизма»: «Для нравственного человека недостаточно руководствоваться одним сознанием чувства долга — ему необходимо еще и знать, к какому результату приведут его поступки». И дальше: «Нравственность следует основывать на научных данных». Иначе говоря: чтобы стать по-настоящему нравственным, необходимо сделать свой внутренний мир, поступки, пристрастия и способности предметом серьезного и тщательного изучения. И тогда мы сможем быть уверенными, что самопознание заставит нас не довольствоваться тем, чего мы достигли к моменту самоисследования, оно сподвигнет нас к самосовершенствованию.

Небывалое волнение и духовное напряжение буквально наэлектризовало атмосферу аудитории, где выпускники одной из ворошиловградских школ заполняли анкеты, предложенные им медиками. Отвечая на самые обыденные и спокойные вопросы, они словно выносили себе приговор: так одухотворены были их лица, так лихорадочно блестели глаза, мучительно давалась каждая оценка. Оказалось, что это очень не просто — ответить на вопрос: «Какой я человек?» И один парень не выдержал «самокритики» — ушел из зала, хотя и заполнял анкету наедине с самим собой и тайна его «исповеди» была гарантирована врачами. Встречались потом анкеты, отражавшие мучительную борьбу мнений о собственной персоне. Мне думается, что даже такой единичный случай обстоя-

тельной самооценки не прошел даром и не забылся с уходом исследователей. И уже одно это свидетельствует в пользу вывода «формулы личности».

Не в укор зарубежным исследователям, а истины ради скажу, что большинство их методик исключает самооценки по основным качествам. Многие задания носят почти кабалистический, таинственный характер. К примеру, даются картинки вроде тех, что мы разгадывали в детстве: чего не хватает на второй картинке? Обследуемых «ловят» на пропущенных буквах, на различных геометрических фигурах. Подобного рода приемы создали опасливое отношение вообще к тестовой методике обследования. Натурально, если вас спрашивают: вытираете ли вы обувь при входе в помещение, и на этом основании делают вывод о вашей порядочности, то серьезно относиться к такого рода заключениям нельзя. Но при чем тут, простите, сами тесты (по-нашему, по-русски говоря: пробы, опыты)?

Однако мы вновь пересекли границу вопроса о моральных послылках профориентации и проникли в сферу научно-методических. Но в комплексной проблеме — человек и выбор профессии — трудно строго разграничить ее отдельные стороны. Мы познакомились с социально-экономическим, педагогическим и нравственным аспектами дела. Мы уже знаем, что будущим педагогам преподается спецкурс по этой дисциплине; что немало делается для широкого ознакомления школьников с профессиями, которые они могут получить на предприятиях родного города, района; что ученые сами проводят обследования и консультации старшеклассников, не дожидаясь создания спецслужбы; что, наконец, многие из нынешних школьников всерьез занялись изучением собственной природы в целях наилучшего определения своих возможностей и подготовки себя к будущей работе. Средства массовой информации — газеты, радио, телевидение — все больше и глубже исследуют проблемы кадрового дефицита и профориентации молодежи. Все чаще темой их выступлений становится разговор об особенностях и преимуществах той или иной массовой специальности.

А теперь принимаются меры по приданию профориентации широкого, государственного размаха. Так, НИИ производственного обучения АПН СССР преобразован в НИИ производственного обучения и проф-

ориентации. Новые лаборатории открываются при различных медицинских и психологических институтах. В республиках и областях создаются комитеты, советы по профориентации, которые координируют работу педагогов, хозяйственников, кадровиков, информаторов.

Вот, к примеру, как рассказывают о республиканской системе профессиональной ориентации работники Министерства просвещения Латвийской ССР. Для объединения разрозненных усилий специалистов, планирующих органов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, учебных заведений, научных учреждений и общественных организаций, в том числе и прямо заинтересованного — комсомола, был создан республиканский межведомственный Совет по профессиональной ориентации молодежи, дающий рекомендации соответствующим ведомствам, предприятиям. Во многих районах (городах) созданы собственные советы, а в школах — комиссии. В различных министерствах республики действуют структурные подразделения, ответственные за организацию и проведение всех мероприятий по профориентации, а на заводах, фабриках, в совхозах выделены специальные работники.

Бюро экономики и экономико-математических методов планирования при Госплане Латвийской ССР начало разработку профессиограмм и методик отбора молодежи для работы по наиболее распространенным профессиям, необходимым народному хозяйству республики. Комитеты по печати, кинематографии, радиовещанию и телевидению включают в планы издание брошюр, подготовку передач, фильмов о «дефицитных» специальностях. При Министерстве просвещения республики создан кабинет по профориентации, его филиалами служат кабинеты в районных, городских отделах народного образования и в школах. Кабинеты, кроме пропаганды и непосредственно консультаций, имеют задание — разрабатывать и вносить на рассмотрение республиканского (районного, городского) межведомственного совета предложения о том, какое участие могут принять в общем деле «сторонние» организации и учреждения. Так «закольцовываются» все звенья системы: заинтересованные и дееспособные. Школа — межведомственный совет профориентации — конкретные предприятия и службы, заинтересованные в кадрах и призванные воспитывать смену, — школа,

ее кабинет.
никами. Уже
специалистами.
включен в с
А в Лен
который ре
профессиона
ток, положе
учение и ра
приятый и т
бочие групп
пропаганде
данию специ
ные отделен
рых крупней
профориента
школы Лени
ские рекомен
В Эстони
чен для чет
тый классы)
преследует
формацию о
о характере
ими требова
умения для с
В Москве
статус бюро
ления, при
пункты, где
димые сведе
специальност
и прочей по
силам.
Теперь в
заций обра
в создании
всеохватыва
системы.
Об иных
териалов
школе». «П

ее кабинет, который проводит работу со старшеклассниками, уже вооруженный помощью, средствами, специалистами, литературой, полученной от всех, кто включен в сферу влияния межведомственного совета.

А в Ленинграде действует Координационный совет, который регулирует и контролирует всю работу по профессиональной ориентации: утверждение разработок, положений, методик, издание справочников, изучение и распространение лучшего опыта школ, предприятий и т. п. Организованы при этом совете три рабочие группы: по изучению личности школьника, по пропаганде профессий, по описанию профессий и созданию специальной литературы. Существуют районные отделения Координационного совета, а на некоторых крупнейших предприятиях города функционируют профориентационные бюро. Гороно определило, какие школы Ленинграда осуществят на практике теоретические рекомендации и разработки.

В Эстонии составлен учебник, который предназначен для четырехгодичного (с восьмого по одиннадцатый классы) курса «Основы выбора профессии». Он преследует цель — дать учащимся необходимую информацию о профессиональном разделении населения, о характере разных специальностей и предъявляемых ими требований к человеку, дать нужные знания и умения для самооценки¹.

В Москве и других городах получили официальный статус бюро по трудоустройству и информации населения, при которых существуют консультационные пункты, где молодой человек может получить необходимые сведения о наличии спроса на определенные специальности и совет, где ему с его образовательной и прочей подготовкой лучше искать применения своим силам.

Теперь взоры всех заинтересованных лиц и организаций обращены к науке. За ней решительное слово в создании прочного, точно рассчитанного каркаса всеохватывающей многоступенчатой государственной системы.

¹ Об иных изысканиях и опыте можно прочесть в сборнике материалов «Проблемы профориентации и профконсультации в школе».

Диагноз: профессия

Сам акт возникновения профориентации как науки, пожалуй, можно будет сравнить с рождением мифической богини Афродиты: эта наука тоже явится из «пенных волн» — дискуссий, сомнений, поисков. Появление ее будет тем более необыкновенно, что произойдет это по настоящему требованию, открытому социальному заказу. Ее пришествие готовят специалисты разных сфер знаний и практики, ей заранее указаны цели, назначение, формы и даже имя. И уже собрались нетерпеливые «заинтересованные лица» в ожидании чуда, появления новой науки.

А ее творцы тем не менее пока что размышляют над вопросом: возможна ли она на нынешнем уровне знаний о человеке и профессиях? И вообще, что такое профориентация с чисто научной точки зрения? Вот где скрещиваются шпаги, где звучат голоса нетерпеливые и иногда нетерпимые к инакомыслящим, и, честно говоря, оснований для горячности более чем достаточно...

На первом Всесоюзном совещании по профориентации школьников его участники сделали заключение, что для создания единой и научно обоснованной системы необходимо разрешить четыре главные задачи:

1. Получить сведения о специалистах разных профессий: где, каких и сколько работников нужно народному хозяйству. Иметь точные (в достаточной мере) представления о том, сколько их потребуется завтра и через несколько лет. Это функция и обязанность статистиков, плановиков, экономистов, социологов и футурологов.

2. Собрать и систематизировать сведения о сути, специфике всех массовых профессий, в особенности о тех медико-физиологических и психологических требованиях, которые они предъявляют к человеку. Установить эти нормативы и свести их в авторитетные спра-

Диагно
професс
вочники — это может быть результатом совместных усилий производителей, медиков и издателей.

3. Создать научную систему определения личных данных, склонностей и способностей учащихся. Здесь главное слово за физиологами, психологами. Конечно, их помощниками будут знатоки ребячьих душ из числа учителей и родителей.

4. Необходимо базировать профессиональную ориентацию на ориентации социальной, чтобы согласовать потребности общества и стремления учеников. Это важнейшая воспитательная задача, которой должны повседневно заниматься и семья, и школа, и общественные организации.

Первый и четвертый пункты программы не вызывали сомнений, хотя и непросты в исполнении. Теперь отдельные предприятия, стройки и колхозы начинают планировать не только выпуск продукции, но и социальные преобразования, в том числе количество и уровень подготовки кадров, необходимых для выполнения производственных заданий.

Педагоги, не дожидаясь от ученых справочников и специальной литературы, приняли решение начать перестройку воспитательной работы со старшеклассниками, нацеливать их внимание на производство и сферу обслуживания, где большинство из них и будет трудиться.

А вот с сердцевиной программы — наукой о профессиях и человеческих способностях к определенной деятельности — все оказалось куда как сложно.

Начнем с терминологии, с того необходимого «рабочего инструмента», без которого невозможно элементарное взаимопонимание. На этом совещании можно было услышать, как словом «профориентация» определялись самые различные явления и действия.

Нет единства в определении этого понятия и у зарубежных исследователей. Французская Генеральная академия профориентации дает такое толкование: профориентация — это ознакомление ребенка с любыми сведениями о профессии в семье или школе. Она является частью общего и этического развития ребенка дома и в детских учреждениях, начиная с детского сада. Американскую точку зрения я уже приводила.

Профориентация — процесс, в котором индивиду отводится пассивная или активная роль? В этом

суть разногласий: в роли индивида. Либо принимать в расчет и признавать только воздействие на человека извне, либо считать его полноправным соучастником процесса воспитания — и тогда все действия общества, родителей, школы можно признать лишь частью этого явления (процесса, науки). Несогласованность в распределении главных ролей, в определении полномочных участников приводит порой к серьезным недоразумениям, так что даже сторонники одного направления начинают вести сражения. Как говорится, «своя своих не познаша».

А межведомственные споры стали чуть ли не обязательным условием встреч. Педагоги начинают обвинять медиков в том, что они «биологизируют» представления о профессиональной пригодности человека, утверждают чуть ли не врожденную заданность, предопределенность трудовой будущности индивида. Медики, в свою очередь, ставят педагогам в вину пренебрежение природными данными личности, которое мстит идущим против природы яростной сопротивляемостью «материала». Кадровики и экономисты обвиняют и тех и других, что их исследования и воспитательные меры не дают немедленного практического эффекта (ученики, получившие в школе производственную подготовку, ничем не отличаются от тех, кто пришел из «непрофильной» школы, а научные обследования корректируют выбор, вместо того чтобы направить интересы «пациентов» в нужное русло).

Многие нетерпеливые родители и их чада воображают профориентацию чем-то вроде фокуса с угадыванием спрятанной карты. Я задумал, а факир поглядел мне в глаза и угадал. Поэтому они «набрасываются» на любого, кто объявляет себя причастным к этой области исследований. И бывают недовольны, когда специалисты предъявляют им встречные требования — провести определенную интеллектуальную и душевную работу по определению некоторых собственных свойств. («Задумать и работать над собой? Вы этим занимаетесь, вы и скажите, что я такое!»)

Конечно, не одними диспутами жив ученый. На трибуну он выходит, вооруженный определенными позициями, выкладками, наблюдениями и обобщениями, основанными на обширном исследовательском мате-

риале. И вооружает практиков полезными разработками, рекомендациями и даже узаконенными положениями¹.

Однако все эти разрозненные исследования до сих пор никак не могут получить завершающего объединения в единую и всеобщую систему. И происходит это именно потому, что многие основополагающие вопросы еще не получили необходимого разрешения.

Важнейшую составную часть профориентации мы уже неоднократно называли: знание требований, предъявляемых профессией к человеку, к его психофизическим качествам. Досконально их указать можно, только совместив знания медиков, экономистов, психологов и самих непосредственных исполнителей. Каждый из них выявляет собственные «параметры» профессии: медицинские показания и противопоказания; степень интенсивности труда и характер напряжения (физического и нервного); уровень предварительной подготовки (интеллектуальной, ремесленной); характер производственных отношений в процессе труда; степень самостоятельности и творчества или, напротив, заданности и машинизации; ритм работы, ее монотонность или разнообразие. И еще многое другое должно быть учтено при обстоятельном описании конкретной работы в профессиограммах.

Вам может показаться, что уж по этому вопросу — о необходимости и возможности создания таких профессиограмм — спору нет. Мне вспоминается, однако, как после обстоятельного сообщения о создании профессиограмм массовых специальностей машиностроительной промышленности, с которыми выступили на уже упоминавшемся Всесоюзном совещании по профориентации сотрудники ВНИИ профтехобразования из Ленинграда, поднялся на трибуну представитель Пермского педагогического института и выразил мнение свое и группы исследователей, возглавляемых видным ученым, профессором В. С. Мерлиным, что надобности в разработке подобных карт для каждой специальности они не видят. Нынешние профессии могут иметь одно название и резко отличаться по главным требованиям,

¹ Библиография публикаций по этим проблемам уже включает не один десяток наименований, перечислить которые не представляется возможным. Автор на некоторые из них ссылается в своей работе.

предъявляемым к исполнителю: к его знаниям, темпераменту, моторике, вообще к основным нервным процессам. К примеру, наладчик. На одном заводе — это трудяга, не разгибающий спины над старым станком, оруduющий чуть ли не кувалдой. А на другом — мастер во всеоружии точнейшей и тончайшей техники. Если где и должны составлять подобные профессиональные программы — на каждом конкретном предприятии или в учреждении, с учетом всех специфических особенностей работы именно у них. Но ученые не могут «разбрасываться» на частности, их задача — разработать нормативы для профессий со сходными условиями и особенностями.

На том же совещании (да и прежде) высказывалась и еще одна точка зрения: подавляющее большинство массовых профессий не предъявляет определенных требований к человеку. Однако вся сегодняшняя практика ставит под сомнение ее справедливость. Шахтер, моряк, шофер, летчик, монтажник, оператор, диспетчер, сборщик, учитель, врач, инженер — массовые профессии? Но для их освоения претенденту приходится пройти тщательный предварительный отбор и проверку. А общественное мнение требует ужесточения «нормативов» при приеме на учебу и работу. И не только здоровье претендента оценивается, но опять же психологические и нравственные качества, направленность и способности личности. Количество и формы проверок все возрастают и усложняются.

Однако существует мнение, что массовые профессии не предъявляют определенных требований к индивиду, его возможностям и способностям. Как следует из высказываний сторонников этого мнения, под «массовыми» подразумеваются профессии, которые не предъявляют высоких требований к интеллекту, образованию, личностным качествам исполнителя (короче, работы низкой квалификации, подсобные, по обслуживанию полуавтоматических станков и пр.). Овладеть ими действительно не представляет особых сложностей для любого здорового (первое ограничение!) человека. Но постоянно работать опять же смогут лишь те, кто соответствует условиям и задачам неквалифицированного труда. Поэтому что избыток личностных качеств, образования, интеллекта так же чреват осложнениями, как и недостаток. Больше того, подобное распределение работников и не-

экономично.
назначая для
образования
случайно се
что на некот
хозяйства в
нежели те,
классов. Реч
сколько пре
го хозяйства
блема, для
дующее сове
свести к ми
творческий т
подавляюще
уже говори
творческий, с
И еще. К
фессий, весь
друг от друг
нормативам,
может вполн
ленном к р у
Здесь поз
собственные
составить пр
но массовой
лась и поня
продавца не
ний, кроме с
с покупателя
щиками из
ного отдела
мообслужи
лирных изде
Во всем дру
общего.
Продавца
почти автом
многочислен
расчет, то же
ние времени
действовать

экономично, и негуманно. Ведь не зря существуют ограничения для приема на работу, не требующую высшего образования, людей с институтскими дипломами. Не случайно сейчас социологи поднимают вопрос о том, что на некоторых производствах и в отраслях сельского хозяйства выпускники средних школ трудятся хуже, нежели те, кто имеет образование не выше восьми классов. Речь идет о том, что среднее образование несколько превышает потребности некоторых сфер нашего хозяйства. И это воспринимается как серьезная проблема, для разрешения которой необходимо последующее совершенствование производства, с тем чтобы свести к минимуму этот неквалифицированный и нетворческий труд. И эта проблема тем более остра, что подавляющее большинство десятиклассников, как мы уже говорили, нацеливают себя на труд обязательно творческий, сопряженный с открытиями нового.

И еще. Конечно, существуют широкие группы профессий, весьма далеких по внешним проявлениям друг от друга, но близких по психофизиологическим нормативам, освоить которые один и тот же человек может вполне успешно. Но опять же только в определенном круге специальностей.

Здесь позволю себе привести в качестве примера собственные наблюдения. Как-то решила попробовать составить профессиограмму для специальности бесспорно массовой — продавца. Ходила, смотрела, примерялась и поняла: в различных специализациях профессии продавца нет точек соприкосновения и общих требований, кроме одного — быть внимательным и вежливым с покупателями. Ну скажите, что общего между продавщицами из булочной, магазина «Изотопы», галантерейного отдела крупного универмага, из «Гастронома» самообслуживания, магазина по продаже картин и ювелирных изделий? Прилавок и упомянутая вежливость. Во всем другом, причем очень существенном, — ничего общего.

Продавщица в булочной работает большей частью почти автоматически: назвала цену на изделия не очень многочисленного ассортимента, приняла чек, произвела расчет, тоже не очень сложный, выдала товар. На общение времени остается мало. Если же работница не может действовать долго сосредоточенно и молча — начинает

ся сбой, возникает путаница в подсчетах, появляются раздражение, грубость.

В магазине «Изотопы», скажем, совсем иной ритм, иная публика, иная установка, психофизиологические и интеллектуальные требования. Если в первом случае при отборе главное внимание необходимо сосредоточить на расторопности претендентки, на внимательности, аккуратности, на быстром счете, на уравновешенности и подвижности нервной системы, то во втором случае необходимо, чтобы будущая продавщица умела не только работать, но и... «бездельничать», то есть терпеливо, часами ждать редкого покупателя. Уровень ее общей образованности, естественно, должен быть намного выше. Больше выдержки: выбор товара здесь происходит медленнее и тщательнее, требует совещания с продавцом-знатоком. Излишняя общительность здесь тоже ни к чему, но по иной причине, а значит, и иного свойства: разговаривать-то не с кем.

Продавщица из галантерейного отдела большого универмага работает чаще всего в бригаде; значит, кроме искусства быстро ориентироваться в массе мелких, разноценных товаров, размеров, фасонов, деталей, кроме умения слушать, видеть, отвечать нескольким вопрошающим, требующим, кроме способности убедить или отговорить и т. п. — короче, кроме массы мгновенных и многослойных взаимоотношений, в которые она вступает с покупателями в качестве консультанта, — ей необходимо еще умение налаживать долгие и прочные отношения со своими напарницами. И так далее.

Что же я обнаружила в результате этого «микроследования»? Во-первых, что нет единого типа профессии, именуемого нами «продавец». Даже в пределах одного магазина требования, предъявляемые к исполнителям, будут кое в чем отличаться: в универсальном магазине, к примеру, в отделе детской игрушки нормативы будут отличаться от условий и требований, которые главенствуют в отделе грампластинок: товар особый, покупатель разный, ритм непохожий.

Во-вторых, у каждого «типа» продавца есть много общего с представителями профессий, далеких от прилавка, где все его — этого «типа» — отличительные особенности могли бы найти успешное применение. К примеру, продавщица из булочной вполне может работать у станка-полуавтомата, в качестве швей-мотористки, пря-

дильщицы, те
из галантерей
бы свое место
стве портних
ратории завод
дукции. В ко
животновод.
бы «уместна»
учреждении, н
ведущей скл
отдела игруш
детских учре
пунктах предг
«Уточнения
медиками. Од
ния професс
есть немало с
моих бесед со
мативы и стан
Вот что г
ориентации Н
ства здравоох
профессор И.
«Мы изуча
ские требован
ностью к исп
1961 года, мы
профессий. Во
че специально
тому подобны
взгляд тут и н
ние, ловкость
Оказывает
сия требует б
тельности. (П
бы это напря
каждым днем
просто хорош
которая позво
точно выбра
тельность, дл
ние» — пинце
рого зрения»,
такое взаимо

дильщицы, телефонистки, штамповщицы. Продавщица из галантерейного отдела универмага, наверное, нашла бы свое место в ателье индивидуального пошива в качестве портнихи, а может, даже закройщицы или в лаборатории завода, на сборке мелкосерийных партий продукции. В колхозе она — член полеводческой бригады, животновод. Продавщица из магазина «Изотопы» была бы «уместна» в библиотеке, делопроизводителем в учреждении, на заводе — табельщицей, в деревне — заведующей складом, зернохранилищем. Продавщица из отдела игрушек может вжиться в обстановку больницы, детских учреждений; сможет работать на приемных пунктах предприятий бытового обслуживания.

«Уточнения» тут могут быть внесены прежде всего медиками. Однако и в вопросе медицинского определения профессиональной пригодности и ее ограничений есть немало спорных положений. Приведу запись двух моих бесед со специалистами, вырабатывающими «нормативы и стандарты» пригодности.

Вот что говорит заведующий лабораторией профориентации НИИ гигиены детей и подростков Министерства здравоохранения СССР доктор медицинских наук, профессор И. Д. Карцев:

«Мы изучаем и обосновываем медико-физиологические требования, предъявляемые той или иной специальностью к исполнителю. Занимаясь этой проблемой с 1961 года, мы выявили критерии около четырех сотен профессий. Вот, к примеру, очень распространенная ныне специальность сборщика радиоаппаратуры, часов и тому подобных изделий из мелких деталей. На первый взгляд тут и не медику все понятно: нужно хорошее зрение, ловкость и быстрота рук.

Оказывается, и эта в общем-то несложная профессия требует большого напряжения высшей нервной деятельности. (Правда, теперь почти не осталось работ, где бы это напряжение отсутствовало или не возрастало с каждым днем.) Так вот, названному сборщику нужно не просто хорошее зрение, а быстрая зрительная реакция, которая позволяет в массе одинаковых деталей быстро и точно выбрать необходимую, высокая кожная чувствительность, для того чтобы пальцы или их «продолжения» — пинцет могли принять на себя функцию «второго зрения», давая тем самым отдых глазам. Именно такое взаимодействие зрительной и двигательной реак-

ций с кожной чувствительностью приводит к лучшим результатам. Отсюда и контингент работников на подобных операциях — женщины с тонкой чувствительностью, нежными и быстрыми пальцами.

Как-то в нашу лабораторию обратились с просьбой определить медико-физиологические критерии для артистов циркового искусства. Мы долго отказывались: не такая уж это распространенная профессия, чтобы ею заниматься тогда, когда для многих массовых специальностей еще не выработаны нормативы. Нас все же уговорили. А потом оказалось, что полученные разработки могут быть приняты за основу при определении пригодности целого ряда распространенных специальностей. Так возникла еще одна группа, главную особенность которой составляют внезапные сложные ситуации — в частности, в нее входит профессия монтажника-высотника.

Вот некоторые из требований, предъявляемых к акробатам, воздушным гимнастам, эквилибристам, а также и монтажникам. В их трудном и рискованном деле нередко возникают обстоятельства, при которых необходимо принять немедленное и единственно верное решение. Значит, должна быть развита мгновенная реакция, сложные двигательные навыки при всевозможных изменениях положения тела, то есть необходима четко выраженная взаимосвязь коры головного мозга и подкорковых образований, хорошая кожная чувствительность, благополучное состояние вестибулярного аппарата.

Все эти качества особенно необходимы при сложных и не таких уж редких случаях: свет погас, лампочка не вовремя мигнула, трапеция заняла непредвиденное положение, у монтажника деталь выпала или отклонилась от намеченного пункта, кран не так подал... Мы располагаем аппаратурой, с помощью которой и определяем, в какой степени пациент обладает свойствами, необходимыми для данной профессии. Между прочим, нами было обнаружено довольно тревожное положение: более 20 процентов из числа работающих или обучающихся профессии монтажника-высотника не отвечают требованиям избранной специальности. Наши исследования признаны статистически достоверными. Так что это весьма настораживающая цифра».

...Так высказался медик. А во Всесоюзном НИИ профтехобразования от доктора психологических наук

Е. А. Климова
ное мнение:
«По нашим
пригодности мо
ши физиологи
циальности. М
терым иной ра
вполне можно
годы трениров
том или упраж
предположить,
вырабатывает
живать равнов
жениях.

Возьмем др
должна быть с
логи. Как же б
лительной деву
нечно, если в
ботников этой
«переориентир
А если желан
промышленност
ства помочь ей
ли названная
центрированными
могут стать св
тистости. Сокр
кого минимум
рабочее время
тимальный ма
Все это к ней
мастер. И тогд
заться с «шус
свойства личн
деть в примен
находить «ком
ства, находить
задатков и т.
а это уж вове
Когда их при
готовы к косм

Е. А. Климова по этому же самому поводу я услышала иное мнение:

«По нашим данным процент профессиональной не-пригодности монтажников-высотников не так велик. На-ши физиологи тоже занимались исследованием этой спе-циальности. Мы убеждены, что многие качества, по ко-торым иной раз «бракууют» претендента на эту работу, вполне можно развить, натренировать. Найдены и ме-тоды тренировки. Ими оказались не прыжки с парашю-том или упражнения на высоте, как можно было бы предположить, а занятия... борьбой. Этот вид спорта вырабатывает способность точно владеть телом и удер-живать равновесие при самых неожиданных его поло-жениях.

Возьмем другой пример. Ткачиха. Она, конечно же, должна быть бойкой, энергичной, легкой на руку и на ноги. Как же быть, если эта профессия полюбилась мед-лительной девушке? Отказать ей в этом желании? Ко-нечно, если в производстве испытывается избыток ра-ботников этой специальности, тогда можно посоветовать «переориентироваться» на другой вид деятельности. А если желание девушки совпадает с острой нуждой промышленности, может быть, стоит найти сред-ства помочь ей приспособиться к избранному делу? Ес-ли названная пациентка обладает аккуратностью, кон-центрированным вниманием, собранностью, эти свойства могут стать своего рода заменителями скорости, оборо-тистости. Сократив количество движений до необходи-мого минимума, она разумно и аккуратно организует рабочее время, распределит инструмент, выработает оп-тимальный маршрут передвижения от станка к станку. Все это к ней придет, если рядом с ней будет опытный мастер. И тогда «медлительная» ткачиха может посостя-заться с «шустрой», но несобранной подругой. Так что свойства личности важно не только оценивать, но и ви-деть в применении, в развитии и росте. Необходимо находить «компенсаторные» качества, способные заме-нить недостающие для специальности врожденные свой-ства, находить средства для тренировки слабо развитых задатков и т. д. Иначе получится, что мы рассматриваем молодого человека как натуру застывшую, неизменную, а это уж вовсе неправильно. Вспомните космонавтов. Когда их принимали в отряд, они были еще далеко не готовы к космическим полетам, но годы направленных

тренировок и учения сделали их специалистами новой, сложнейшей профессии».

...Вот так приходится каждому входящему в сферу этих исследований «крутиться» между различными точками зрения и аргументацией, столь же незыблемой, сколь при тщательном анализе и уязвимой. А я так возвращаюсь к высказыванию профессора Мерлина: человек не укладывается в рамки одной-единственной обязанности, он может найти применение одним и тем же свойствам в различных сферах. И на каждой должности у него будет что-то оставаться в избытке, а чего-то недоставать. Однако, главное, есть для каждого человека круг специальностей с общими психологическими особенностями, где он будет трудиться успешно, без надрыва.

Этот самый круг я и попыталась очертить в списке вариантов занятий для продавщиц разных отделов и магазинов. Во всех этих вариантах отличаются предмет, орудия труда и условия производства, но едины ритм, степень самостоятельности, инициативы, сопряженность с людьми, а все это в немалой степени определяется типом высшей нервной деятельности. И на него, как на стержень, нанизываются специальные знания, умения и, наконец, искусство. Изучение способностей «...выражается в исследовании индивидуально-психических различий и особенностей, природная основа которых заключена в типах нервной системы и специальных типах высшей нервной деятельности человека»¹. Нынче это уже неоспоримо, как аксиома. Но как узнавать, какой именно перед нами «тип», какими приемами и средствами «извлекать» психофизиологические особенности обследуемого, — на этот счет представители разных научных учреждений и направлений мыслят на особицу. Очень болезненно принимаются попытки отдать кому-то предпочтение, очень ревниво воспринимаются высказывания прессы о разработках «соперников».

По каким признакам поведения, состояния — мимолетным, постоянным, внешним, внутренним — судить о характере основных нервных процессов и сигнальных систем? И кто будет давать заключения: машины, ап-

¹ Б. Г. Ананьев, О соотношении способностей и одаренности. (В сб. «Проблемы способностей». М., Изд-во АПН РСФСР, 1962, стр. 15.)

параты, сами испытуемые, их родители, учителя, школьные врачи, медики, психологи? Можно ли принять за достоверные результаты, полученные сегодня, когда завтра у пациента меняется обстановка, происходят потрясения и, соответственно, ломается картина проявления нервных процессов? Насколько можно доверять самооценке пациента? По какому закону составлять анкеты-тесты, чтобы они выявляли именно то свойство, которое для нас важно? И вообще, насколько достоверны тесты? Куда девать «избытки» сил, умений, интересов и как восполнить их недостачу? Надо ли объяснять, насколько принципиально важны все эти вопросы и как трудно на них ответить решительно, с полной уверенностью в своей правоте.

А теперь приведу несколько контрвопросов, чтобы читатель мог судить и о достаточной искусности оппонентов в части их постановки. Что стало бы с медициной, если бы она исключила мнение пациента о собственном самочувствии? И как будет строить свои обобщения и прогнозы конкретная социология, если она признает суждения индивида о самом себе и своей жизни некомпетентными, необъективными, а значит, и не заслуживающими доверия? Видимо, то, что дозволено медицине, социологии и педагогике, должно быть дозволено профориентации — ведь она есть производное от этих наук. Тестирование как метод применяется повсеместно, где только мы сталкиваемся с необходимостью оценить качества человека. Под разными личинами он выступает во всех отраслях человековедения: в уже названных — медицине, социологии, в педагогике, в криминалистике и т. д. и т. п. Почему же он неприемлем в профориентации?

В «Памятке профконсультанту», выпущенной Всесоюзным научно-исследовательским институтом профессионально-технического образования, определен круг людей, которые могут провести (и, по сути, уже проводят) консультации старшеклассников и подростков, обучающихся в ПТУ: «Настоящая памятка предназначена для учителей, школьных врачей, психологов, инженеров-методистов, специалистов-практиков по научной организации труда, мастеров производственного обучения и для других лиц, которым по роду работы приходится оказывать молодежи содействие в выборе жизненного пути и овладении основами профессионального мастерства».

ства в области практической деятельности... Фактически пункт профконсультации должен обслуживаться несколькими работниками, включая и технических исполнителей (техников, лаборантов)... По-настоящему помочь конкретному человеку выбрать профессию — дело хотя и вполне осуществимое, но отнюдь не простое... Человек, являющийся объектом работы профконсультанта, конечно, сложнее любой технической машины, и его так же нужно изучать и хорошо знать. Профконсультанту нужна специальная психолого-педагогическая подготовка. Знахарство здесь совершенно недопустимо».

Суждение это бесспорно. Но из него вытекает, что в данное время никто не имеет права вести консультации (в том числе и перечисленные в этой «Памятке» специалисты), потому что нет людей «специально подготовленных», как и нет учреждения, которое готовило бы профконсультантов. Значит, вся современная деятельность пока что не вышла за порог «знахарства». А поскольку всеми признано, что ни одна ныне существующая методика не может претендовать на положение всеохватывающей и исчерпывающей всю проблематику профориентации, то, видимо, этот порог будет преодолен не сразу и не сейчас.

Говорят, один ребенок может задать столько вопросов, что на них не ответит целая Академия наук. Профориентация переживает такой период «почемучества». Он неизбежен и необходим, как и спор, в котором уже прорастают зерна истины. Поэтому не будем нетерпеливыми в ожидании обильных всходов, которые принесут эти зерна.

Центральной фигурой в определении профессиональной пригодности человека, по единому мнению, будет специалист-психолог. Какими знаниями вооружат его ученые? Мне хочется познакомить читателей с одним из аспектов исследований роли и возможностей профконсультантов, с одной из многочисленных методик определения психологических предпосылок к общественно полезной деятельности у людей с различными типами высшей нервной деятельности, которую разработали психофизиологи из Ворошиловграда. Предпочтение объясняется большей осведомленностью автора именно в этих разработках.

Дарвинизм
логии и гене
тельство, что
ства за быс
ка — социал
полезных сп
рали — был
ский фактор
сохранял и
способности
ной фазе эв
«...сохранитс
го нарастан
шего накопл
для формир
ко мудрого,

Эволюци
дит человек
вития свои
ской нравст
вечности», д
данного по
подъема (а
зависят от
ко социаль
дению, ин
богатства, е

Как же
ми приобре
ности к об
шении и вз
гоприобрет
в процессе
что из чего
Я зада
профессору
дующему
рии Ворош

1 Б. Ас
шой буквы...
6*

ИСТИНЫ НЕОСПОРИМЫЕ И СУЖДЕНИЯ СПОРНЫЕ

Дарвинисты и их ревностные последователи в биологии и генетике убедительно обосновывают то обстоятельство, что в биологической фазе эволюции человека — социальных инстинктов, разумности, общественно-полезных способностей к труду, социальной этики и морали — был ответствен в значительной мере биологический фактор: естественный групповой отбор, который сохранял и «воспроизводил» необходимые и полезные способности: умственные, творческие и пр. А в социальной фазе эволюции человечества, в которой мы живем, «...сохранится и приумножится тенденция прогрессивного нарастания черт разумности и гуманности, дальнейшего накопления генетических и средовых предпосылок для формирования Человека с большой буквы, не только мудрого, но и гуманного...»¹.

Эволюцию проходит человечество, эволюцию проходит человек. И индивид как бы воспроизводит путь развития своих многочисленных предков: «от биологической нравственности», «наследственных формаций человечности», до осознанного, разумного, социально оправданного поведения. И быстрота восхождения, и высота подъема (а иногда и глубина падения) прежде всего зависят от того, какое наследство получено и насколько социальная среда способствует или мешает восхождению, иначе говоря, реализации унаследованного богатства, его приумножению.

Как же узнать, что нами наследуется, а что мы сами приобретаем и как это отражается на нашей способности к общественно полезному труду? В каком соотношении и взаимосвязи находится унаследованное и приобретенное? Вопросы эти тем более важны, что в процессе воспитания совершенно необходимо знать: что из чего проистекает?

Я задала эти вопросы доктору медицинских наук, профессору Борису Яковлевичу Первомайскому, заведующему кафедрой медицинской психологии и психиатрии Ворошиловградского мединститута, автору многих

¹ Б. Астауров, *Homo sapiens et humanus* — Человек с большой буквы... «Новый мир», 1971, № 10, стр. 224.

публикаций по вопросам профконсультирования молодежи. В кратком изложении его позиция выглядит так.

В многовековой человеческой практике самопознания выработаны такие определения качеств личности: натура, характер, навыки и привычки, способность, одаренность. Карл Маркс, говоря о врожденных свойствах, употреблял понятие «естественные способности», «природное существо» человека. В биологическом плане — это генотип, в психологическом — темперамент, а в физиологическом — тип высшей нервной деятельности. Тип в обыденном понимании — это натура. А навыки, привычки и их проявление (характер), как говорится, — «вторая натура».

Если применить знакомую всем терминологию, врожденные свойства — это «базис», а благоприобретенные — «надстройка». Конечно, определения эти весьма условны. Но коли ими воспользоваться, то надо отметить, что «базис» и «надстройка» могут находиться в различных отношениях друг к другу: они могут совпадать, и тогда перед нами будет личность гармоническая, но они могут в различной степени и не совпадать, и тогда мы встретим личность противоречивую, а подчас и дисгармоническую.

Не все способности имеют очевидную зависимость от «базисной основы», однако генетики уже с решительностью говорят, что от комбинации генов зависят умственные, творческие способности, художественная и музыкальная одаренность. А медики-психологи убеждены в том, что физиологический уровень дифференциации первой и второй сигнальных систем во многом предопределяет интеллектуальные способности. Художественный талант чаще обнаруживается у тех индивидов, у которых сильнее развита первая сигнальная система, а способности к «абстрактным» наукам преобладают у тех, у кого доминирует вторая сигнальная система.

И все истинные диалектики осознают, что решающую роль в развитии врожденных задатков играет социальная среда. В развитии. А не в возникновении.

Значит, в определении структуры личности никогда нельзя впадать в крайности: рассматривать ее только с социальной стороны или только с биологической, но обязательно во взаимосвязи. Как правильно говорят гене-

тики, споры на
человеческого
приобретенные
людьми, далеки
и физиологии:
вление не диску
факт.

Сейчас уче
ным путем вы
ды на развитии
прогрессивные
блюдения на
следственно-ид
одной, разде
называемые о
ров, президен
лекционеров
анекдотическо
ум, характ
черк и даже
шого значени
свойств. (Я
торые важны
ски надежны
но-идентичны
случаях, когд
висимо в ра
этих условий
ностью подоб
...Некотор
человека (и
ных процессо
чиво проявл
ды, то есть
денные насл
тельное про
входит восп
характерист
танность, пр
ние выполня
ды, верован
альной сре
и мышлении
даментал

тики, споры на тему, что превалирует в формировании человеческого индивидуума — врожденная основа или приобретенные черты и свойства, — ведутся только людьми, далекими от достижений современной биологии и физиологии: глубокая взаимозависимость и проникновение не дискуссионный вопрос, а доказанный наукой факт.

Сейчас ученые нашли возможность экспериментальным путем выяснить характер и масштаб влияния среды на развитие личности. Советские антропогенетики и прогрессивные зарубежные специалисты проводили наблюдения на таком безупречном «материале», как наследственно-идентичные близнецы, развивающиеся из одной, разделившейся на две части яйцеклетки (так называемые однояйцевые близнецы). Академик Б. Астауров, президент Всесоюзного общества генетиков и селекционеров имени Н. И. Вавилова, говорит: «Само их анекдотическое сходство даже по таким признакам, как ум, характер, склонности, способности, почерк и даже отпечатки пальцев, — свидетельство большого значения наследственности в формировании этих свойств. (Я подчеркиваю здесь и дальше моменты, которые важны для нашей темы. — Т. А.) На статистически надежном материале можно сравнить наследственно-идентичных партнеров по изучаемым свойствам в случаях, когда оба близнеца развивались и росли независимо в разных условиях, и оценить меру значений этих условий для нарушения определяемого наследственностью подобия...

...Некоторые фундаментальные параметры психики человека (инстинктивные реакции, подвижность нервных процессов, возбудимость, память, ум) более устойчиво проявляются в широком диапазоне условий среды, то есть достаточно стойко определяются как врожденные наследственные свойства, чем другие, в окончательное проявление которых существенным элементом входит воспитание и научение. Естественно, что такие характеристики, как знания, «культурность» и воспитанность, приобретаемые в индивидуальной жизни умения выполнять те или иные действия, привычки, взгляды, верования, несут сильнейшую печать влияния социальной среды на окончательное содержание сознания и мышления, **ПОКОЯЩИХСЯ** в то же время на фундаментальных параметрах нервной дея-

тельности»¹. Примечательно, что генетик подчеркивает всепроникающую и всескрепляющую роль нервной системы. Да, нервная система — это фундамент личности, на котором крепятся все ее качества, как психофизиологические, так и социальные.

Как мы уже знаем, в самые первые годы жизни выявляются и формируются основные интересы, возможности и склонности человека; впоследствии происходит только углубление, уточнение и накопление необходимых знаний и умений для превращения потребностей и склонностей в дело. И то обстоятельство, что так называемых «маугли» никому еще не удалось «перевоспитать», тоже говорит отнюдь не о всесильности среды и воспитания. Их возможности ограничены врожденными данными и временем. Ведь даже у такого великого педагога, как Макаренко, были случаи педагогических неудач; он и в книгах рассказывал о ребятах, которых изменить в лучшую сторону ничто не может.

Конечно, могло случиться, что среди «запущенных» были просто психически больные дети, с «искривлением души», нуждавшиеся в специальном лечении. Но ведь то, что у них имело крайнее выражение, может быть обнаружено в более слабой форме у людей, признаваемых психически полноценными. И таких немало. У каждого человека среди его знакомых непременно есть «чуждак» какой-нибудь, человек «со странностями»: упрямец или бесхребетный, вечный нытик и неудачник или безудержный весельчак и проныра. (Не удивляйтесь: этические категории тоже имеют под собой наследственную основу.)

Затем. Все, кто так или иначе соприкасался со сложным делом воспитания, убедились, что не у всех людей с одинаковым успехом можно воспитать те или иные качества. У одного ребенка такие свойства, как доброта, дисциплинированность, скромность, уступчивость, вырабатываются легко, без специальных «упражнений», как бы самой средой, а у другого эти черты возникают с великими муками, хотя растут эти дети в одинаковых условиях. В то же время отрицательные свойства у второго подопечного вырабатываются или прививаются тоже как бы сами собой. Для такого почему-то именно

¹ Б. Астауров, Homo sapiens et humanus — Человек с большой буквы..., стр. 217, 218.

дурные примеры заразительны. Если бы это было не так, то дети, отданные на воспитание в детские дома, выходили бы похожими один на другого, как близнецы. И не только воспитанники детского дома отличаются друг от друга. Даже родные братья и сестры бывают непохожими до полной противоположности. К примеру, прототипом Иудушки Головлева послужил родной брат Салтыкова-Щедрина. Однако можно ли, исходя из этого, говорить, что тип высшей нервной деятельности — особенность врожденная, но не прямо наследуемая?

Для того чтобы выяснить механизм наследования, нужно тщательно наблюдать несколько поколений, а психологи такими данными пока не располагают. Но вот что уже не подлежит сомнению, так это то, что некоторые рефлексy или инстинкты, способствующие сохранению вида, действительно передаются от поколения к поколению, благодаря чему определенное свойство становится достоянием, отличительной чертой вида. Приводя аргументы в пользу исследований типов высшей нервной деятельности людей, И. П. Павлов указывал и на то, что такое разделение (по типам) «дает себя знать как на отдельных людях, так и на целых нациях». Еще до сих пор никто не занимается обстоятельным изучением типологии наций, но история цивилизаций прошлого дает очень любопытные примеры. Крутые и трудные повороты формировали типологические группы, характеризующиеся большой силой нервной системы, свободолюбием, смелостью, решительностью и конкретностью интересов. У нас, к примеру, запорожская вольница, донское казачество; среди американских индейцев были «воинственные племена» и были «миролюбивые». Про германцев — в частности, про выходцев из Пруссии — тоже говорили как о воинственной нации. Веселость, остроумие, изящество стали нарицательными в оценке французского национального характера. Мы до сих пор не ставим под сомнение такие определения, как английский консерватизм, американская деловитость, китайская церемонность, японская сдержанность.

Ф. Энгельс, говоря о влиянии ирландской эмиграции на английский рабочий класс, писал, что она «...прививает английскому рабочему классу страстный, живой темперамент ирландца»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 356.

Конечно, многое определяет образ жизни, система воспитания, но, как мы уже выяснили, они усваиваются и делаются характером только при определенных наследственных предпосылках, тенденции личности. Для народов нашей страны стали характерными свойства, которые воспитал наш образ жизни: большая целенаправленность, выносливость, умение в трудные моменты довольствоваться малым, храбрость, высокие моральные принципы, идейность сознания, инициатива, широкая масштабность деятельности. Если вдуматься, что здесь от врожденных черт, а что «надстроено», то можно заметить, что большая сила духа исторически зафиксирована, доказана многократно. Широта натуры была, но нынче она получила высокое осознанное направление и применение. Долготерпеливость, воспетая и проклиная, сопряженная с прекрасной целью, с видимыми горизонтами побед и достижений, дала невероятные плоды, которым поражались все государства мира, как чуду. Идейность — тоже в нашей натуре, но только жажда служить идеалу была прежде неутолима. Социалистическое общество кровно заинтересовано в развитии высокой идейности всех и каждого.

Человек для изучения собственной структуры вынужден создать не просто типологию, которая исследовала бы его психофизиологические свойства, а именно социальную типологию. Этой науки как таковой, с официальным статусом, пока нет, она еще только зарождается. Но уже видны ее главные направления и составные элементы — в частности, изучение проблемы профессионально-психологического соответствия людей и правильности выбора дела. Именно эти аспекты и интересны для данной книги.

Однако почему именно психиатры занимаются этими проблемами? Как убеждает Б. Я. Первомайский: «То, что скрыто в норме, открывается в патологии». Так говорят все медики. То, что скрыто от педагогов, родителей, друзей и любимых, обнажается перед врачами во всех хитросплетениях, скрытых мотивах, неосознанных, подсознательных действиях, в подавляемых рефлекс-ориентации. А больше всего, наверное, потому, что они в своей практике повседневно используют как рабочий инструмент учение Павлова о типах высшей нервной деятельности для диагностики психических и нервных за-

созданий. А ж...
гальзаваться инст...
яного усовершенств...
видели, что втор...
И профессионально...
И действительно...

дающем итог двадца...
ва по изучению выс...
каз Ивана Петров...
из них был он сам...
факультет естестве...
превосходно: с инт...
сил хватало на мн...
ле историей, все...
стойчивыми попыт...
озабоченные таким...
этих средств да...
мстало. Наконец,
ую юридического...
«ое» исцеление, и...
был здоров всю...
ательствах на со...

Но, к счастью...
ый и тем сам...
многих ученых...
латься теперь о...
была неразрабо...

На огромны...
ие исследоват...
ии. В частнос...
«Профессиона...
бор в капита...
следующее: «...
го лица к то...
явление на...
ным профес...
время наим...
сти для цел...

Борис Я...
данный пос...
в клинике,

И. Я. К...
сиональный отб...

болеваний. А жизнь так стремительна, что не позволяет пользоваться инструментом без последующего и постоянного усовершенствования его. И однажды они просто увидели, что второй конец стрелки компаса обращен к профессиональной деятельности здоровых людей.

И действительно, в сборнике статей, как бы подводящем итог двадцатилетней деятельности И. П. Павлова по изучению высшей нервной деятельности, есть рассказ Ивана Петровича о судьбе трех товарищей (одним из них был он сам). Решили они вместе поступить на факультет естественных наук. Двое чувствовали себя превосходно: с интересом занимались, слушали лекции, сил хватало на многое. А третий, увлекавшийся в школе историей, все больше впадал в меланхолию с настойчивыми попытками к самоубийству. Оба его друга, озабоченные таким состоянием, перепробовали массу всяких средств для его «отвлечения» — ничего не помогало. Наконец, они привели своего приятеля на лекцию юридического факультета — и произошло «чудесное» исцеление, их друг перешел на этот факультет и был здоров всю последующую жизнь, а о своих посягательствах на собственную особу и не вспоминал.

Но, к счастью для нас, этого не забыл великий ученый и тем самым нашел конец ниточки, приведшей многих ученых к важным откровениям. Только удивляться теперь остается, что «золотая жила» до сих пор была неразработанной.

На огромные возможности типологии указывали многие исследователи проблем профессиональной ориентации. В частности, И. Я. Киселев в своей монографии «Профессиональная ориентация и профессиональный отбор в капиталистических странах» сказал буквально следующее: «Установление принадлежности испытуемого лица к тому или иному психологическому типу и выявление на этой основе его пригодности к определенным профессиям является наиболее старым и в то же время наименее разработанным методом оценки личности для целей профконсультации»¹.

Борис Яковлевич Первомайский — искренний и преданный последователь учения Павлова. Вся практика в клинике, вся лекционная и исследовательская дея-

¹ И. Я. Киселев, Профессиональная ориентация и профессиональный отбор в капиталистических странах, стр. 31.

тельность пронизаны павловской искрометной и неосла-
новимой, бескомпромиссной теорией. На ней же осно-
вываются спецобследования и консультации, главные
положения методики определения соответствия человека
избранной им профессии.

Когда был накоплен солидный исследовательский
материал, ворошиловградцы решили «сорвать печать
молчания» со своих уст и рассказали о том, что уже
открыли для себя и что еще предстоит завершить, до-
вести до математической точности и удобства пользова-
ния при массовых обследованиях.

ОТ ГИППОКРАТА К ПАВЛОВУ И... ДАЛЬШЕ

Суть методики определения типа высшей нервной
деятельности, разработанной кафедрой психологии Во-
рошиловградского мединститута (далее будем называть
сокращенно — методика КПВ. — Т. А.) сводится к сле-
дующему.

Родоначальником типологии можно считать древне-
греческого врача Гиппократ. Он открыл и обозначил
четыре вида человеческих темпераментов. Его сангви-
ники, холерики, флегматики и меланхолики так или ина-
че входят в любое современное определение психологи-
ческих особенностей личности, только нынче они более
полно описаны и дифференцированы. Деление темпе-
рамента на четыре разновидности утвердилось повсе-
местно, его признали даже агностики (Кант, например,
утверждал, что существует четыре типа темпераментов,
и только четыре). Интересно при этом отметить, что ан-
тичные медики (сам Гиппократ и римский врач Гален)
высказывались, что темперамент имеет существенное
значение при возникновении и развитии болезней.
Эта тенденция — связывать возникновение заболеваний
с темпераментом, характером, конституцией — прояви-
ла себя и в учениях последующих поколений и школ
медиков. Связь названных особенностей с прочими
свойствами человека занимала умы представителей
самых различных отраслей науки. Однако вплоть
до выступлений Павлова эта проблема не вышла
из рамок, установленных Гиппократом. И причина
тому простая: не были известны физиологические осно-
вы психической деятельности.

Определенные гениальным русским физиологом типы высшей нервной деятельности совпали с классификацией темпераментов «великого наблюдателя человеческих существ — Гиппократов». Павлов объясняет связь своей классификации с гиппократовской и ее различие таким образом. Он говорит, что темперамент — это самая общая характеристика нервной системы человека, она кладет ту или иную печать на всю деятельность каждого индивидуума. Дальше он раскрывает свое представление о гиппократовских темпераментах. Кто такой холерик? Это боевой, задорный субъект, всегда забегающий вперед. Флегматик — спокойный, ровный, настойчивый, упорный труженик. Сангвиник — горячий, продуктивный, но лишь тогда, когда много интересного дела, если же его нет — становится скучным и вялым. Меланхолик отличается от всех — ни во что не верит, во всем сомневается.

Темперамент — это тип, стиль поведения, реакции на внешние условия. Павлов проник в глубь этого явления, обозначив «скрытые механизмы» поведения — рефлексы (инстинкты), а потом вычленил и их движущую силу — основные нервные процессы. Это открытие можно приравнять разве только к открытию атомного строения материи. (Теперь меня поражает то почти анекдотическое представление, которое мы выносим из беглого школьного знакомства с одним из величайших достижений науки нашего века. «Слюнотечение, соковыделение, когда звонят и зажигаются лампочки». — обычный наш ответ на вопрос: что вы знаете о павловских работах по изучению высшей нервной деятельности? И если мы еще вспомним, что им выявлены условные и безусловные рефлексы, то уж их характеристики — увольте! — это дело специалистов. Памятуя об этом, привожу здесь некоторые основополагающие моменты павловской теории, без которых мы ничего не сможем понять в работах современных профессоров и в самих себе тоже.)

Кроме ежедневно ощущаемых нами безусловных, врожденных рефлексов: голод, жажда, сексуальное влечение, рефлекс самосохранения (осторожность, осмотрительность); кроме видовых рефлексов: полового и родительского, — в современную науку прочно вошло понятие рефлекса альтруизма — этой основы самоотверженности, готовности подавить и преодолеть все прочие

рефлексы (даже сильнейший — самосохранения) во имя спасения и благоденствия своих собратьев. Павлов обозначил и целый ряд так называемых социальных инстинктов-рефлексов: исследовательский (стремление проникнуть в Неизвестное); агрессивный, активно- и пассивнооборонительный, «рефлекс свободы» (или борьбы, стремление к преодолению препятствий); рефлекс игры, который свойствен не только детенышам, но сохраняется в характере человека навсегда.

На основе врожденных, безусловных рефлексов в процессе развития личности и ее включения в активную деятельность вырабатывается масса условных рефлексов, которые представляют собой временную связь нервной системы с внешними раздражителями (с внешними обстоятельствами, людьми, условиями). Так, к примеру, привычные движения рабочего, обрабатывающего деталь на станке, есть не что иное, как комплекс условных рефлексов, которые воздвигнуты на основе, на фундаменте безусловных. Человек работает, потому что ему нужно получить пропитание себе и своей семье: срабатывают рефлекс голода, половой, родительский как важнейшие стимулы всякой деятельности. Рабочий ищет пути усовершенствования заданной операции, иногда в ущерб своему заработку: здесь вступают в действие рефлекс — исследовательский и альтруистический — вкупе с воспитанным сознанием своей высокой человеческой и гражданской роли. Наконец, рабочий тратит массу усилий для освоения нового изделия, преодолевая сопротивление людей и материала, достигает высот мастерства и положения — рефлекс свободы, достаточно сильно обозначенный, в сочетании с необходимыми знаниями и, конечно, общественными условиями, дает человеку энергию для достижения намеченной цели, не позволяет ему повернуть с полпути назад. Врожденные свойства обусловливают

Врожденные свойства обуславливают быстроту освоения новых навыков и операций, от них зависит тяготение к самостоятельности в трудовом процессе, творческое отношение к делу, они же проявляются в желании искать удовлетворения в перемене мест и занятий. (Естественно, что они же лежат и в основе противоположных стремлений.)

А вот сами производственные навыки, последовательность действий при выполнении необходимой операции — это уже результат приобретенных условных реф-

лексов (то есть рефлексов, выработанных определенными условиями). Они в своей совокупности образуют динамический стереотип. Точнее: система действий, поступков, отношений, выработанная в результате длительного повторения, представляет динамический стереотип¹. Чтобы его выработать, требуется большая затрата нервной энергии. Чем дольше он находится «в активной эксплуатации», чем дольше он сохраняется, тем сложнее и мучительнее его последующая ломка. Когда руки, ноги, глаза, мозг «запоминают» надолго и всерьез требуемые умения, тогда мы можем сказать: выработался динамический стереотип. А почему динамический? Да потому, что все-таки его можно перестроить или вообще заменить новым. Хотя, как мы уже говорили, на перестройку требуется большая затрата нервных сил. Если бы это было не так, человек превратился бы в механизм, пригодный для одной-единственной операции, или, напротив, никогда и ничему прочно не смог бы научиться.

При дальнейшей тщательной «препарации» рефлексов Павлову удалось открыть и источник их энергии: два основных нервных процесса — возбуждение и торможение. Возбуждением Павлов называл способность быстро и точно реагировать на внешние раздражители (иначе он называл его «положительным рефлексом»). А торможением — способность тушить рефлекс.

Из постоянного и правильного балансирования обоих этих процессов складывается нормальная жизнь и человека, и животного. По их соотношению между собой можно обнаружить три типа: возбудимый — у кого преобладает процесс, давший название этому типу, и, соответственно, тормозимый и уравновешенный. У последнего оба процесса развиты одинаково. Нарушение привычной нагрузки — а значит, и установившегося взаимоотношения между процессами — приводит у возбудимых к неврозам, у тормозимых — к истерии (в переводе на нашу проблематику это означает: если человек долго выполняет работу, не соответствующую его основным нервным процессам, ему уготовано нервное перенапряжение, болезнь).

¹ Исследованиям динамического стереотипа посвятили свои работы научные сотрудники психофизиологической лаборатории Института психологии АПН СССР под руководством В. Д. Небылицына.

Дальше Павлов обратил внимание на то, что возбудимые несут в себе элементы агрессивности (отсюда их склонность быть ведущими). Он приводил пример с «подследственной» собакой, которая может огрызнуться даже на хозяина, чего никогда не позволит себе «тормозимая». Затем он вычленил в уравновешенном типе две разновидности: один — постоянно спокойный, а другой — постоянно оживленный.

Теперь, мне думается, уже легко «наложить» эти павловские типы на гипократовские темпераменты. Возбудимый — холерик, тормозимый — флегматик, уравновешенно-оживленный — сангвиник. А меланхоликом Павлов называл тормозимого со слабо развитыми обоими нервными процессами.

Заслуга Павлова, само собой, не только в очень тщательном и точном определении характера основных процессов, он выявил все их параметры и внешние проявления. Итак, кроме уже названной градации процессов (по тому, какой из них преобладает) ему принадлежит и другое очень важное деление их — по силе.

Человек, у которого оба основных процесса сильные, хорошо спит, у него здоровый аппетит, он вынослив, энергичен, у него ярко выражены стремления, желания, высокая трудоспособность, большая выдержка, терпение в достижении цели. Естественно, что у человека со слабым типом — все наоборот. Для слабых очень сложным является освоение любой специальности, приобретение новых навыков, выработка последовательных условных рефлексов, то есть выработка динамического стереотипа.

Кроме силы нервных процессов и их соотношений по преобладанию, у Павлова есть и такое разделение: подвижность возбуждения и торможения или их устойчивость (инертность). От этого показателя в большой мере зависит приспособляемость человека к среде. Подвижность процесса определяется скоростью выработки условных рефлексов и быстротой их разрушения за ненадобностью. Инертность — медленностью выработки необходимого качества, навыка, привычки и длительностью их сохранения при изменившейся ситуации. Эти особенности типа лежат в основе таких качеств, как упорство в достижении цели или, наоборот, неустойчивость желаний и стремлений, быстрота и медлительность реакций, постоянство в привязанностях и привычках или переменчивость.

Вот пример
тотек способе
прекратить де
после сильной
но, что здесь
А это значит
человек не мо
шей преградой
может сдержив
у него возбуж
подвижности,
может уступить
людей можно
за столом так
будет говорить
интересна.)
В чем себя
вещь? Прежде
место возбужд
ствованию, от
ная готовность
пантомимика, б
Само собой
бя в противос
медленной
Итак, дава
сочетаниях вст
процесса: возб
инертности у
длительный
Обозначим их
вол понятен?
маленькая —
суждение подв
ипа будет, ест
варианты тако
подвижном то
одинаково ине
эти процесса
преобладание.
ие комбинаци
ях: при пре
ающем тормо
известно нам,

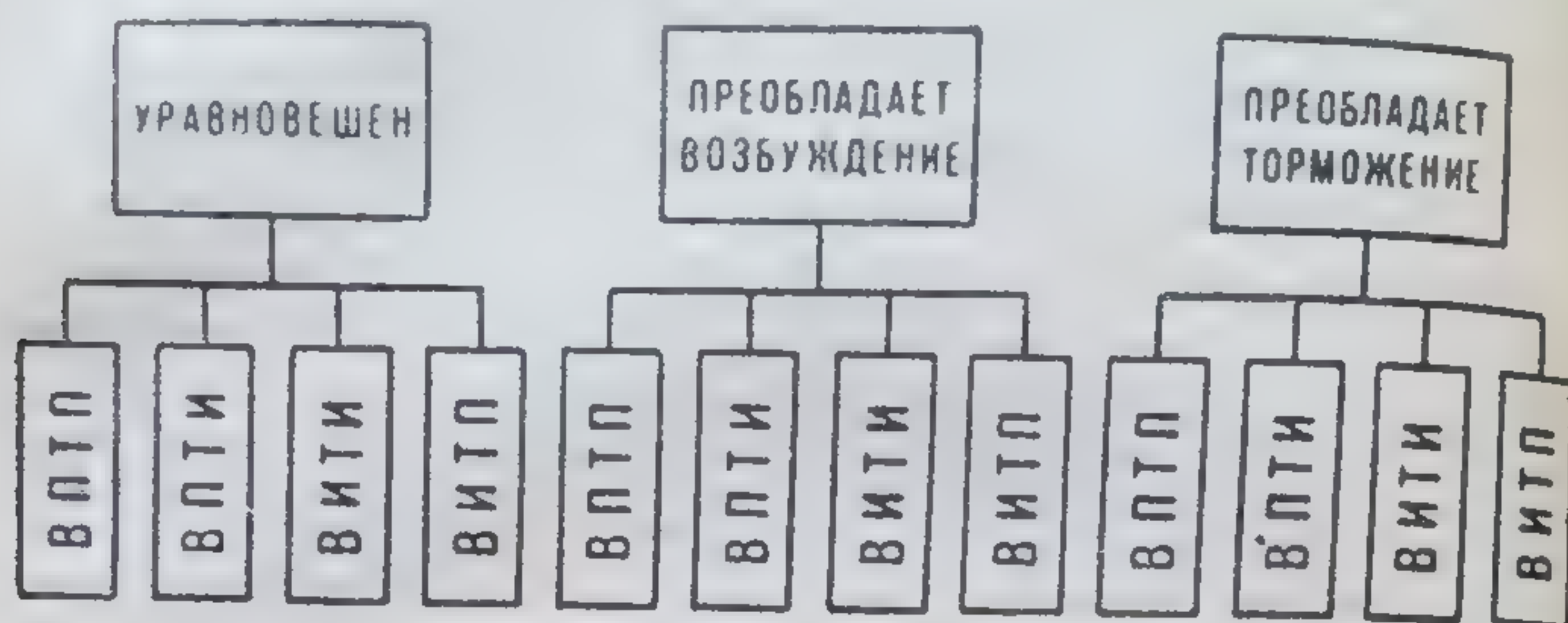
Вот примеры проявления этих особенностей. Если человек способен остановиться на полуслове, мгновенно прекратить действие (скажем, бег) или успокоиться после сильной встряски — что это такое? Вполне понятно, что здесь возбуждение уступило место торможению. А это значит — возбуждение подвижно. И наоборот, человек не может остановиться перед внезапно возникшей преградой или опасностью, он «идет напролом», не может сдержаться в споре. А это уже означает, что у него возбуждение инертно. И оно, ввиду своей малоподвижности, не может «перестроиться» мгновенно, не может уступить место торможению. (Заметить таких людей можно по тому, как они неостановимы в речи: за столом такой человек никому рта открыть не даст, будет говорить на тему, которая, может, ему одному и интересна.)

В чем себя проявляет подвижный тормозной процесс? Прежде всего в том, что он может быстро уступить место возбуждению, это быстрый переход от сна к бодрствованию, от выжидания к деятельности. Это постоянная готовность к действиям, живая моторика, мимика, пантомимика, быстрая реакция.

Само собой, инертный тормозной процесс проявит себя в противоположных качествах, в наличии раскачки, медленной реакции.

Итак, давайте посмотрим, в каких же возможных сочетаниях встречаются у нас два основных нервных процесса: возбуждение и торможение. По подвижности и инертности у нас могут быть такие комбинации: возбудительный процесс подвижен и тормозной тоже. Обозначим их сокращенно таким образом: ВпТп. (Символ понятен? Большая буква — название процесса, маленькая — подвижность его.) Другой вариант: возбуждение подвижно, но торможение инертно: формула типа будет, естественно, иная — ВпТи. Затем могут быть варианты такого порядка: возбуждение инертно при подвижном торможении — ВиТп, наконец, оба процесса одинаково инертны — ВиТи. Но мы помним, что оба эти процесса сочетаются и по такому признаку, как преобладание. Это значит, что все четыре вышеназванные комбинации могут быть повторены в трех сочетаниях: при преобладающем возбуждении, при преобладающем торможении и при уравновешенных процессах. Известно нам, что градация происходит и по силе нерв-

ных процессов. То есть все двенадцать сочетаний могут иметь разный знак силы. Вот как это можно сгруппировать.

Точно такая же схема и для «слабого» типа. Вы, конечно, обратили внимание на то, что нужно только усвоить чередование первых четырех формул, а они потом постоянно воспроизводятся в той же последовательности. Уточняется лишь преобладание одного из процессов или их равновесие и общая сила. В этом — одно из удобств пользования схемой типов высшей нервной деятельности, разработанной в клинике психиатрии Ворошиловграда. (Для упрощения мы и дальше будем пользоваться этим сокращением — КПВ, как и общепринятым — тип ВНД вместо тип высшей нервной деятельности.)

Осталось нам выяснить соотношение сигнальных систем.

Кора головного мозга обладает двумя сигнальными системами. Они тоже находятся в определенном соотношении: у одних людей преобладает первая сигнальная система, у других — вторая, а у третьих — обе развиты одинаково (сильно или слабо — иной вопрос).

Как проявляется преобладание одной из систем? Тот, у кого больше выражена первая сигнальная система, — Павлов его определил как «художественный» тип — отличается конкретностью суждений, яркостью и образностью мышления, его преимущества заключаются в сообразительности, находчивости и практичности. Такой человек хорошо ориентируется в конкретной ситуации. О событиях он судит скорее по личным впечатлениям, нежели по самой полной информации, полученной от кого-то. Чувства у него глубже, чем у других, эмоцио-

нательно обострен
склонности к
деятельности
той и глубиной
стей, таланта.
Другой тип,
системой, — «
у него мысли пр
жающей действ
посредственных
ний, нередко по
щить накоплен
Для «мыслител
и рассуждения
столь присталь
тельность, пол
суждений опят
ных, от уровня
Так называе
обе сигнальны
сочетать в себ
ков». Между
у большинства
рость природ
бен выполнят
рассудительн
когда один
ность в соче
способность
Как же
таблице? В
из формул
систем. И
глядит так
Вслед з
советский
устойчиво
гический
прочным,
вить, что
если бы
вал бы п
нить, пер
ломать н
7 Т. Афанас

нально обостренное восприятие искусства, он проявляет склонность к декламации, к подражанию. Уровень деятельности его, естественно, определяется высотой и глубиной интеллектуального развития, способностей, таланта.

Другой тип, с преобладающей второй сигнальной системой, — «мыслительный» — склонен к анализу, у него мысли предшествуют действиям. Знания об окружающей действительности составляет не столько из непосредственных впечатлений, сколько из умозаключений, нередко почерпнутых из книг. Он способен обобщить накопленный опыт, сделать выводы на будущее. Для «мыслителя» все является предметом обсуждения и рассуждения, нередко даже и то, что не заслуживает столь пристального внимания. Конечно, глубина, значительность, полезность и самостоятельность таких рассуждений опять же зависят от интеллектуальных данных, от уровня образования и культуры.

Так называемый «средний», или «смешанный», тип — обе сигнальные системы выражены одинаково — будет сочетать в себе особенности «мыслителей» и «художников». Между прочим, именно это сочетание встречается у большинства людей. Здесь опять проявляется мудрость природы; обществу больше нужны те, кто способен выполнять разнообразную работу, быть, где надо, рассудительным, где надо — впечатлительным. Хорошо, когда один и тот же человек обнаруживает практичность в сочетании с рассудочностью, находчивость со способностью к обобщению приобретенного опыта.

Как же эта новая градация отражается на нашей таблице? Вся комбинация сохраняется, только каждая из формул обретает показатель соотношения сигнальных систем. И в окончательном виде схема типов ВНД выглядит так (см. таблицу).

Вслед за Павловым его последователь, выдающийся советский психолог Б. М. Теплов отмечал значительную устойчивость типов ВНД. Представляя собой физиологический фундамент личности, тип ВНД и должен быть прочным, устойчивым, постоянным. Легко себе представить, что происходило бы с надстройками, со зданиями, если бы фундамент, на котором они покоятся, претерпел бы постоянные и коренные изменения. Чтобы смел, переделать фундамент, пришлось бы постоянно ломать надстройки. По отношению к человеку это озна-

СХЕМА ТИПОВ ВЫСШЕЙ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ

СИЛЬНЫЙ ТИП ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

СЛАБЫЙ ТИП ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

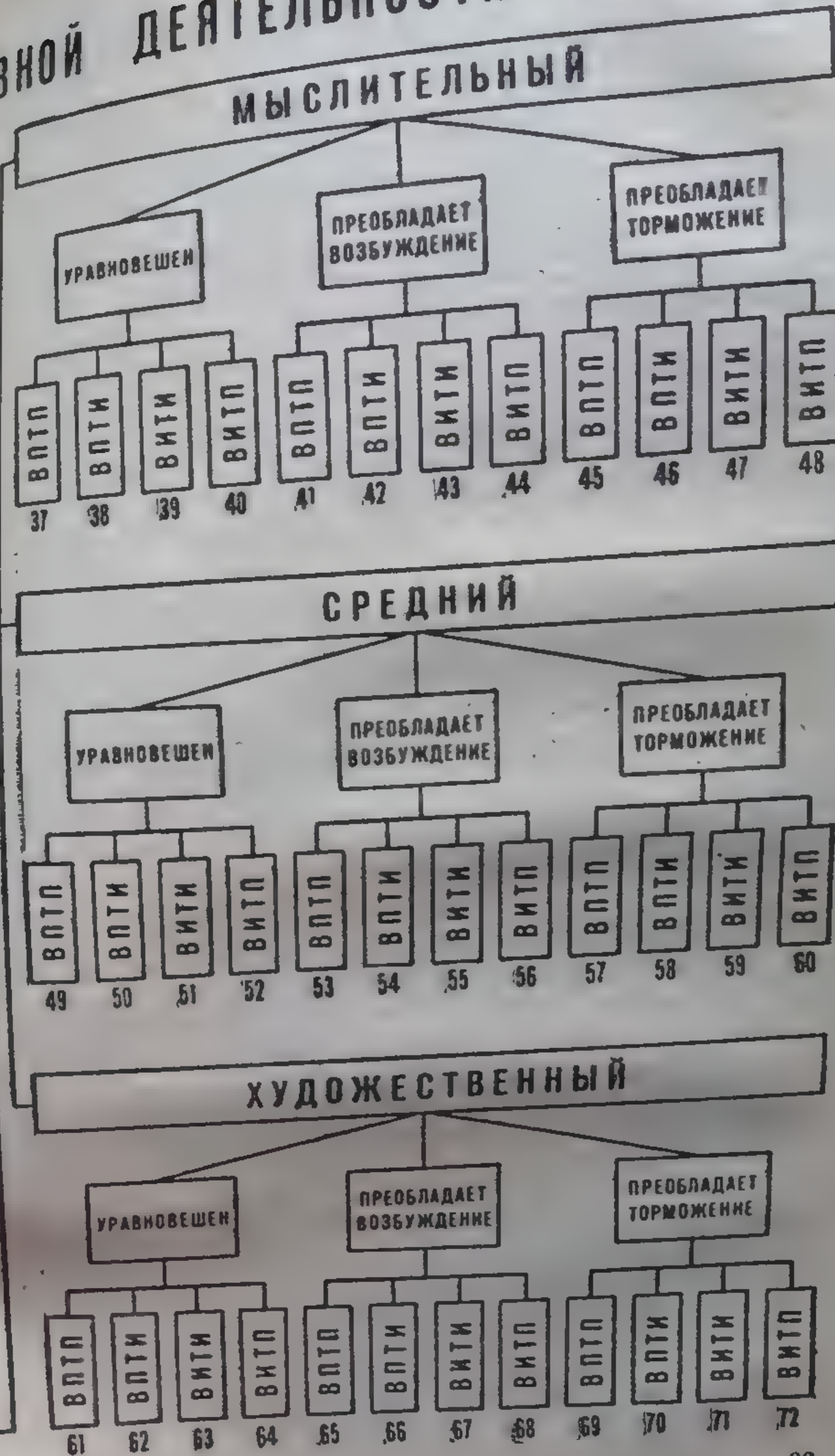
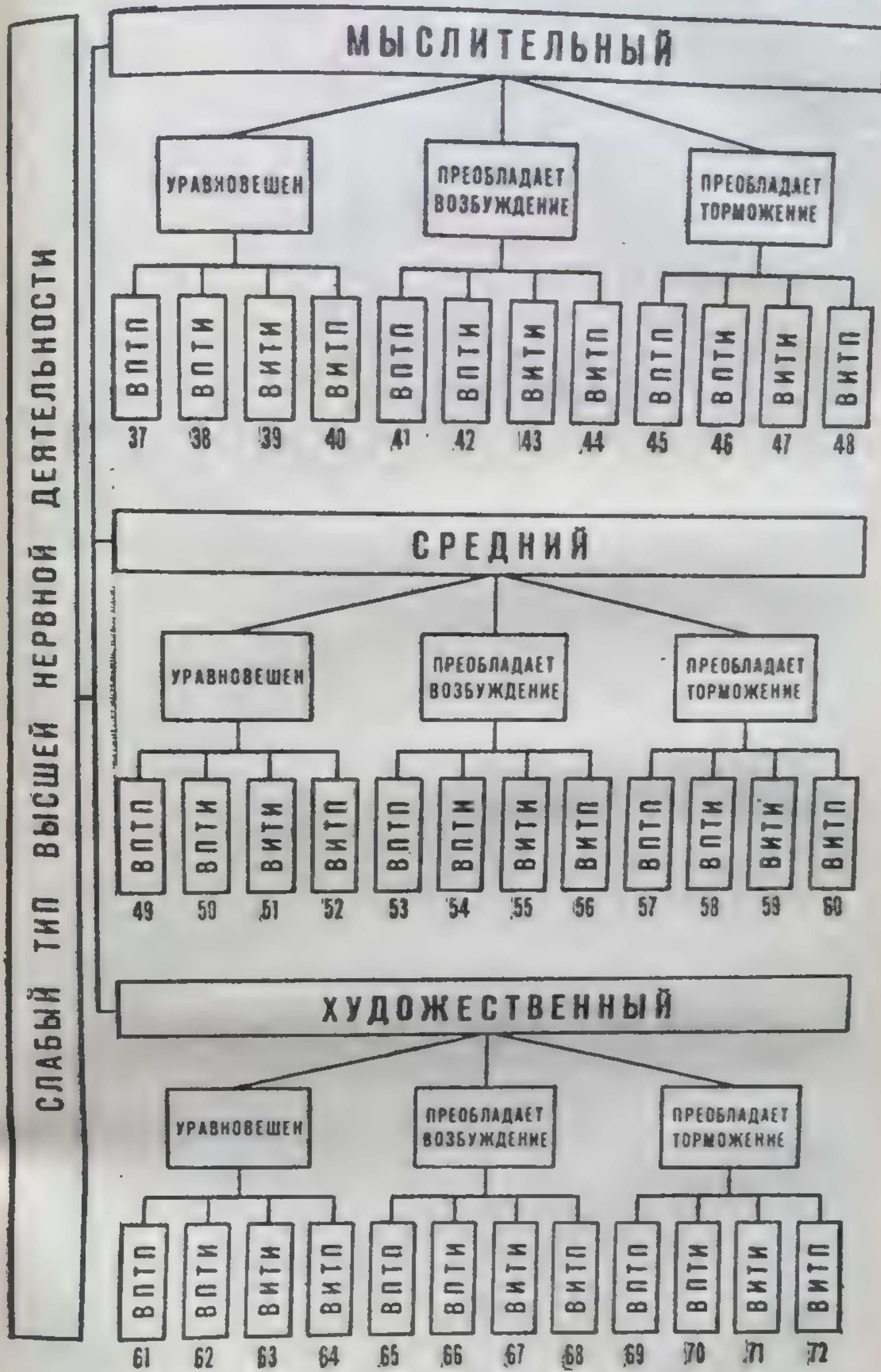

СХЕМА ТИПОВ ВЫСШЕЙ

СЛАБЫЙ ТИП ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

чало бы его полную перестройку. Природе это «невыгодно». Ей, видимо, легче создать нового человека с соответствующим типом, чем каждый раз коренным образом переделывать уже сформировавшегося индивиду. Вот почему тип ВНД представляет собой устойчивую, мало меняющуюся основу личности.

Конечно, сила нервных процессов находится в некотором колебании. Она зависит от возрастных, химических и прочих изменений организма (болезней, тяжелых и длительных перегрузок). Все это может нарушить сон, аппетит, снизить работоспособность. Но не изменить тип! Смените обстановку, вылечите болезнь, и восстановится сила нервных процессов. И наоборот, можно повысить силу выраженности у слабого типа, если создать ему благоприятную обстановку, осторожной тренировкой закрепить какие-то свойства. Но ведь ни для какого «избранника» невозможно создать тепличные условия. Значит, при переутомлении и жизненных перегрузках будут срывы.

Однако ученые с полным убеждением говорят, что так не бывает, чтобы человек родился с фундаментом холерика, но под влиянием среды этот фундамент переделался во флегматический, и наоборот. Если бы это было так, то природе нечего было бы беспокоиться о врожденных задатках, с тем чтобы тут же их коренным образом и переделать в зависимости от требований среды. «Выгодней» было бы создавать каждый раз *tabula rasa* — чистую доску.

Каким же образом медики и психологи выявляют все многозначные признаки и показатели типа ВНД?

Так же как и установление диагноза при заболевании, диагностика типа ВНД строится на определенных критериях и знаниях. К примеру, признаки нарушения психики у человека включают в себя как субъективные данные (то есть такие, которые сообщает сам больной): переживания, галлюцинации, бредовые намерения и проч.; так и объективные проявления: мимика, пантомимика, настроение, вегетативные проявления. Психиатры-клиницисты хорошо знают, какую большую роль в диагностике играют так называемые субъективные данные. Без них во многих случаях очень сложно поставить правильный диагноз. Повторяемость — типичность — того или иного субъективного состояния, признака тем самым превращает его в объективный критерий. Недаром

в Павлов гоз
ного. Поэтому
ды в перзую
собственных
чим, больше
шали именно
сознательно
достаточно то
у него «несам
завышенные
вит себе сам
Первомайский
работали кон
начала были
такого довер
на многолет
циенту неза
помочь.

Судебно-м
муляцию опа
вательно те
И заключени
если «ориен
ввести консу
но это обна
от медицин
чивать»; ум
общения от
сплетни. Н
распознают
ности и бы
новок не д
начинается
«Повед
обстановк
безопасности
Важно
имеет из
щено оч
ки (здор
и т. п.),

С. Н.
в невропат

и Павлов говорил о единстве субъективного и объективного. Поэтому определение типа ВНД ворошиловградцы в первую очередь основывают на оценке некоторых собственных свойств самим обследуемым. Между прочим, больше всего критических замечаний они выслушали именно по этому поводу: дескать, пациент может сознательно обмануть, а может и не суметь оценить себя достаточно точно, кроме того, есть опасения, что сегодня у него «несамокритичное» отношение, и он ставит себе завышенные оценки, а завтра он разочарован и выставит себе самые низкие баллы. Все эти соображения Первомайский и его коллеги взвесили, проверили и выработали контрольные приемы. Но все же они с самого начала были убеждены в принципиальной правильности такого доверия к пациенту. Уверенность основывалась на многолетнем практическом опыте и на том, что пациенту незачем обманывать того, кто призван ему помочь.

Судебно-медицинский эксперт обязан распознать симуляцию опасного преступника, как бы тот ни был основательно теоретически подготовлен к обследованию. И заключение эксперта считается неоспоримым. Значит, если «ориентируемый» по непонятным мотивам захочет ввести консультанта в заблуждение, то так ли уж сложно это обнаружить? Больше того, кто из нас, далеких от медицины людей, не ловил за руку охотников «вкручивать»; умеем же мы в своей ежедневной практике общения отличать правду от намеренной лжи, выдумки, сплетни. Не сразу и не всегда, но все же... Врачи тоже распознают характер болезни с разной степенью точности и быстроты. Однако им еще никто не давал установок не доверять жалобам больных. Напротив, с этого начинается прием у любого специалиста.

«Поведение человека в определенной стандартной обстановке в состоянии вскрыть его типологические особенности»¹.

Важное значение для выявления «симптомов» типа имеет изучение биографии человека. Этой теме посвящено очень много исследований. Наследственные задатки (здоровье родителей, их отношение к алкоголю и т. п.), материальная и нравственная обстановка в семье

¹ С. Н. Давиденков., Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии, Л., 1947, стр. 150.

играют отнюдь не последнюю роль в развитии ребенка. Это уже всем хорошо известно. Однако биография не исчерпывает всех свойств, качеств человеческой личности. Хотя биографии великих людей дают основание сделать выводы об их темпераментах. Так не подлежит сомнению, что М. И. Кутузов был флегматиком, А. В. Суворов — холериком, а Петр Первый — сангвиником. Но ведь консультантам приходится иметь дело с людьми практически «без биографии», так что общие сведения тут будут всего лишь подспорьем в затруднительных случаях диагностики. Как же проводится само испытание ворошиловградскими исследователями?

Консультация — это все же не прием у врача, поэтому «лобовые» вопросы здесь противопоказаны. Исследователь и заводит речь об отвлеченных предметах: о погоде, о жизни вообще, об искусстве, философии, экономике, технике — и продолжает ту тему, которая явно интереснее и ближе собеседнику. То есть сначала идет на поводу у пациента, дает ему полную инициативу, причем испытуемый незаметно для себя начинает переходить на личные ощущения, собственный опыт, жизненные ситуации. Многие люди любят рассказывать о себе, гораздо меньше находится охотников слушать такие «исповеди». Вот почему при открытом и выраженном внимании испытуемый обычно становится откровенным. Если же все попытки «разговорить» ни к чему не приводят, то это тоже является очень важным показателем в определении типа ВНД. Во время этой беседы и набираются определенные объективные сведения об испытуемом. К примеру, такой материал дает характер высказываний: конкретность или абстрактность речи, излишняя детализация, сбивчивость, повторы, фиксация на мелочах, перескоки мысли и т. д. Примечает исследователь и мимику, пантомимику, волнение, вегетативные реакции: покраснение или бледность лица, дрожание рук и многое другое.

Вот когда беседа приняла непринужденный характер, тут консультант задает необходимые вопросы, касающиеся биографии пациента. Затем несколько раз прерывает его, извинившись, естественно. Таким образом, сразу выясняется: легко ли его остановить. (Вы, конечно, помните, что этим способом выясняется подвижность возбудительного процесса.) Затем исследователь узнает: какие трудности встречались на пути у собесед-

ника, как он
или приходи
и поражения
альбомы с
книги, замы
подмечает:
там, к како
останется л
няется спро
кает его ви
время выхо
чает, начне
ожидаю, чт
приемы дос
ку: выявить
возможного пр

Простот
щаяся. Вес
ды может
внешних п
ности. И е
чивость, н
сомнения

После
нить степ
и качеств
Оценить
названно
ница. Дв
тройка у
верка го
ном. В
ные явл
они выр
испытуе
нельзя,
долям.

Исп
минутн
ны воо
вается
танием
подгот
прежд

ника, как он к ним относится, удалось ли их преодолеть или приходилось отступать, и как он переживал победу и поражение. На столе перед испытуемым иногда лежат альбомы с фотографиями, художественные журналы, книги, замысловатые технические поделки. Консультант подмечает: проявит ли пациент интерес к этим предметам, к каким именно, спросит ли: «Что это такое?», останется ли безучастным или заинтересуется, но постесняется спросить. Само собой, никто нарочно не привлекает его внимание к этому. Иногда врач на некоторое время выходит из комнаты. А после возвращения отмечает, начнет ли пациент беседу сам или будет молчать, ожидая, что скажет консультант. Наверное, уже эти приемы достаточно четко определяют целевую установку: выявить силу и подвижность возбудительного и тормозного процессов, соотношение сигнальных систем.

Простота этих приемов обследования только кажущаяся. Вести консультацию и делать правильные выводы может специалист с большим опытом и знанием внешних проявлений типологических особенностей личности. И ему нужна максимальная осторожность, вдумчивость, наблюдательность. В случае хоть малейшего сомнения или противоречий необходима проверка.

После собеседования испытуемому предлагается оценить степень выраженности у себя различных свойств и качеств, собственные возможности и склонности. Оценить их надо по пятибалльной системе. То есть если названное качество развито крайне плохо, ставится единица. Двойка означает, что качество развито слабо, тройка указывает на удовлетворительное состояние, четверка говорит о хорошем уровне, пятерка — об отличном. В отличие от школьной системы здесь и негативные явления оцениваются в пять и четыре балла, если они выражены хорошо. В некоторых случаях, когда испытуемый считает, что «круглую» цифру выставить нельзя, он вполне может прибегнуть к десятичным долям.

Испытуемому объясняют, что оценивать надо не сиюминутное состояние или особенность, а как они выражены вообще, так сказать, «в среднем». Допустим, спрашивается: «Каков у вас сон?» В последнюю, перед испытанием, неделю сон испортился: неприятности, заботы, подготовка к экзаменам — что-то мешает спать, как прежде. Если такого раньше ни разу не наблюдалось,

надо сделать «скидку» в оценке на одну десятую долю. Если же при определенных неблагоприятных обстоятельствах сон, как правило, нарушался, тогда снижать надо на целый балл. Точно так же надо подходить и к оценке аппетита, настойчивости, активности, работоспособности. Брать состояние или качество «в среднем». Коли уж и это составляет значительную трудность, предлагается указать границы колебания: например, 3—4, 4—5. Ответ приходит большей частью как бы сам собой, как только пациент вникает в суть требований. И еще одно обязательное условие: «судить себя» надо, не имея в виду какой-то эталон, от которого вести отсчет. К примеру, спрашивают человека о его смелости, а он думает: «Вот Х — смелый, а я в сравнении с ним — не очень». Так вот, не надо себя ни к кому примерять. Все оценки ставятся только относительно собственных свойств: какое больше, а какое меньше развито.

Прежде всего предстоит оценить силу обоих нервных процессов.

Многие из определений, по которым ворошиловградские специалисты выявляют эту силу, я уже перечисляла. Но, думаю, в данном случае повторение не повредит. Итак, требуется оценить следующие собственные качества: работоспособность, выносливость, храбрость, способность преодолевать трудности, степень самостоятельности, решительность, активность общественной деятельности, активность (вообще: в играх, даже шалостях, в больших и малых предприятиях и делах), размах, широта деятельности, достижение цели, глубина сна, выраженность аппетита, выносливость к алкоголю, инфекциям, интоксикациям, глубина переживаний, настойчивость (не смешивать с упрямством), энергичность, общее самочувствие, выдержка, осторожность, способность терпеть, способность отказаться от желаемого. (Я привожу главные вопросы, потому что цель моя — не излагать методику дословно, а познакомить с ее основными принципами.)

Проставив себе по каждому показателю оценку, испытуемый выводит среднюю цифру: она-то и будет показателем силы нервных процессов. К «сильному» типу относится тот, у кого эта цифра превышает 3,5, к «слабому» — тот, у кого эта цифра ниже названной.

Профессор Первомайский на этом месте сделал такое отступление:

«Я не хочу, чтобы
правильное пред
на слабых и сил
важное, вот оно
ности» одних и
добного. Челове
ды, она для все
Так и со «слаб
тельность жизни
ходимому для с
так устроен, чт
каждого типа л
от человека бо
напротив, нек
сильным типам
щик, библиогр
маникюрша, т
фармацевт, мо
должить до б
«сильного» ти
с самим собо
Объединяющи
стей служат
тельность, вы
могут быть
у «слабых».
тип «предра
профессора
преимущества
люди более
водили иссл
убедились,
стры справ
системы. Д
шумную, и
явление. В
го часовщи
за коррек
Тут я
ся на пер
ли по тез
равносил
Филь
взгляд, и

«Я не хочу, чтобы у ваших читателей сложилось неправильное представление: дескать, вот оно — деление на слабых и сильных, самой природой запрограммированное, вот оно — доказательство некоторой «избранности» одних и «неполноценности» других. Ничего подобного. Человек действительно любимое детище природы, она для всех приготовила свое место и назначение. Так и со «слабым» типом. Он не влияет на продолжительность жизни, не препятствует полноценному, необходимому для общества труду. Как я уже говорил: мир так устроен, что в нем есть дело для представителей каждого типа личности, и не каждая профессия требует от человека большой силы нервных процессов. Даже напротив, некоторые специальности противопоказаны сильным типам. К примеру, музейный работник, часовщик, библиограф, цветовод, фотограф, киномеханик, маникюрша, технический переводчик, счетовод, швея, фармацевт, модельер, корректор и т. п. Я бы мог продолжить до бесконечности этот список, где появление «сильного» типа чревато конфликтностью не только с самим собой, но прежде всего с окружающими. Объединяющим фактором для названных специальностей служат такие качества, как спокойствие, основательность, выдержка и добросовестность. Конечно, они могут быть и у «сильных», могут отсутствовать и у «слабых». И все же мы заметили, что именно слабый тип «предрасположен» к этим качествам. По мнению профессора Б. М. Теплова, «слабый» тип вообще имеет преимущества перед сильным в сфере чувств: такие люди более отзывчивы, чутки, добросовестны. Мы проводили исследования среди медицинского персонала и убедились, что лучше с обязанностями медицинской сестры справляются женщины со слабым типом нервной системы. Да это и понятно: представьте себе суетливую, шумную, инициативную медсестру — это же опасное явление. Вообразите дальше порывистого, непоседливого часовщика? А что такое «сильный», активный человек за корректорским столом? Кандидат в гипертоники». Тут я предложила свой пример, который основывается на персонажах из кинофильма. Его не раз показывали по телевидению, а значит, для читателей это будет равносильно разбору знакомых им людей.

Фильм этот — «Еще раз про любовь». На мой взгляд, героиня фильма, стюардесса Наташа, как раз и

представляет собой «слабый» тип, а ее любимый, физик Евдокимов, — «сильный». Он принимает по отношению к девушке покровительственный, немножко снисходительный тон, как человек, сознающий свое психологическое и «престижное», что ли, превосходство и преимущества личности сильной, решительной, умеющей сметать все преграды со своего пути. И все же, в конце концов, он признает, что духовный мир Наташи тоньше, сложнее и человечней, чем его собственный. Она проявляет больше чуткости и широты. Она не приемлет жесткую нетерпимость Евдокимова к тем, кто идет по жизни не так непреклонно и решительно, как он сам. Она умеет прощать. И рядом с ней меняется к лучшему Евдокимов.

Это «лирическое отступление», на мой взгляд, было необходимо для того, чтобы у той части нетерпеливых читателей, которые тут же принялись выяснять, к какому типу они принадлежат, не испортилось настроение. Ну и конечно, для того, чтобы дать небольшую разрядку перед следующим обследованием. Дальше нам предстоит расчленить оба процесса, чтобы выяснить очень важный показатель: какой именно из двух процессов выражен сильнее? Как мы уже узнали, от этого зависит многое в нашем характере, а значит, и в профессиональном применении.

Многие вопросы, задаваемые в этом испытании, будут повторением предыдущих: это же ясно почему.

Сила возбудительного процесса. Она расценивается по степени смелости, высоте подъема настроения, по инициативности, по настойчивости, степени склонности к риску, по способности «выкладываться» в работе, по непокорности, по азартности, решительности, независимости, горячности, активности, уверенности, хорошему аппетиту, по сильной внутренней мобилизации, по выраженности удовлетворения от труда, по готовности идти навстречу трудностям. В результате выводится средний балл.

Сила тормозного процесса. Ее определяют по степени осторожности, резко проявляющемуся плохому настроению, по силе самообладания, выдержки, предусмотрительности, способности терпеть, умению выслушать несправедливые обвинения, по степени внутренней собранности в ожидании опасности, по склонности к недоверчивости, к скрытности, по способности долго хранить

тайну, соблюдая
держиваться, т
Теперь мож
преобладает в
Значит, тип
сценка больш
0.3, — тип то
вы или разня
уравновешен
имеет величин
из двух проц
возбуждение
опасность дл
большого не
выдержка бу
циальность,
ния, подвиж
но, честно
рукой и в
тельное пре
говорит о т
нетороплив
стве, где-ни
полустанке
стеме.

Но я,
дуть» тип
что для б
данные, п
ко два: с
цессов.

На сл
гается о
тельного
ляет, чт
обнаруж
опять ж
Первом
нечно
ству ю

1 Я
взялис
специа
«на в

тайну, соблюдать установленные правила, уменью воздерживаться, терпеть. И снова — средний балл.

Теперь можно сравнить две средние оценки. Первая преобладает в сравнении со второй больше чем на 0,3. Значит, тип возбудимый. Другой вариант: вторая оценка больше первой, опять же не меньше, чем на 0,3, — тип тормозимый. Если же цифры почти одинаковы или разнятся в пределах все тех же трех десятых — уравновешенный¹. Больше того, очень важное значение имеет величина «разрыва» при преобладании одного из двух процессов. Чем больше цифра, обозначающая возбуждение по сравнению с торможением, тем больше опасность для такого человека при работе, требующей большого нервного напряжения: «тормоза-то» слабые, выдержка будет явно мала. Значит, надо искать специальность, требующую расхода излишков возбуждения, подвижную, разъездную, со сменой впечатлений, но, честно говоря, чтобы людей было поменьше под рукой и в непосредственном соприкосновении. Значительное преобладание тормозного процесса, напротив, говорит о том, что человек расположен к устойчивому, неторопливому, однообразному труду, даже в одиночестве, где-нибудь на метеостанции, на железнодорожном полустанке, в лесничестве, в контрольно-пропускной системе.

Но я, кажется, забегаю вперед, начинаю «переводить» типы на профессии, а делать это рано, потому что для более определенного указания нужно знать все данные, по всем принятым критериям. А мы знаем только два: силу и преобладание основных нервных процессов.

На следующем этапе обследования пациенту предлагается определить подвижность и инертность возбудительного и тормозного процессов. Пусть вас не удивляет, что, казалось бы, взаимоисключающие свойства обнаруживаются в одном и том же субъекте. Все дело опять же в их соотношении. Как говорит профессор Первомайский, в человеческой личности, конечно, в здоровом организме, присутствуют все известные качества и свой-

¹ Я не могу сейчас вдаваться в подробное объяснение, откуда взялись именно эти три десятых, а не пять или две. Это слишком специальное и сложное вычисление, нам придется принять его «на веру».

ства. Разница только в комбинации их: у кого — сколько. Чтобы определить подвижность возбудительного процесса, требуется выставить оценки по таким «статьям»: быстрота перехода от деятельности к покою; степень склонности разнообразить выполнение одного и того же действия. Как быстро проходит отрицательное чувство к человеку, который вас обидел? Как быстро вы засыпаете; легко ли вас прервать во время беседы? Как быстро вы успокаиваетесь?

Инертность возбудительного процесса определяется такими данными: оценкой склонности продолжать начатое дело даже тогда, когда в нем пропала необходимость; медленностью перехода от деятельности к покою (чем медленнее, тем оценка выше); нетерпением оттого, что вас постоянно прерывают в беседе; степенью постоянства в деятельных привычках (то есть склонность делать что-то «как всегда»); степенью склонности думать и говорить об одном и том же слишком долго и подробно; степенью неуступчивости, когда от вас требуют изменить привычную последовательность работы; способностью частенько «перехватывать через край» в высказываниях и поступках; медленность засыпания после сильного волнения. И здесь тоже — средняя оценка.

После того как выведен «средний балл» по обоим критериям, их нужно сопоставить по абсолютным величинам. Здесь преобладание не уточняется. Процесс может быть или подвижен, или инертен.

Подвижность тормозного процесса выясняется при оценке таких особенностей: быстрота двигательных и речевых реакций, живость мимики и пантомимики, быстрота возбуждения; степень готовности к действиям, степень склонности к переездам, экскурсиям, путешествиям; быстрота знакомства с новыми людьми и обстановкой, насколько деятельны вы во мнении окружающих людей; степень способности оправдываться, «изворачиваться»; степень общительности; быстрота, с какой вы сердитесь.

Инертность тормозного процесса определяется теми же критериями, только со знаком минус: если подвижность характеризует быстрота реакции, то инертность — медлительность, «раскачка». Кроме того, прибавляются такие показатели: степень склонности хранить доверенные секреты даже тогда, когда необходимость в этом от-

пала; степень устойчивости «нельзя» явление или инертность того, преследование или инертность в действиях. Следует обладать определенными темпами и медленно: требуется выяснить того. И если абсолютности или инертности характер динамически инертно).

Остается уяснить сигнальные системы.

Первая сигнальными особенностями: в делах; степенью зрительной модуляцией речи; степенью мимики; степенью ской деятельности «не подумав»; кам, степенью щих), степенью вождяют ваши любите живопись любите яркие, сколько вы любите.

Вторая сигнальными особенностями: ных поступков; степенью к сомнению к абстрактности; степенью вашей волевого акта; принятие решений; запомнить с да, где и как.

Соотношение представлений

¹ Ворошилов по опр

пала; степень устойчивости привязанностей; насколько слово «нельзя» является для вас законом. Ну а с определением того, преобладает ли у вас подвижное торможение или инертное, можно уже справиться без дополнительных пояснений: все так же, как и в других показателях. Следует подчеркнуть, что каждый человек обладает определенной способностью реагировать и быстро и медленно: для определения типа ВНД как раз и требуется выяснить степень выраженности и того, и другого. И если абсолютный (средний) показатель подвижности или инертности выше, то этим и определяется характер динамики торможения (подвижно или инертно).

Остается уяснить, в каком соотношении находятся сигнальные системы.

Первая сигнальная система характеризуется такими особенностями: степенью практичности в конкретных делах; степенью яркости восприятия природы и образности зрительных представлений, мышления, хорошей модуляцией речи, выразительностью мимики и пантомимики; степенью склонности к декламации, к артистической деятельности; способностью совершать поступки, «не подумав»; степенью склонности к конкретным наукам, степенью непосредственности (в оценке окружающих), степенью яркости представлений, которые сопровождают ваши желания, и, последнее, тем, насколько вы любите живопись, оперетту, игры, танцы, насколько вы любите яркие, красочные вещи, природу, лес, цветы, насколько вы любите красиво и оригинально одеваться.

Вторая сигнальная система характеризуется иными особенностями: тщательностью продумывания собственных поступков, отношений с другими людьми; склонностью к сомнениям, к обсуждению сложных вопросов, к абстрактным наукам, к анализу и обобщениям; степенью вашей предусмотрительности; степенью полноты волевого акта: возникновение желания, борьба мотивов, принятие решения, исполнение его; насколько вам легче запомнить смысл события, чем подробности о том, когда, где и как оно случилось; степенью самокритичности.

Соотношение средних цифр по этим критериям даст представление о том, к какой категории себя отнести¹.

¹ Ворошиловградцы для уточнения проводят еще и исследования по определению так называемого состояния внутреннего торможения.

Когда оценки по этим девяти шкалам подсчитаны, вывести формулу типа уже не составляет труда, надо только сверить полученные данные с приведенной таблицей. Вот, к примеру, как выглядела анкета одной из выпускниц школы, которая получала консультацию на кафедре профессора Первомайского.

Таня М. по внешнему виду девушка обыкновенная (термин столь же распространенный, сколь и безответственный). Она себе «выставила» такие отметки: сила нервных процессов — 4,2; возбудительный процесс — 4,4; торможение — 3,9 (тип возбудимый), подвижность возбуждения — 4, инертность этого процесса — 3,5; подвижность торможения — 3,8; инертность его — 3,5. Вторая сигнальная система оценена в 4 балла, а первая — в 3,6. Значит, формула типа такая: тип сильный, «мыслительный», ВпТп (возбуждение и торможение подвижны). По таблице он значится под № 5. Дальше мы его так и будем называть. Как же оценил консультант эти показатели в связи с тем, что Таня изъявила желание стать языковедом, «как бабуся»? Он сказал девушке, что ее психологический тип не будет ей препятствовать в достижении цели, и школьная характеристика говорит в пользу сделанного выбора, однако при этом ей необходимо помнить, что лучше всего будет ориентироваться на практическую работу лингвиста — стать преподавателем языка. Желательно, чтобы и нагрузку она не брала большую.

Когда девушка ушла, консультант пояснил мотивы своего заключения: «У нее все будет хорошо, если только она не замыслит карьеру ученого-теоретика (именно поэтому я ей посоветовал педагогический вуз, а не университет). Нагрузку необходимо определить при выборе учебного заведения. А ее данные говорят, что большое напряжение ей противопоказано: сила нервных процессов едва «перевалила» за 4. Слабо выраженное торможение говорит о том, что ей будет трудно задержаться на чем-то одном долго и основательно. У нее должно быть

можения, выводят коэффициенты достоверности средних показателей силы, подвижности, соотношения сигнальных систем. И если эти коэффициенты превышают известную норму — следовательно, пациент оценил свои качества неверно, и материал для выводов не годится. Но мы не станем до тонкости воспроизводить всю методику исследования, это дело специальных изданий, а не нашей книги.

частье «перекрест»
необходимы с
Мы еще ра
вернемся к об
типа ВВД.

Методика
группа качеств
ду к одному
са, силе его. I
возможность оши

но из приведен
няется только
того же качес

ты реакции и

неодинаково,

тельных вопро

Здесь очень

средних цифр

десятые дол

искажение с

скорректиров

означает от

знаем, что

ство у чело

прочим, рез

ствах (как

ваются у

называют

Обнаружи

ли пересыл

Теперь

группе кр

ных проц

искать «

средняя

«слабый»

Сопос

стемы, —

лителях»

В «худож

них», ес

вышает

Уточняе

жения.

частое «переключение». А ученому-теоретику как раз необходимы сильные тормоза».

Мы еще рассмотрим анкеты и собеседования, а пока вернемся к общим принципам проведения исследования типа ВНД.

Методика его определения построена так, что целая группа качеств, проявлений адресуется по своему смыслу к одному и тому же критерию: подвижности процесса, силе его. Цель такого замысла ясна: уменьшить возможность ошибки. Одни и те же вопросы, как это видно из приведенного перечня, иногда повторяются, меняется только их формулировка. Если оценка одного и того же качества — например, аппетита — или быстроты реакции в разных местах определена испытуемым неодинаково, то исследователь с помощью дополнительных вопросов уточняет ее и выводит средний балл. Здесь очень важен точный арифметический подсчет средних цифр по всем группам, потому что ошибка в десятые доли, как нам уже известно, может повлечь искажение окончательной формулы типа. Необходимо скорректировать и крайние показатели. Нулевая оценка означает отсутствие названного качества. Но мы уже знаем, что так на самом деле не бывает: любое свойство у человека в какой-то степени все же есть. Между прочим, резкие, крайние суждения о собственных качествах (как завышенные, так и заниженные) обнаруживаются у людей с «искривлениями» в психике. Медики называют таких людей «диссоциированным» типом. Обнаруживается он тогда, когда в анкете единицы и нули пересыпаются пятерками.

Теперь собственно о выведении формулы. По первой группе критериев мы вычисляем силу основных нервных процессов и определяем, в каком столбце таблицы искать «себя» — в верхнем или нижнем. Напомню: средняя цифра выше 3,5 — «сильный» тип, ниже — «слабый».

Сопоставив две последние группы — сигнальные системы, — узнаем, в какой категории значимся: в «мыслителях», если преобладает вторая сигнальная система, в «художниках», если преобладает первая, или в «средних», если обе развиты одинаково, а разница не превышает все те же 0,3 балла. Нашли их в таблице? Уточняем дальше соотношение возбуждения и торможения. А в одном из четырех квадратиков зафиксирова-

ны преобладающие подвижность или инертность тормозного и возбуждательного процессов.

Безусловно, названная градация по типам не исчерпывает всю сложность и многообразие человеческих индивидов. Потому что, во-первых, и сами определения: первая, вторая сигнальные системы — слишком обобщенные понятия, и тысячи тысяч сочетаний и вариантов преобладаний одних качеств над другими учесть и обозначить невозможно. Да это и не требуется: в психологическом портрете названных свойств вполне достаточно, чтобы выявить кардинальное направление, тенденцию личности.

Теперь нужно уяснить, в какой мере важен, в чем и каким образом сказывается выявленный коэффициент преобладания.

Чем дальше средняя цифра отстоит от «пограничных» 3,5, тем резче выражены возможности подчинять себе обстоятельства или подчиняться им, тем ярче проявляются активность в отношении к жизни или следование «по течению». О чем говорит коэффициент преобладания при сопоставлении возбуждения и торможения? О том, что человек может быть возбудим умеренно, очень и чрезвычайно. Точно так же и с торможением. Чем выше коэффициент преобладания одного из основных нервных процессов, тем человек неуравновешеннее, тем он более подвержен срыву. Очень важное значение для выявления характеристики личности имеет коэффициент преобладания сигнальных систем: как и в предыдущих показателях, самым благоприятным вариантом, самым «жизнеспособным» является тот, у которого обе системы развиты отлично и в равной степени. «Чистые» «художники» и «мыслители» имеют легкоуязвимые звенья. Отсюда «чужачества»: рассеянность мудрецов, их непрактичность; неуместная страсть «художников» к ярким вещам, эффектным позам и т. п.

Вообще-то «норма» — понятие условное в том смысле, что она, являясь качественной гранью, в то же время имеет количественное выражение, обозначаемое величиной «от» и «до». И амплитуда может оказаться достаточно большой, в соответствии с колебаниями требований, предъявляемых к индивиду окружающей средой. К примеру, у сдержанных прибалтов экспансивный человек может показаться «аномальным», а у темпераментных южан он же может быть воспринят как лич-

вост спокойная.
«тормаживает»
«жизненность», то, на
«этикетические» д
«отклонения» от э
выявить, для ка
какой коэффици
принят или не
Так, напри
градского меди
такое несложн
колебаний в
человек слаженн
человек разбро
может привест
одному и тому
задать отлич
приобретения
и не отражает
приводят при
отличаются
с трудом сд
но они подл
сложных с
А есть сп
пенью актив
посты, про
ной литерат
их «приобр
столь фраг
пользы, а с
ку от колл
И уж,
нормы, от
зателем п
Интерес
среди лю
часто вст
других т
вития ст
и пр.?
О су
темпера
глубоко
8 Т. Афан

ность спокойная. Мы в определенной обстановке то «притормаживаем», сдерживаем преобладающее возбуждение, то, наоборот, «заводимся». И все же средне-статистические данные могут помочь выявить резкость отклонения от здоровой нормы. Точно так же можно выявить, для какой именно среды (читай — профессии) какой коэффициент преобладания необходим, благоприятен или нежелателен, даже опасен.

Так, например, изучение 300 студентов Ворошиловградского медицинского института позволило сделать такое несложное заключение: чем меньше диапазон колебаний в выраженности различных качеств, тем человек слаженнее. А чем выше диапазон колебаний, тем человек разбросаннее, несобраннее. Такая особенность может привести к тому, что люди, принадлежащие к одному и тому же типу, поведут себя разное и будут обладать отличительными особенностями, важными для приобретения специальности, хотя степень слаженности и не отражается на уровне интеллекта. Исследователи приводят пример с несколькими студентами: они не отличаются высокими интеллектуальными данными, с трудом сдают экзамены на «удовлетворительно», но они подлинные труженики медицины, и во всех сложных ситуациях их выручает собранность. А есть специалисты, обладающие высокой степенью активности, стремящиеся занимать руководящие посты, проявляющие осведомленность в специальной литературе и вообще незаурядные личности, но все их «приобретения» носят такой хаотичный характер, столь фрагментарны и бессистемны, что мало приносят пользы, а сами эти люди получают отрицательную оценку от коллег и близких.

И уж, естественно, высокая степень отклонения от нормы, от средних показателей нередко является показателем патологического варианта типа ВНД.

Интересно узнать: равномерно ли распределение среди людей различных типов ВНД? Или есть наиболее часто встречающиеся? Зависит ли количество тех или других типов в обществе от условий жизни, уровня развития страны, ее географического положения, культуры и пр.?

О существовании национальных черт характера и темпераментов мы уже упоминали. Однако для более глубокого и обстоятельного ответа на эти вопросы тре-

буются специальные и длительные исследования больших групп людей. А нужда в такого рода сведениях — о типологическом составе общества — у нас сейчас очень настоятельная: для рационального и научно обоснованного прогнозирования кадровых ресурсов страны и их использования, для предупреждения заболеваний, для разрешения проблемы долгожительства.

Для выявления такого состава по типам ВНД среди сравнительно однородной среды — выпускников средних школ Ворошиловграда — сотрудники кафедры дважды проводили специальные обследования. И вот что обнаружилось.

Самой распространенной группой типов высшей нервной деятельности среди обоих полов является смешанная по сигнальным системам. Это и понятно: в этом сочетании самой природой заложена достаточная гибкость в выборе «предмета» труда. Затем по численности следуют «художники». И это объяснимо: это народ практичный, сообразительный в конкретных ситуациях. Меньше всего «мыслителей».

Дальше складывается очень интересное количественное соотношение по полам. «Мыслителей» больше среди мужчин (заметьте, что уровень интеллектуального развития здесь в расчет не принимался).

Конечно же, «мыслительный» тип не является монополией мужского пола, немало и женщин, относящихся к «мыслителям». Однако стоит отметить: среди женщин «мыслителей» намного больше таких, у которых устойчиво торможение, то есть они больше мужчин склонны к деятельности, требующей скрупулезности, тщательности, дотошности. А это — качества неоспоримо «женские» и, безусловно, ценнейшие при современных формах научно-исследовательских работ.

В результате обследования получились важные данные и по другим критериям. Например, сила обоих нервных процессов. Тут тоже весьма впечатляющая картина: больше 90 процентов выпускников — представители «сильного» типа. Как видно, даже программа современной средней школы требует большого нервного напряжения, хорошего здоровья. В этом показателе женщины как бы берут реванш: среди них «сильных» несколько больше.

Очень интересны данные и по соотношению подвижности и инертности процессов. У большинства выпуск-

ников оба пр
знак. Он за
торства наши
Однако в
устойчивость
же обоих пр
рыболова. У
тельный про
преследовать
их, выследит
ловек под ку
выскочит? Д
сидеть и жд
тельно, долж

Больше с
тание: возбу
подвижный.
дидаты в а
Масштаб д
каждого сво
из них сум
затворской д

Если дл
ны тормож
«художник
димость, ч
вании.

Итак, н
вать прир
уверенност
собственну
сом прочн

Мы уж
зование, с
лектуальн
гом от ус
ко неосп
особенно
системы
Вор

ников оба процесса подвижны. Это очень добрый признак. Он залог многогранности, активности и новаторства наших молодых людей.

Однако в иных обстоятельствах требуется как раз устойчивость реакции, то есть инертность одного или даже обоих процессов. Для примера возьмем охотника и рыболова. У первого должен быть инертным возбудительный процесс: ему же приходится долго и упорно преследовать зверя или птицу, стремиться настигнуть их, выследить. Разве же это будет охота, если сядет человек под кустом и станет ждать, когда зверь на ловца выскочит? Другое дело — рыбак. Он-то как раз должен сидеть и ждать, когда клюнет рыба. У него, следовательно, должно быть устойчиво торможение.

Больше одной трети испытуемых имеют такое сочетание: возбудительный процесс инертный, тормозной — подвижный. Это, по заключению Первотайского, кандидаты в активисты, в организаторы и руководители. Масштаб деятельности и направленность интересов у каждого свои. Однако цифра эта весьма важная. Но кто из них сумеет реализовать свою склонность к организаторской деятельности?..

Если для «мыслителей» в большей степени характерны торможение, инертность, уравновешенность, то у «художников» выявлены большая подвижность и возбудимость, что, видимо, не нуждается в особом толковании.

Итак, не впадая в идеалистический грех — приписывать природе разумную преднамеренность, — можно с уверенностью сказать, что человеку нечего бояться за собственную конструкцию: сделана она с большим запасом прочности и гибкости.

72 ПЛЮС БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Мы уже знаем, что многие качества личности: образование, способности, интересы, желания, высота интеллектуального и этического развития — зависят во многом от условий воспитания, окружения индивида. Однако неоспоримым стало уже и утверждение, что и эти особенности в своей основе имеют свойства нервной системы.

Ворошиловградцы попытались выяснить, у каких ти-

пов ВНД какие «социальные» свойства проявляются более выражено и очевидно. Были обобщены результаты оценок качеств личности полутора тысяч учащихся десятых классов. Баллы выставили им на этот раз педагоги-воспитатели. И вот по каким «предметам»: рассудительность, исполнительность, доброта, сдержанность, вежливость; чувство долга, такта, дружбы, стыда, коллективизма; честность, справедливость, дисциплинированность, общительность, инициативность, энергичность, активность, самооценка, трудолюбие.

Когда же оценки педагогов были сопоставлены с анкетами и с выведенными формулами типов у учеников, то снова оказалась совершенно очевидной закономерность соотношения личностных качеств с типологической особенностью индивида. Самые высокие положительные оценки рассредоточились по «краям» каждого из рядов таблицы: у уравновешенных «мыслителей» и тормозимых «художников». Последовательность здесь выявилась такая (я буду оперировать названиями типов по схеме КПВ. — Т. А.).

Мыслительный уравновешенный тип (с 1-го по 4-й) характеризуется более высокими показателями качеств личности по сравнению с тоже «мыслителями», но неуравновешенными. Однако они менее отзывчивы, общительны, чем возбудимые (с 5-го по 8-й). Последние еще и энергичны, с высокой самооценкой. Зато у них хуже выражены чувство меры, сдержанность, вежливость, такт, они менее дисциплинированы. Интересно отметить, что «возбудимый мыслитель» энергичен, но менее трудолюбив и исполнитель. Выходит, что он больше любит подсказывать, что надо делать, а исполнять должны другие. Знаете, этакie «генераторы идей». Они вечно носятся с различными предложениями и планами, вот только осуществить их им недосуг, поскольку новые идеи одолевают. Но это, конечно, не все возбудимые: нас же интересует тенденция типа, а не частные случаи.

У «тормозного мыслителя» (с 9-го по 12-й) менее развиты сочувствие, отзывчивость, доброта, чувство дружбы и коллективизма, он менее общителен, энергичен и активен, что явно обусловлено преобладанием торможения. А такие качества, как рассудительность, исполнительность, сдержанность, вежливость, справедливость, дисциплинированность, трудолюбие, развиты лучше, чем у «возбудимого мыслителя».

Грубо говор
ник идей, энерг
связывает и уч
труженик и ис
справедливый.
чества и тех
браться — «по
«полных» «мыс
приходится 77
Теперь нуж
мыслительного
рассудительно
ности, сдержан
бно, энергиче
номерны для
ной деятельн
больше знает
человек спос
может понят
другого чело
чувствие, сп
то, что я н
самосознани
имеют соз
важнейший
любие... Л
или иной м
ды просну
огонь треб
ные к по
стей и во
знать и п
чество ст
лительна
При
кую зак
рой сиг
качества
у «смен
ванност
же нач
жившу
уравно
новец

Грубо говоря, «возбуди́мый мыслитель» — проводник идей, энергичный и общительный оратор; он подсказывает и учит, как надо работать, а тормозимый — труженик и исполнитель, спокойный, самоуглубленный, справедливый. Уравновешенный — соединяет в себе качества и тех и других. Он «полный» тип, а его собратья — «половинчатые». (Интересно заметить, что «полных» «мыслителей» на тысячу обследуемых в среднем приходится 77 человек, а «половинчатых» — вдвое меньше.)

Теперь нужно обобщить впечатление от сильного мыслительного типа. Этот тип в принципе склонен к рассудительности, сочувствию, справедливости, скромности, сдержанности, дисциплинированности, трудолюбию, энергичен. Если вдуматься, то такие свойства закономерны для преобладающей способности к мыслительной деятельности. Философы говорили, что чем человек больше знает себя, тем больше он человек. Чем больше человек способен к рассудительности, тем больше он может понять и оценить поступки — свои собственные и другого человека. Следствием этого и могут быть сочувствие, справедливость, скромность. («Я знаю только то, что я ничего не знаю», — самый высокий уровень самосознания.) Дисциплинированность, сдержанность имеют сознательную подоплеку. Самодисциплина — важнейший элемент общественного поведения. Трудолюбие... Любую потребность можно удовлетворить в той или иной мере, кроме интеллектуального голода: однажды проснувшись и разгоревшись, этот всепожирающий огонь требует новой пищи. Вот почему даже прикованные к постели, лишенные всех и всяческих потребностей и возможностей люди сохраняют одну страсть — знать и передавать свои знания. И уж конечно, это качество становится главенствующим у тех, у кого мыслительная способность преобладает.

При анализе следующих типов мы обнаружим такую закономерность: по мере ослабления влияния второй сигнальной системы снижается выраженность таких качеств, которые мы только что перечислили. Причем у «смешанных» они пока находятся в той же согласованности с возбуждением и торможением. «Художники» же начинают вносить свои заметные поправки в сложившуюся картину закономерностей. Художественный уравновешенный тип уже оказывается не таким «уравновешенным», как его аналоги в других группах: он ха-

рактизуется высокой энергичностью, активностью и высокой самооценкой (что у «мыслителей» было особенностью возбудимых). А уж возбудимый обладает этим свойством (возбудимостью) в самой большой степени. Это — безудержные. У них поэтому слабее развиты чувство меры, чуткость, скромность, чувство долга, такта, честность, дисциплинированность, коллективизм. Но вдруг, как взрыв, — новое скопление высоких качеств у тормозимых «художников». У них лишь показатель активности низкий. Разгадка «нарушения закономерности» заключается в том, что в своем анализе ворошиловградцы исключили такие свойства, как злонамеренность, мстительность, прямолинейность, грубость и прочие им подобные. А вот как раз именно эти качества наряду с положительными свойственны многим тормозимым «художникам». Этот тип совмещает в себе полярные свойства.

Итак, на тысячу школьников выявлено 144 «мыслителя», «художников» — 325 (из них возбудимых — 167, тормозимых — 26, остальные — уравновешенные). «Смешанные» составляют самую многочисленную группу: 446 на тысячу, из них возбудимых — 138, тормозимых — 49, а уравновешенных — 259.

В этих оценках можно обнаружить следующее распределение личностных свойств в зависимости от сигнальных систем, которые здесь начинают приобретать первостатейную роль.

«Мыслители» проявляют такие свойства, которые основываются на понимании и гуманизме. «Художники» обладают такими ценными качествами, как исполнительность, в сочетании с достаточно выраженными активностью и инициативой, общительностью, эмоциональной восприимчивостью. «Смешанные» — это люди долга, активисты и «нормировщики», то есть обладающие высоким чувством меры. Они призваны умерить пыл «художников» и использовать идеи «мыслителей». Они все организуют и все сочетают, заполняют самое большое количество участков социального организма, берут на себя высокую меру ответственности и обеспечивают условия работы «мыслителей» и «художников», обеспечивают им социальные заказы. Однако они не всегда сдержанны и вежливы, не всегда им хватает тонкости и чуткости, хотя и эти качества им необходимы.

Само собой разумеется, что этим не исчерпывается

характерис
мает свои
Очень
что оценки
ВНД сами
коррелиру
Вороши
типа ВНД
здесь остр
стем и пр
вают урав
мые «худ
тегории,
телей» ср
ществовед
низкий б
следние
образом,
ем о скло
ют свое
Тепер
тип ВНД
ветствую
чтобы р
логическ
прочной
Еще
дится з
бранну
три), и
бора. С
«пацие
оценив
работы
хологи
выбор
крити
ние п
И
основ
пу в
ного
мой

характеристика отдельной личности: каждый человек имеет свои, особые сильные стороны и свои слабости.

Очень важно было для исследователей обнаружить, что оценки, поставленные по некоторым критериям типа ВНД самими учащимися, педагогами и консультантами, коррелируют друг с другом.

Ворошиловградцы проанализировали и соотношение типа ВНД с успеваемостью школьников. Оказалось, что здесь остро чувствуется влияние и обеих сигнальных систем и преобладания нервных процессов. Лучше успевают уравновешенные «мыслители», хуже — тормозимые «художники». Если же взять более обобщенные категории, то выявится следующее положение: у «мыслителей» средний балл выше по математике, физике, обществоведению и естествознанию, астрономии. Самый низкий балл у них по литературе, языкам, истории. Последние предметы — прерогатива «художников». Таким образом, представления, которыми мы обычно оперируем о склонностях «художников» и «мыслителей», получают свое подтверждение в социальном эксперименте.

Теперь мы с уверенностью можем сказать, что, зная тип ВНД воспитуемых, мы сможем использовать соответствующие средства и методы воспитания для того, чтобы развить те качества, которые имеют свои типологические задатки и которые потом могут послужить прочной основой для профессиональной деятельности.

Еще в одном из обследований испытуемым приходится заполнить анкету, в которой они указывают избранную специальность (иногда их оказывается две-три), и оценить по пятибалльной системе мотивы выбора. Они тоже служат дополнительной характеристикой «пациента». Потому что если самым высоким баллом оценивается романтика профессии, мода, близость места работы от жилья, то это тоже позволяет уточнить психологический тип. Точно так же, как признание, что в выборе решающую роль сыграла жажда совершить открытие, преодолеть трудности, влияние взрослых, желание подражать выдающимся личностям и т. п.

Итак, перед исследователем — извлечения по трем основным показателям личностной характеристики: типу высшей нервной деятельности, особенностям социального поведения и по овладению обязательной программой знаний. Кроме того, он вооружен и непосредствен-

ными наблюдениями, и указанием на избранную специальность. Достаточно ли этого для рекомендации профессии, которой больше соответствует испытуемый?

Типологические особенности работников из разных сфер, выполняющих свои обязанности успешно и без надрыва, были зафиксированы ворошиловградцами прежде. На этой основе была составлена схема — профессионального предпочтения типами ВНД. В ней, к примеру, приведены такие данные: из 88 обследованных математиков только семь оказались из разряда «художников», а в среде юристов не отыскалось ни одного представителя с преобладающей первой сигнальной системой. Из обследованных 300 врачей только одну десятую составили «мыслители», филологи дали наибольшее число «совмещенных», историки — вышли из рядов «художников», у музыкантов из 65 человек обнаружилось преобладание второй сигнальной системы только у троих.

Были проведены исследования и по другим критериям. К примеру, Ю. А. Антропов определял типологические особенности артистов драматического театра и музыкантов. Вот что он отметил: среди артистов решительно преобладает «сильный» тип: из 50 обследованных «слабыми» оказались лишь двое, среди музыкантов их шесть на 65 человек. Второй отличительной особенностью актерской труппы явилось большое количество холериков — 22 на 50 человек, в то же время среди музыкантов оказалось много флегматиков — 14. На основе этих данных сам собой напрашивался вывод, что выбор профессии артиста или музыканта прежде всего обуславливается преобладанием первой сигнальной системы и выраженным возбуждением.

Аналогичным образом составлялись профессионально-психологические карты других специальностей, в которых нашли отражение требования, предъявляемые видом деятельности к человеку, и соответствующий им тип ВНД. Тогда-то и появилась картотека, в которой под номером типа выписывались рекомендуемые профессии. Не были сброшены со счетов и некоторые различия, обнаруживающиеся у представителей одного и того же типа. В очень удобочитаемой формуле, в особом коде, зафиксированы градации по силе нервных процессов, по освоению школьной программы (успеваемости), по личностным данным.

Методика.
Б. Я. Первом
разносторонне
торыми «орие
ведут консул
ленники и пос
В течение
медицинской
главляет Б. Я
лым курсом
на каждого
логическая к
полученные
стик из шко
тестатов зре
вании вывод
дентов на к
рищей, — в
отражаются
видным, что
положение,
вания пове
студентов,
оценены ве
и наоборот
шиловград
ционной ст
Много
рела зако
сти, естест
преимуще
телем пре
ная» лич
ван ни од
работанн
пациентов
поддается
фессиона
Тепер
самых р

Методика, разработанная группой сотрудников Б. Я. Первомайского, сейчас проходит длительную и разностороннюю проверку. Ведут наблюдения за некоторыми «ориентированными» сами исследователи, проводят консультации по их принципу многие единомышленники и последователи.

В течение двух последних лет сотрудники кафедры медицинской психологии и психиатрии, которую возглавляет Б. Я. Первомайский, ведут наблюдения за целым курсом студентов мединститута. При приеме в вуз на каждого из 300 первокурсников была заведена типологическая карта. В ней были зафиксированы данные, полученные в результате заполнения анкет, характеристик из школы, медицинских свидетельств и оценок аттестатов зрелости и приемных экзаменов, и на их основании выведена индивидуальная формула. Успехи студентов на каждом курсе, как и их отставание от товарищей, — в учении, общественной, научной работе — отражаются в этих картах. И теперь уже становится очевидным, что эти карты не только фиксируют нынешнее положение, но и служат предпосылкой для прогнозирования поведения и деятельности личности. Так, те из студентов, чьи возможности по методике КПВ были оценены весьма высоко, стали ведущей группой курса, и наоборот. Эти и другие наблюдения позволяют ворошиловградцам выверять исследования методом вариационной статистики.

Много еще предстоит сделать, чтобы методика приобрела законченную форму, стала более точной. Трудности, естественно, возникают во множестве. Однако по преимуществу они появляются, когда перед исследователем предстает противоречивая или «диссоциированная» личность. А от этого обстоятельства не застрахован ни один из медиков, даже пользующийся самой разработанной и признанной методикой. Но таких сложных пациентов бывает не так уж много. Большинство же поддается точному определению типа и выявлению профессиональной направленности и способности.

Теперь перейдем к более обстоятельному описанию самых распространенных типов ВНД.

„Типажи“ и личности

ПУСТЬ МЕНЯ НАУЧАТ

Я уже говорила, что присутствовала на одном из массовых обследований ворошиловградских старшеклассников. Анкеты заполнены и сопоставлены с оценками педагогов, тип «вычислен». Ассистент профессора Первомайского Алла Сергеевна Ялдыгина сделала предварительные заключения по анкетам, которые мы с ней отобрали, и пригласила ребят на консультацию. И вот уже они нетерпеливо жужжат в узеньком коридоре кафедры психиатрии медицинского института. Очень многие заметно взвинчены. Их можно понять.

В комнату входит первая девушка, Таня М. В ее анкете записано: тип № 5, хочет стать лингвистом. Желание ее вполне оправдано всеми показателями. Девушка уходит ободренная. За дверьми она поделилась, конечно, с товарищами: «И вовсе не страшно, и ничего «такого» не спрашивают». Следующая девушка вошла уже посмелее.

Ирина Ф. — бойкая, быстроглазая десятиклассница — написала в анкете, что хочет быть физиком, а тип у нее «художественный». И оценки по предметам, и по личностным свойствам — все против этого намерения. В мотивах выбора специальности — полный набор: и настояние родителей, и мода, и «за компанию», и подражание знаменитым личностям, и призвание. Но прежде всего и чаще всего приводятся мотивы, обнаруживающие подражание, внешние факторы, что, как мы уже знаем, свойственно художественным натурам.

Разговор с Ириной дает поразительный эффект. Когда консультант говорит, что занятия физикой не соответствуют ее данным, Ирина, ничуть не смутившись, отвечает:

— А я не очень хочу быть физиком. Я мечтаю стать парикмахером, дамским мастером. Только пусть роди-

тели об этом не знают. Мама у меня и слышать ни о чем не хочет.

«И вряд ли сегодня ее удастся переубедить, даже ссылаясь на социальную типологию, — подумала я. — Она уверена, что только она, мать, знает, в чем настоящее счастье ее дочери. Ситуация чревата очередной и довольно банальной драмой».

И снова дверь открывает девушка (да, их ведь больше в выпускных классах, чем юношей!). Одета, причесана с претензией на изысканность, держится независимо, смело. Села к столу, как будто она сейчас будет спрашивать, а не ее. Наташа Т. В анкете указано несколько специальностей: «Литератор, психолог, актриса». Консультант спрашивает, откуда такое сочетание: психолог и актриса, — что она знает о первой из этих профессий. Наташа говорит легко, с уверенностью. О профессии психолога она знает мало. Зато она знает одну очень умную и интересную женщину-психолога, и хотелось бы быть похожей на нее (опять подражание как мотив выбора. — Т. А.). Ничего определенного и об увлечении литературой она сказать не может. Просто сверстники и учителя хорошо отзываются о ее сочинениях, и она любит читать книги. Что же касается актерской деятельности, то в последнее время она совсем передумала ею заниматься. Хотя всегда успешно выступала в постановках школьного драмколлектива, но если и мечтала, то исключительно о кино. А теперь и от него отвернулась. Роль Анны Карениной ей теперь не получить: недавно роман экранизировали, а никакая другая женская роль ее не привлекает. На второстепенных же ролях она себя и вовсе не представляет. Ее девиз: все или ничего! Так что теперь она выбирает из двух профессий.

Медики попытались ее переубедить, что по типу ВНИД деятельность психолога ей не подходит. У нее «художественный» тип, а здесь необходим «мыслительный». А весь ее типологический строй говорит, что ей лучше попробовать себя в той области, где получают реализацию ее артистические наклонности (тип-то у нее — 32-й!). Нельзя так ставить вопрос: или Анна Каренина, или ничего не надо! Так ведь и Анна не может получиться, если не учиться на второстепенных ролях. Уговоры не помогли — Наташа осталась при своем мнении. Как она поступит, трудно сказать. Но вполне вероятно, что ода-

ренная девочка окажется «не у дел» или кинется в первый попавшийся вуз, где будет небольшой конкурс. А это уже известно, к чему приводит...

Рассматриваем дальше анкеты двух отличников из одного класса. Учительские характеристики словно бы на близнецов писаны: одаренные, разносторонние, трудолюбивые, порядочные юноши. Могут достичь успеха всюду, где только пожелают себя попробовать. А не видевшие до того в глаза этих ребят психологи говорят иное: очень разные люди, и судьба у каждого — своя.

Григорий П. — редкий тип, № 7. Такой встречается один на тысячу. И профессию он себе выбирает сравнительно редкую — геохимию.

— Давняя страсть к химии определила общее направление выбора. Но я отлично понимаю, что долго над приборами не усижу. Мне нужно ездить, смотреть, искать, и не только в лаборатории.

Медики желают юноше успехов на избранном пути. А мне объясняют, в чем его особенность и «исключительность»: тип — «мыслительный», «сильный», возбуждение преобладает, но оба процесса устойчивы (инертны), высокие показатели в учебе, отличные личностные аттестации, высокая и объективная самооценка — все это обещает хорошие результаты в научной деятельности. Однако преобладающее возбуждение, как это понимает и сам Гриша, не позволит ему сиднем сидеть над колбами. Оно-то и отрывает его от формул и тянет к переездам. Из него может выйти деятельный экспериментатор, который лишь присядет к письменному столу, чтобы обобщить накопленные в странствиях мысли и факты.

Его друг, Володя К., напротив, скорее пойдет от теории к теории. В анкете он назвал биохимию и... психологию. Как у него совмещаются столь разные намерения?

— Объясняется это очень просто, — размеренно и вдумчиво говорит Володя. — Меня интересует человек во всех его проявлениях. Так вот, мне хочется познать человека или с точки зрения его биохимической структуры, или с психологической.

Ассистент Первомайского бросает быстро несколько вопросов-утверждений, и Володя, отвечая на них, шире открывает свои сонные глаза, начинает говорить живо и заинтересованно.

Психолог «уга-
ка. Например,
ные работы
еди любимых.
желую атлети
А ассистент з
— Мне каж
ор на психолог
до обобщений,
аги, должен п
— наука, н
только на нов
сы для вас ста
личные. (Для
ди — 11-й.)
оту, такт, спр
лей склонност
Володя об
лисем профес
слушался сов
институт с на
рии, оправды
Ребята р
тили, что с
все более ос
ход к выбор
ученые виде
определяют
дело — по
му призван
то испугае
то отвлеку
легче. Ком
материаль
их, камне
Однак
катастроф
не только
и сделал
могли п
полности
möglich
на раб
дельно

Психолог «угадывает» вкусы и пристрастия выпускника. Например, говорит, что Володя не любит лабораторные работы по химии, хотя этот предмет и назван среди любимых. Что из всех видов спорта предпочитает тяжелую атлетику. Юноша это подтверждает.

А ассистент заключает:

— Мне кажется, что для вас лучше остановить выбор на психологии. Биохимик, прежде чем он подымет до обобщений, до размышлений над чистым листом бумаги, должен провести сотни, тысячи опытов. Психология — наука, начинающаяся и завершающаяся мыслью, только на новой, более высокой ступени. А еще лучше бы для вас стать психиатром: данные для этого — отличные. (Для присутствующих объявляется тип Володи — 11-й.) Учителя отмечают в вас сочувствие, доброту, такт, справедливость, трудолюбие. Да еще при вашей склонности к психоанализу — сам бог велел.

Володя обещал подумать. (В одном из недавних писем профессор написал мне, что Володя, который послушался совета и поступил в Ворошиловградский медицинский институт с намерением специализироваться по психиатрии, оправдывает надежды консультантов.)

Ребята разошлись. Врачи с удовлетворением отметили, что с каждой проверкой очередного выпуска школ все более основательным и сознательным делается подход к выбору профессии. Хотя и при прежних проверках ученые видели, что немало школьников внутренне верно определяют направление своего пути. Совсем другое дело — последуют ли они ему. Кто-то не поверит своему призванию, не понадеется на себя, на свои силы. Кто-то испугается борьбы за свое место и отступится. Кого-то отвлекут друзья или переманит кусок послаще, полегче. Кому-то поперек встанут внешние обстоятельства: материальные, семейные, территориальные. Да мало ли их, камней, на дороге к заветной цели...

Однако в большинстве случаев самоотступничества катастрофы не происходит. Многомудрая мать-природа не только наградила нас могучей нервной системой, но и сделала ее достаточно гибкой и пластичной, чтобы мы могли приспособиться к условиям, даже если они не полностью соответствуют нашим потребностям и возможностям. Но когда у человека хроническое невезение на работе, когда малейшие успехи даются ценой предельного напряжения — это, значит, пришла расплата

за легкомыслие юности или отступничество. И в таком случае вмешиваться надо не администраторам, а психиатрам, чтобы восстановить равновесие. Потому что метод Первомайского может быть применен не только для профориентации, но и для определения соответствия человека и дела, которым он занят.

Борис Яковлевич рассказывал, как к нему на консультацию приехал научный сотрудник одного НИИ из Днепропетровска. Преуспевающий, способный, увлеченный наукой человек. Казалось бы — живи, работай! Но что-то раздражает его в окружающей обстановке, не дает того углубленного покоя, который всегда приносит ему плодотворные мысли. Сам он уверен, что натура его требует уединения, а он работает вместе с коллегами в большой комнате, и уединиться, увы, не может. Психологическая проверка пациента привела медиков к убеждению, что наилучшим решением будет отнюдь не уединение, а переход на преподавательскую работу: так будет удовлетворено его стремление к самостоятельной (индивидуальной) деятельности.

«Работа по душе» — теперь многим ясно, что это не мистические бредни избалованных людей, не привередничество и капризы. И «угодить» каждому, как мы уже убедились, будет не столь сложно. Ведь практически главное — определить ритм, стиль труда, характер нервного напряжения и положение работника в системе определенных производственных отношений, а что именно будет производить человек — деталь, большей частью не имеющая существенного значения. Так, к примеру, не столь важно, будет ли рабочий трудиться на токарном или фрезерном станке, но очень важно — на поточном производстве или в экспериментальном цехе. Не столь существенно, будет ли некий X филологом, юристом или психологом — недаром так часты «совмещения» профессий врача и писателя, юриста и журналиста и т. п., — но чрезвычайно важно: будет ли X работать с людьми или заниматься теоретическими изысканиями. Вот почему в предсказании профессионального будущего не так уж необходимо точное указание места и должности. Зато теперь уже надо всерьез изучать и знать, какому типу высшей нервной деятельности адресуются те или иные требования профессии.

Методика Первомайского предлагает один из способов консультирования молодых людей психологами.

И в этом ка
официальн
в этой обла
доть длите
и совершен
интересован
в доброже

Читател
тельно поз
нем это зн
о несчастл
типов. Во
ный, в-тре
все руки
приспособ
виям и тр

Я пом
комменти
типом В
рвут душ

«Вот
считывае
человек
наково с
зрительн
ством и
у них
у каждо
способн
ности н
следова
бы «не
Для

подчин
звучит

1 Он
Минист
митет
Минист
дой ко

И в этом качестве заслужила внимание общественности, официальных организаций¹, прессы и специалистов в этой области знаний. Конечно, она еще будет проходить длительные испытания практикой, будет уточняться и совершенствоваться. Но и сейчас она нуждается в заинтересованном знакомстве, анализе, а ее авторы — в доброжелательной помощи.

СООБРАЗУЯСЬ С НАТУРОЙ

Читателям, наверное, будет интересно более обстоятельно познакомиться с отдельными типами ВНД. Начнем это знакомство с типа под № 13. Вопреки поверьям о несчастливом числе — это один из очень «удачных» типов. Во-первых, смешанный, во-вторых, уравновешенный, в-третьих, «сильный». Психологи называют его «на все руки мастером». Представитель этого типа быстро приспособится к разным видам деятельности, к условиям и требованиям среды.

Я помню, как Борис Яковлевич Первомайский прокомментировал сетования одного выпускника (с этим типом ВНД), у которого разные влечения и желания рвут душу на части:

«Вот таких вот, «разрывающихся на части», мы насчитываем в нашем обследовании больше ста двадцати человек на тысячу. И им жаловаться грешно. Они одинаково склонны к практической деятельности и к умозрительным занятиям, им доступно наслаждение искусством и умение вычленить логическую суть явлений, у них проявляются и организаторские наклонности — у каждого, конечно, в соответствии с индивидуальными способностями и развитием. (Интеллектуальные возможности и творческие способности выявляются особым обследованием.) Как распорядиться этим богатством, чтобы «не обокрасть» себя и общество?»

Для избрания главного дела жизни, конечно, надо подчиниться тому зову, который долгие и настойчивей звучит в душе. А овладев специальностью, таким людям

¹ Оценку деятельности воронежских исследователей дали Министерство высшего и среднего специального образования и Комитет по профессионально-техническому образованию при Совете Министров СССР. См. об этом — «Неделя», 1968, № 19 и «Молодой коммунист», 1971, № 6.

не надо замыкаться в ее узких рамках. Иначе начнется неудовлетворенность от избытка неизрасходованных сил, как это случилось с одной нашей корреспонденткой, учительницей М. В.

Она писала, что среди своих коллег считается одной из лучших преподавательниц, но все же радости от труда не получает. А интересы у нее широкие и разнообразные, и она думает, что если бы подчинилась другому своему влечению, то была бы счастлива. Мне думается, что тут как раз такой случай: пеняют на специальность, а причина неудовлетворенности заключается в том, что замкнулся человек только в кругу своих профессиональных обязанностей. Несомненно, они требуют от человека напряжения сил, но отвлечения для таких людей служат нервной разрядкой. Помните, знаменитое: смена труда — лучший вид отдыха? Я не взялся бы подсказывать, чем именно ей еще заняться, но многолетняя практика дает мне основание утверждать, что для человека широких возможностей и интересов общественная деятельность самое «выгодное» помещение излишков сил и возможностей. Необходимо не сдерживать, а расширять поле деятельности».

Тут я вспомнила юношу, который увлекается точными науками и одновременно успешно выступает в концертах самодеятельности с сольным пением. И к тому же любит иностранные языки. И он сам, и его близкие в ужасе от этой мешанины. Оказывается, пугаться нечего. Если он изберет себе инженерное дело, кто ему помешает заниматься вокалом, а иностранный язык современному инженеру весьма полезное подспорье в работе. Лишь бы не метался, а, приняв решение, добивался намеченной цели.

У таких людей колебания, смятение — явление временного порядка. За них особенно опасаться не приходится. Однако типология фиксирует две стороны медали: она не только обнадеживает, помогает принять нужное решение, она же и предупреждает о возможностях негативного проявления типологических особенностей личности.

Два человека, по методике КПВ, определенные как 13-й тип, могут дать исследователю различный количественный набор: один «тринадцатый», с высокими показателями систем и процессов, будет маяться от множественности сильных увлечений и способностей, а другой,

с более низкими оценками, оттого, что вроде бы многое может, но... «кое-как» и ничего как следует. Что станет советовать такому «пациенту» консультант?

По мнению ворошиловградцев, в данном случае очень важно «отвлечь» мысли испытуемого от специальностей, требующих иных, чем у него, показателей в основных нервных процессах, то есть от специфически «возбудимых» и «тормозимых». Таким образом, внимание сосредоточится на более узком круге занятий. Можно также предложить припомнить, какое именно увлечение длилось дольше и принесло больше удовлетворения, успехов.

Здесь рекомендация будет заключать в себе «негромкое» практическое дело. И непременно нужно будет посоветовать обследуемому серьезно и добросовестно отнестись к своим обязанностям, постараться открыть в этом деле «изюминку», которая привлекает к работе ветеранов профессии.

Но мы забыли еще об одном, очень ценном свойстве этого типа ВНД, на которое мы указывали в самом начале описания «тринадцатого», — приспособляемость к требованиям и условиям среды. Стоит такому мятущемуся оказаться в одной бригаде с увлеченными, добросовестными, интересными людьми, как вопрос о его специальности решится сам собой: он будет с таким же энтузиазмом, как и окружающие, относиться к новому делу. Однако восприимчивость может сыграть злую шутку, если испытуемый попадет в неблагоприятную среду: лодырей, барышников, ловкачей. Вот где нужны меры по определению трудового режима и условий для новичка, легко поддающегося влиянию. И здесь действительно большую роль могут сыграть специалисты по профессиональной адаптации. Они бы могли, исходя из типологических особенностей молодого работника, «подобрать» подходящую группу людей, определить, в каком именно коллективе существует микроклимат, который ему будет на пользу, а в каком — во вред.

Какие конкретно профессии могут быть рекомендованы типу под № 13? Список тут обширный, в силу «емкости» типа, его пластичности. Это инженер (но не теоретик и не администратор крупного производства), экономист, искусствовед-популяризатор (но не теоретик), врач (самого разного профиля), химик, радист, строитель, шофер, чертежник, механик, киномеханик,

педагог, археолог, переводчик, слесарь, биолог, лаборант, журналист-очеркист, рабочий на станке-полуавтомате (на мелкосерийном производстве), монтажник декораций в театре, повар, механизатор, животновод.

Думаю, что уже сами читатели дадут объяснение приведенным здесь оговоркам: популяризатор, а не теоретик, мелкосерийное производство, а не конвейер. Рекомендуемые профессии предполагают разнообразие впечатлений, приемов, навыков, широту знаний и интересов. И можно надеяться, что не составит труда определить, какие цифровые показатели больше подойдут для той или иной профессии.

Из так называемых «возбудимых» наиболее многочисленным оказался тип № 32 (по преимуществу женщины). По его формуле вы уже можете судить, что это тип «сильный», возбудимый, торможение у него — подвижное, первая сигнальная система преобладает. Заглянем в перечень свойств, определяющих такие показатели. Преобладание первой сигнальной системы предполагает живость, образность воображения, мимики, пантомимики, склонность к декламации, к красивым и ярким вещам, способность к литературе и языкам, а по личностным данным — эмоциональную восприимчивость, склонность к подражанию, высокую активность, но слабую дисциплинированность. Ему несвойственна и застенчивость, способность давать беспристрастную оценку собственным действиям — напротив, у него высокая самооценка. Большая сила нервных процессов, гарантирует устойчивость при значительных нагрузках, преобладающее возбуждение обеспечивает повышенную реактивность, быстрое «переключение» при изменившихся обстоятельствах, в том ему помощник — подвижное торможение. А устойчивость возбудительного процесса свидетельствует о том, что если человек и способен скоро отреагировать на смену ситуаций, то действовать он будет все же в соответствии со своими укоренившимися представлениями и привычками (то есть если он способен изменить другим, то самому себе изменяет редко).

Каким же специальностям не повредит «своеобразие» этого типа, а его достоинства будут на пользу?

Что для возбудимых «художников» вообще характерно влечение к искусству, это понятно. И если вдуматься, то некоторые свойства, которые не назовешь похвальными, начинают «работать на дело», когда искус-

— Греческая
... как пере
... создает обра
... утрированно
... вечно со
... вностях ак
... искусств
... Но в весь
... исследователи в
... искусств
... так и у
... (последних
... Однако не в
... можно и нужно
... класса специали
... себя «как на с
... И, наверно
... исполнении служ
... искусства, каж
... Важно дру
... временно при
... мочь им найт
... способности. Они
... стороны восп
... логических о
... жен зримый
... ности. Они с
... как никому
... устойчивость
... Ну и коне
... мени дава
... ствовать с
... А в ра
... Если опят
... ствующие
... снабжен
... имущест
... дитор, р
... рик, фи
... След
... в табли
... мозимь
... вроде
9*

ство — профессия (писатель, художник, артист). К примеру, переменчивость. Не она ли лежит в основе такого свойства, как перевоплощение? Оно же необходимо всем, кто создает образы — словесные, живописные, зримые. Или утрированная самооценка. Вы можете себе представить вечно сомневающегося в собственной правоте, возможностях актера? Нет, конечно, настоящим приверженцам искусства не чуждо сомнение, минуты отчаяния даже. Но в весьма умеренных дозах. Ворошиловградские исследователи встречали среди обследованных работников искусства как «сомневающихся» в собственных данных, так и уверенных в собственной непревзойденности (последних оказалось гораздо больше).

Однако не всем же представителям этого 32-го типа можно и нужно ориентироваться на мир искусства. Есть масса специальностей, где человек может чувствовать себя «как на сцене».

И, наверное, случаев «разыгрывания роли» при исполнении служебных обязанностей, далеких от области искусства, каждый сможет привести немало.

Важно другое. Ребят с этим типом необходимо непременно привлекать к школьной самодеятельности, помочь им найти возможность «опубликовать» свои способности. Они нуждаются в очень серьезном внимании со стороны воспитателей, тем более что в силу своих типологических особенностей они трудновоспитуемы. Им нужен зримый пример авторитетного педагога, яркой личности. Они склонны к подражанию, а не к анализу! Им, как никому другому, необходимы уроки нравственной устойчивости, способности сопротивляться соблазнам. Ну и конечно, как уже говорилось, надо время от времени давать им возможность «покрасоваться», почувствовать себя «на высоте».

А в работе они могут проявить себя вполне успешно. Если опять же специальности себе изберут соответствующие. К примеру: секретарь-машинистка, диспетчер, снабженец, работник сферы обслуживания (работа প্রশна, экспедитор, радист (и оператор, и техник). Реже геолог, историк, филолог.

Следующий рассказ — о двух типах, обозначенных в таблице под № 23 и № 24. Сильные, смешанные, торимые, с устойчивым инертным возбуждением. 24-й вроде бы схож с вышеназванным 32-м по подвижности

основных нервных процессов. Однако смотрите, как меняет всю картину соотношение сигнальных систем и преобладающее торможение. Люди этих двух, 23-го и 24-го, типов склонны соблюдать принятый порядок, дисциплинированы, постоянны, справедливы. Они в различной степени, но все подозрительны, щепетильны в мелочах. Они обычно не сливаются со средой, а стоят в сторонке, как бы для того, чтобы замечать недостатки. Они хорошо исполняют обязанности контролеров, учетчиков, ревизоров, бухгалтеров. Различие их между собой заключается по преимуществу в том, что один из них — 24-й — будет стремиться к руководству людьми в любой форме: административной, ревизорской. А другой будет поглощен доскональностью и тщательностью отшлифовки собственных и чужих работ. У 24-го возбуждение устойчиво, но торможение подвижно — значит, ему будет не хватать «буквоедства», а у 23-го торможение инертно — это при том, что оно и так превалирует. У такого комар мимо глаз не проскочит. Любую бумажку, прежде чем подписать, он изучит, только что на зуб не попробует. С людьми сходиться ему сложнее. Отчеты, архивы, циркуляры — его стихия. А кроме этого, «точные» специальности: метеорология, микробиология, ихтиология, ветеринария, гематология, рентгенология. И еще два конкретных дела — работа путевого обходчика и лесника.

«Тормозимые» в школьные годы обычно являются предметом удивления для сверстников и спокойного безразличия для наставников. Молчаливые, чужающиеся шумных ребячьих игр и развлечений, они поражают своей добросовестностью без какого-либо нажима со стороны. Нередко учителя даже не запоминают этих своих воспитанников: были — не были. Но если кто-то попытается заставить их преступить через выработанные нормы и привычки поведения и отношений, то натолкнется на несокрушимое сопротивление, тем более огорчительное, что «бунтарь» будет защищен броней спокойствия и немногословия. Приятеля и педагога, однажды заставившего разочароваться в себе, они уже будут держать холодной вежливостью на почтительном расстоянии. Не то что названный 32-й тип, который обманывается на счет других часто и горюет по этому поводу недолго...

Обладает заметными достоинствами тип под № 20.

Ворошиловградцы прозвали его «администратором». Вы помните, конечно, что по классификации этих исследователей именно равновесие сигнальных систем больше соответствует требованиям, предъявляемым к административной и организаторской деятельности. По-видимому, в этом утверждении есть свой резон: ведь тому, кто возглавляет коллектив, нужно иметь достаточно развитую способность общаться и с людьми эмоциональными, и с теми, кто «чувства поверяет алгеброй», и понимать их одинаково хорошо. Он должен быть искусным слушателем и оратором, немного юристом, немного артистом, практичным, хозяйственным и умеющим подняться над довлеющей силой будней мечтателем. Кроме этого, он должен быть инициативен — это обеспечивается преобладающим возбуждением. И в то же время в известной доле консервативен, иначе его будет увлекать каждая новая идея, предложение, ему же важно не только начать дело, но и довести его до конца. В этом ему поспособствует устойчивое (инертное) возбуждение. Чтобы он не увяз в частностях и мелочах, в старых приемах и принципах, ему в помощь дано подвижное торможение: пропала надобность в инструкции — оно «срабатывает», и то, что вчера было нормой, нынче пересмотрено и упразднено.

Любопытную закономерность обнаружили ворошиловградцы: этот тип в школе не проявляет особой активной деятельности. Может быть, потому, что возможность «руководить» в стенах школы весьма ограничена контролем воспитателей и учителей? Интересно бы проверить, каков авторитет и поведение этих ребят вне класса. Почему-то думается, что это именно они становятся «некоронованными королями» площадок, улиц, районов. Однако при аттестации, как мы знаем, педагоги фиксируют только официально одобренную и признанную полезной деятельность своих воспитанников.

Несколько лет назад я познакомилась с капитаном СРТ (среднего рыболовного траулера), промышляющего рыбу в Атлантике. (Называть его фамилию не хочу: он не любит лишнего шума вокруг его персоны.) Молодой эстонец, будем звать его Андрей, поразил меня тогда необыкновенной самостоятельностью суждений, четким представлением о своих возможностях. К самому себе он относился очень серьезно и ответственно и поэтому выдержал немало испытаний: опасностями профес-

сии, болезнью и... одним из самых трудных — властью. В 21 год Андрей первый раз вышел в море «за главного» на судне. Как он объяснял: «Вышел случай на один рейс заменить капитана». Представьте себе юношу, который командует людьми старше себя и, наверное, опытнее. От его знаний, умения и удачливости зависит работа, зарплата и даже жизнь рыбаков. Легко закружиться даже зрелой голове от такой власти или испугаться такой ответственности. Можно молодому капитану занестись, показывая «свой стиль», а можно потихоньку проползти в кильватере у опытных моряков. Андрей не позволил себе этих крайностей. Он слушал, что говорят его подчиненные, смотрел, как действуют другие капитаны, и выводил свою формулу поведения, в которой всегда присутствовал свой внутренний голос, собственное чутье. Став капитаном, он помнил, каково ему было, когда он сам носил матросскую робу, и относился к рыбакам так, как он того хотел, будучи на их месте.

Поведение молодого капитана отметили и оценили. И уже с 25 лет у него своя «посудина» и все тот же стиль: без ругани, высокомерия и несправедливостей. Как он объяснил, это и значит быть самим собой — из всех возможных вариантов поведения выбирать наиболее человеческий.

Поразила меня тогда и сама манера говорить: ни одного лишнего слова. Он так высказал свое отношение к профессиональному и должностному росту:

— Человек не должен желать больше своих возможностей. Вот пример. Матрос хорошо работает, я его назначаю старшим матросом. Он работает еще лучше, ставлю его боцманом. Новое назначение он уже принимает как должное и ждет очередного повышения. Но его нет. Боцман в недоумении и обиде на меня. А я вижу, что для штурмана у него ни знаний, ни культуры общения и других, чисто человеческих, данных нет. Если бы он умел реально оценивать свои возможности, то он не переживал бы из-за того, что не продвинулся дальше, а был бы счастлив, что достиг возможного, и делал бы свое дело с радостью. Это я, конечно, к примеру моряка привел, такая ситуация возможна где угодно.

Это воззрение в ту пору меня крайне озадачило.

— А как же быть с дерзанием? Значит, долой риск, да здравствует умеренность и аккуратность?

— И
за само
— А
не удерж
— П
давно п
судно: к
труда л
была и
Это
с одной
ционали
Андр
— Я
меня на
то буду
телю та
лы для
ряться
я любл
ловеком
«Чел
помню,
Эти
теля —
Для то
должен
му слов
воспро
водство
и немн
до име
суть д
вообще
О
щитит
и даж
лет н
психо
века.
1 О
и обсто

— Нет, — возразил Андрей. — Я за самопознание, за самокритичность.

— А какое место определило вам ваше сознание? — не удержалась я.

— Пока то самое, на котором я нахожусь. Мне недавно предложили повышение — перевод на большое судно: команда около сотни человек, техника, условия труда лучше. Я отказался. Кроме всяких иных причин, была и эта: там я меньше соответствовал бы...

Это была мысль, которая могла смутить хоть кого: с одной стороны, он прав, а с другой — уж очень рационалистично, без полета.

Андрей решил прийти мне на помощь.

— Я хорошо представляю себе работу, на которую меня направляют. И знаю, что если приму предложение, то буду «вырабатываться» весь. А человеку и руководителю так нельзя. Нужно, чтобы оставались время и силы для своей внутренней жизни. У него не должен теряться вкус к книгам, искусству, размышлениям — я люблю мыслить (!!!) — ко всему, что делает его человеком, а не рабочим механизмом.

«Человек должен желать не больше, а лучше», — помню, сказал он мне тогда.

Эти его рассуждения порождены работой руководителя — человека, возглавляющего коллектив людей. Для того чтобы успешно выполнять свое назначение, он должен быть внутренне «оснащен» по самому последнему слову науки, этики и эстетики. А для расширенного воспроизводства духовных сил, расходуемых на руководство, для того чтобы быть не только «на уровне», но и немного впереди подчиненных, ему действительно надо иметь время и силы для самого себя. В этом главная суть деятельности современного руководителя (как и вообще интеллигентного человека, впрочем)¹.

О том, что мне не удалось этими объяснениями защитить Андрея от обвинений в излишнем рационализме и даже эгоизме, я уже говорила. Но тогда, несколько лет назад, я еще не была вооружена утвержденным психологами понятием «потолка» в возможностях человека. Нам ведь всем очень хочется верить, что силы

¹ О свойствах и качествах руководителя велась длительная и обстоятельная дискуссия в «Литературной газете».

человека беспредельны. Ученые лишают нас этой сла-
достнейшей из иллюзий.

Эти воспоминания об одном из героев старого очер-
ка возникли по самому конкретному поводу: таким мне
видится оптимальный вариант руководителя производ-
ственного коллектива любого направления. Сейчас воз-
водят в первостатейный ранг значение организаторов и
управленцев, выделяют их в особую профессиональную
группу. В этом есть большой полезный смысл: количе-
ство людей, занятых в сфере управления, растет неверо-
ятно быстро, и от их деятельности зависит материаль-
ное и духовное благополучие миллионов людей. Поэто-
му они больше, чем кто-либо, должны соответствовать
предъявляемым им требованиям: в типологической осно-
ве, в уровне знаний производства и принципов руковод-
ства данной отраслью и, конечно, в личных качествах.
А среди них самое первейшее — честная, трезвая са-
мооценка, как у молодого капитана.

Вот почему в определении сферы приложения при-
родных возможностей для человека с типом ВНД № 20
равнозначную ценность с «цифровыми показателями»
приобретает личностная характеристика. Масштаб на-
грузки зависит от общей силы нервных процессов. Раз-
мах и направление деятельности — от уровня развития
сигнальных систем и интеллекта. А поручать ли ему
управление людьми и их судьбами или ограничить это
воздействие, должно решаться в зависимости от таких
качеств, как способность к анализу и самоанализу,
здравый смысл, гибкость и самостоятельность интел-
лекта, последовательность суждений, чувство долга, так-
та, меры, альтруизм, внутренняя мобилизованность и
ответственность, преданность делу и друзьям, патрио-
тизм, коллективизм, угрызания совести и даже чувство
юмора. А кроме того, ему необходимы принципиаль-
ность, решительность, дисциплинированность, справедли-
вость, мужество, бескорыстие, сдержанность, сочувствие,
гибкость, великодушие, вежливость, щедрость, честность,
трудолюбие, активность, энергичность, искренность и
вообще богатство чувств, их глубина и устойчивость.

Многих отпугнет эта пирамида положительных чело-
веческих качеств. Но вдумайтесь в них внимательнее, и
вы поймете, что без многих из них нет и не может быть
педагога, молодежного вожака, комсомольского активи-
ста, производственного и научного руководителя.

Давайте рассмотрим еще один тип ВНД — № 1. По всем данным он совмещает в себе преимущества: типологические, личностные, образовательные. Кажется бы, вот он — лучший вариант, выведенный природой.

Тип этот отличается согласованностью всех реакций, форм поведения, действий, речи — и все это полностью подчинено мыслительной деятельности, как аттестует его профессор Первомайский. При высоком уровне интеллекта это человек дела, широкого размаха и разумной аккуратности. Везде находит работу и извлекает из нее пользу. Обычно хорошо знает людей, видит их недостатки. Слабым помогает. Против сильных, но неутомимых «делег» выступает категорично и открыто. Подъем и спады настроения одинаковы по своей выраженности. Смелость сочетается с осмотрительностью и осторожностью, инициатива с выдержкой, настойчивость с уступчивостью, склонность к риску соседствует с умением подчиниться.

Вы уже, наверное, поняли природу такого совмещения разных свойств и качеств: уравновешенность основных нервных процессов и их подвижность обеспечивают ему эту гибкость, пластичность характера. Что же касается преобладания второй сигнальной системы, то она помогает ему очень четко и быстро ориентироваться в системе человеческих отношений, в требованиях, предъявляемых обстановкой, поэтому он легко сходится с людьми самого разного уровня и взглядов. Однако может так же легко с ними расстаться. Враг косности, он всегда «современен», подхватывает все новинки. Под влиянием среды он меняет не только галстуки и фасоны брюк, но и установки, привычки и даже взгляды. Обладает высоким уровнем «дипломатии», свои недостатки удачно скрывает, а положительные стороны умело и ненавязчиво выставляет на передний план. Легко соблюдает общественные нормы поведения, бывает хорошим другом и семьянином... Но только до той поры, пока дружба и любовь не вступят в противоречие с задуманными им «большими целями».

В каких же профессиях все эти свойства найдут наилучшее применение? Дипломат, психолог, инженер творческого направления, адвокат, математик, преподаватель естественнонаучных дисциплин, врач-психиатр, литературовед, редактор, управделами, профсоюзный деятель, сотрудник органов социального обеспечения и

страхования, коммерческий работник, экономист, рабочий в экспериментальном цехе, техник-смотритель, военный представитель на предприятии, репетитор-консультант — вот палитра этого типа. Здесь, как и прежде, огромную роль для определения профессионального соответствия играют «цифровые показатели», уровень интеллекта, образования и культуры. И в особую графу можно выделить здесь направленность личности. От нее зависит, превратится ли дипломатия в хамелеонство, быстрое приспособление к условиям и требованиям среды — в приспособленчество как таковое, умение преодолеть устаревшие привязанности — в искусство предательства и т. п. Более того, представитель этого типа ВНД, наделенный такими качествами, как эгоизм, себялюбие, корысть и беспринципность, может превратиться в искуснейшего из мошенников, профессионального афериста. Но это уже, как говорится, издержки типа и воспитания.

Здесь я рассказала о том, какие свойства обнаруживают некоторые типы ВНД и в каком сочетании с социальными качествами эти свойства служат предпосылкой для успешного овладения полезными профессиями, а в каком вызывают нежелательные отклонения. Хочу еще раз обратить ваше внимание на то, что мы рассматривали только психофизиологические предпосылки к деятельности, а будет ли эта деятельность успешна и насколько — зависит от множества факторов, которые нуждаются в особом анализе, что не входит в тему нашего разговора.

Для того чтобы любая теоретическая разработка стала практикой, кроме иных прочих условий, надо, чтобы ученым поверили. Доверие же завоевывается трудно! Ведь не поверила им школьница Наташа Т. (Не доверяют до сих пор и многие солидные люди, от чьего мнения зависят дальнейшие работы экспериментаторов.)

«ВОТУМ ДОВЕРИЯ»

Я попыталась мысленно представить себя на месте нынешних десятиклассников: как бы я реагировала на рекомендации врачей, если бы они не совпадали с моими желаниями?

Помню, перед десятым классом ни у меня, ни у моих одноклассников не было никаких сомнений относительно моего будущего: театр ждал меня, а я несколько лет посвятила подготовке к артистическому поприщу. Занималась у специалистов постановкой голоса, отработкой дикции, хореографией, меняла пайку хлеба на билеты в театр и филармонию. Зачитывалась трудами теоретиков сценического искусства. В школе выступала и в оперных постановках (как я уже говорила, в нашей школе ставились отрывки из опер, сцены из балетов, водевили Чехова, инсценировались произведения Толстого; и все это в голодные военные и послевоенные годы). Я не упускала малейшей возможности участвовать в любом из представлений, в любой роли: старухи Мерчуткиной, персиянки, «певицы за сценой» и... Наташи Ростовской. Скажи мне в момент расцвета «славы» моей, что сцена не мое дело, что мне лучше любить искусство из зрительного зала, размышлять о нем, — никому бы я не поверила.

Уступила я тогда уговорам своих родственников-актеров не начинать свою «взрослую» жизнь с подмостков. Согласилась на отсрочку свидания с Мельпоменой, пошла на филологический факультет университета. Однако ни на секунду не думала, что приму назначение на учительскую работу; изучать литературу — с удовольствием, но, помилуйте, какой из меня педагог, когда я знаю, что это за проклятье — обучать таких «головорезов и неслухов», какими были мы. Да и тяготения к этой профессии у меня никакого нет, и ученики меня никогда слушать не станут. Так бы я ответила тем, кто попытался бы мое внимание направить на учительскую стезю. (Теперь могу признаться, что у меня как раз тип ВНД, подходящий для работы педагогом и журналистом.) Так вот, на педагогической практике я вдруг обнаружила у себя и интерес к преподаванию, и даже какие-то, бог весть откуда взявшиеся способности к этому делу. А потом было недолгое время работы в школе, которое я вспоминаю по прошествии многих лет как лучшее в моей жизни. И когда обстоятельства принудили меня «переквалифицироваться», я не забыла ни на день своей первой «службы» и все кружила во круг школы в своих журналистских выступлениях. И к проблеме профорientации пришла через эту привязанность к школьной жизни, к ребячьим заботам.

Мне повезло: случай и родственники-профессионалы отвели меня от большой беды. Мне не пришлось заниматься деятельностью, для которой я не создана. И не было бы у меня даже такого малого утешения, какое бывает у многих, влезших не в свои сани: а, подумаешь, тоже мне специальность, захочу — выше взлечу! Случай привел меня к журналистике, в которой я смогла реализовать оба моих увлечения, хотя несколько опосредованным способом. И все же я хочу вернуться к тому вопросу, ради которого привела в пример собственную судьбу: послушалась бы я консультантов, если бы они в выпускном классе посоветовали мне заняться учительской или журналистской деятельностью? Уверена, что нет. Почему? Да потому, что при всей серьезной подготовке к избранной профессии я не знала самого главного — собственных данных, вернее, я ошибалась, приняв склонность за жизненное призвание¹. Но ведь в начале книги я приводила формулировку научно обоснованной профориентации: процесс, заканчивающийся осознанным выбором специальности. О какой же осознанности можно говорить, если человек не знает сам себя, собственных возможностей, а следует лишь голосу влечения? Оно же, как знает большинство взрослых, бывает обманчиво, как мираж в пустыне. Обманывались на мой счет и учителя, и друзья, и однокашники по самодеятельной студии. Я в этом теперь решительно убеждена, и не только потому, что меня «вычислили» ворошиловградцы, а потому, что все-таки попробовала я играть в профессиональном коллективе. Хотя и не узнала горечи неудачи, все же поняла: не то, могу «изображать», но не перевоплощаться. Не было внутреннего освобождения от собственного контроля, растворения в образе. То, что было хорошо для школьной самодеятельности, никуда не годилось для профессионала.

Хочу обратить ваше внимание еще на одну каверзную подробность. Многие исследователи психофизиологической основы одаренности настаивают на том, что

¹ Желание, влечение, интерес — это еще не способность, а всего лишь склонность, утверждают ученые. Способность же есть достижение высоких результатов при меньших усилиях (в сравнении с другими людьми). Способность, ставшая единственной и непреодолимой страстью, выверенная личными возможностями, есть призвание.

способн
форм
способн
незамет
шенно
математ
лаха, м
бравше
Точн

дети-ву
потом у
постоян
обычно
ном да

Что
мендац
ваясь к
жизнь
дя на
Один с
нил себ
пиадах
личестве
точным
однако
ожидат
устойчи
он в в
циальн
на ест
ся... Не
рея, во
втором
служб
нрав. С
и осно

Дру
доволь
обнап
ке
П
фе
об.
Пр

способность не только проявляется в деятельности, но и формируется в ней же. Иные ученые уверяют, что способность может формироваться подспудно, иногда незаметно для самого человека и обнаружиться совершенно случайно. Так, к примеру, внезапно выявились математические способности у почти неграмотного феллаха, музыкальные данные у колхозника, никогда не бравшего в руки гармошку.

Точно так же нам известны многие случаи, когда дети-вундеркинды, поражавшие своей одаренностью, потом утрачивали свою исключительность, несмотря на постоянные упражнения, и превращались во вполне обыкновенных работников, «забывших» о своем чудесном даре.

Что же происходит с теми, кто не принимает рекомендаций и советов, кто идет напролом, не прислушиваясь к предостережениям? На моих глазах протекает жизнь нескольких таких молодых людей. Иной раз, глядя на них, становится досадно: ведь говорили же им!.. Один способный к физике и математике ученик возмнил себя будущим Ландау. Победы на районных олимпиадах укрепили его в этом убеждении. А тип и «количественные показатели» настораживали: нет, занятия точными науками ему отнюдь не были противопоказаны, однако выдающихся достижений вряд ли можно было ожидать. И кроме того, для теоретика ему недоставало устойчивого торможения. Предупредили его, чтобы шел он в вуз, где изучается практическая инженерная специальность. И слушать не захотел: только самый что ни на есть физический, теоретический институт! Засыпался... Не поверил результатам экзаменов: дескать, лотерея, вот я в другой вуз. Едва-едва туда попал, а на втором курсе «отчислен за неуспеваемость». Два года службы в армии несколько остудили самоуверенный нрав. Он уже говорит, что работать надо будет много и основательно.

Другой парень. Кстати, приятель первого. Учился довольно ровно по всем предметам. Очевидные успехи обнаружил в истории. Превосходный педагог по физике сумела разжечь его интерес к своему предмету. Под давлением мамы решил получить инженерную профессию, хотя тип его указывал, что лучше ему заняться общественными науками. Занимался с репетиторами. Прошел по конкурсу в намеченный вуз. И... тоже был

отчислен. Перешел в другой, снова по той же технической линии. Но и теперь успешнее сдает экзамены по общественным дисциплинам. Член факультетского бюро комсомола, общественник.

Как видите, и консультация со специалистом не гарантирует от ошибок. Почему? Да потому что ни один из обследованных ребят толком не разобрался в самом себе, в собственных возможностях. Как же и что нам нужно сделать, чтобы встретиться с теми, кто придет к нам на помощь в определении нашей судьбы, не в качестве слепцов, вопрошающих оракула, а в качестве достойных сооткрывателей собственного назначения?

На эту тему мы и поговорим в следующей главе.

«В
сущес
ществ
шись
и ана
вател
позна
чувств
щими

Со
ной к
«Позн
воспо
до бы
копит
ствен
дей к

В
с отк
и бес
от на
лени
спосо
чина
как
нова
ции:
мал
сти
кра
обс
жан

Ориентирование на самовоспитание

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ

«В чём заключается благо для какого-то ни было существа? В исполнении его цели. В чем же цель существа? Просто в развитии его природы... Познакомившись с человеческой природой посредством наблюдения и анализа, можно вывести отсюда его цель... Все, следовательно, сводится к познанию человека, но к полному познанию его, особенно к знакомству с его свойствами, чувствами, наклонностями, присущими ему и отличающими его от животных»¹.

Со времени возникновения человеческой мыслительной культуры мудрецы всех народов взывают к людям: «Познайте самих себя — и вы познаете мир». Но чтобы воспользоваться этим мудрым советом, человечеству надо было пройти долгий и непростой путь. Надо было накопить разнообразные и достоверные сведения в естественных и общественных науках, чтобы подвести людей к порогу самоизучения.

Введение в эту область сопряжено для нас нередко с отказом от сладостных фантазий. Сурового реализма и беспристрастия к собственной персоне требуют теперь от нас ученые, чтобы возвести в точную науку определение личностных особенностей и профессиональных способностей. И, может, здесь сокрыта еще одна причина того, что люди не спешат навстречу этим знаниям, как бы опасаясь разочарований. Мне запомнились взволнованные слова одной из «пациенток» профконсультации: «Прежде все мои промахи и неудачи я воспринимала как случайное стечение обстоятельств. Мои слабости и недостатки известны только мне, — так, по крайней мере, я надеялась. А с введением подобных обследований не останется же ничего тайного для окружающих. Придется оставить и утешительную надежду

¹ И. И. Мечников, Этюды оптимизма. Изд-во АН СССР, 1936, стр. 207.

на то, что нынешняя оплошность — всего лишь очередная случайность. Знать, что в определенных обстоятельствах твоя натура тебя снова подведет? Не хочу! Пусть лучше каждый раз неожиданность, обвал, и нужно выкарабкиваться, изобретая способы собственного спасения, чем знать место, на котором ты не выплывешь. Человеку свойственно ошибаться. Так зачем лишать его этого свойства?»

Герберт Уэллс писал в своей книге «Павлов и Фрейд»:

«...В течение тысячелетий человечество учили рассматривать психику, или «душу», как какой-то сверхъестественный феномен, нуждающийся во внеприродном, вненаучном объяснении... Таинственный и мистический подход к психике глубоко затаился в нас и нелегко искореняется. Окончательное доказательство того, что психика есть функция мозга, представляет величайший вклад науки о высшей нервной деятельности. В то же время такое доказательство является горькой пилюлей, ибо устраняет последнее убежище теории исключительности человека по отношению к господствующему причинному детерминированию природного закона. Правда, эта наука никоим образом не завершена. Тем не менее она достаточно продвинулась, чтобы показать раз и навсегда истинность монистической марксистской позиции.

Полное принятие науки о высшей нервной деятельности повлекло бы за собой превращение не только психологии и психиатрии в зрелые науки, но в конечном счете и преобразование мышления всех людей без исключения»¹.

И современные психологи, психиатры утверждают, что мы обретем истинную власть и свободу в собственной судьбе, когда поймем, как работает мозг, научимся контролировать свою деятельность. Если мы узнаем, «...как мы эволюционировали в нашем познании материальных сил, мы сможем — путем соединения новой технологии с интеллектом — эволюционировать в нашем познании психического мира человека. Человек когда-то использовал свой интеллект, чтобы добиться своего экологического освобождения, то есть чтобы он не мок при дожде, не зяб после заката солнца, не становился жерт-

¹ Г. Уэллс, Павлов и Фрейд. М., изд-во «Иностранная литература», 1959, стр. 602—603.

вой голодных хищников. Теперь он может добиться и своего психического освобождения. Через познание мозга мозг сам может научиться разумно перестраивать, реконструировать свою структуру, свои функции... контролировать деятельность»¹. Так оптимистически провозглашает свое кредо профессор Йельского университета, доктор Хосе Дельгадо, специалист по управлению и регулировке некоторых человеческих эмоций и аномальных проявлений психики. Он, как его аттестует корреспондент «Нью-Йорк таймс мэгэзин», страстный провозвестник «психоцивилизованного» общества, члены которого будут воздействовать на собственные мозговые функции и изменять их для создания «более счастливого, менее агрессивного, более сбалансированного человека».

А специалисты из Института экспериментальной медицины АМН СССР, прежде всего В. М. Смирнов, создали уже карты мозговой организации эмоций.

Наука протягивает человеку руку доброй помощи. Но плодотворность этого союза возможна лишь тогда, когда человек сам будет прилагать усилия для собственного усовершенствования.

Совершенствоваться — отнюдь не значит перекраиваться наново. В результате наших усилий по самовоспитанию мы станем более сложенными и гармоничными, как обещает Дельгадо, однако в пределах и в структуре типа, как уточняет Первомайский. То есть, если уж вы безудержный, то не до крайности. Если меланхолик, то, сохраняя грусть и сомнение как отличительную черту, не позволяйте им ввергнуть себя в отчаяние и скепсис.

Итак, каждому надо освоить достижения науки о нас самих для того, чтобы самим в результате этого знания измениться. О том, как в последнее время выросло тяготение к научному самоисследованию, свидетельствует популярность книг, статей по психологии, конкурсы на специальных факультетах. В этом году «Комсомольская правда» открыла рубрику «Наедине с собой» и объяснила это нововведение тем огромным интересом, который проявляет молодежь ко всему, что касается «само» — самосознания, самовоспитания и т. п. Юноши и девушки просят помощи и советов, как изучить свою натуру и научиться ею управлять. Ведь узнавание посредством

¹ «Литературная газета», 1971, 17 марта.

долгого и небезопасного опыта дает запоздалые и иногда уже бесполезные плоды.

Мне вспоминается рассказ одного моего коллеги. Студентом третьего курса он добровольцем ушел на фронт. Его назначили политруком роты. До того как он попал на передовую, особо не задумывался: храбрый он человек или нет. По крайней мере, не было у него и оснований считать себя робким. А при первом залпе артиллерийского обстрела безудержно тошнотворное чувство страха бросило его на дно окопа. На глазах у солдат политрук лежал, сжавшись в комок, закрыв голову руками. Дикий крик разрывал горло. Когда огонь прекратился, он встал и увидел на лицах бойцов нескрываемое чувство жалости и даже презрения. Политрук понял: или он задавит в себе этот страх, или... Другого «или» не было. Но при следующих залпах все повторилось сначала. Уйдя в землянку, он плакал, проклинал и ненавидел себя. Потом принял решение: если еще раз обнаружит слабость — пустит себе пулю в лоб. Так, с пистолетом в руке, со взведенным курком он простоял под долгим обстрелом. Старый солдат, наблюдавший за ним, сказал после: «Теперь пусть они тебя боятся».

Вот порой как тяжело дается нам открытие какой-то из сторон характера. Само собой, это чрезвычайная ситуация и редкостный случай. Однако особо сильные черты и свойства для выявления требуют и соответствующих обстоятельств. А обычные наши качества? Так ли уж точно мы представляем, как поведем себя в конкретной обстановке?

Для основательной самооценки нам прежде всего необходима определенная внутренняя мера. Она зависит от высоты и значимости избранного идеала, линии поведения. Однако каждое общество предъявляет своему члену неперемennые требования: нравственные, мировоззренческие, образовательные и прочие. И чем выше организация общества, тем выше уровень его требований. У современного поколения советских людей таким мерилом является моральный кодекс строителей коммунизма, по которому оцениваются, выверяются поступки.

Познать самого себя — это лишь первый шаг. А за ним следует еще один необходимый и наиважнейший шаг — уметь управлять собой. Вспомним пушкинское «Учитесь властвовать собой». Ведь просто знание не

имеет
ведь
свой
имена
добр
физи
что в
учные
научн
щему
прав
трудо
нико
ния
неспо
собст
нива
алко
упое
дейст
щее
здал
всяк
«
в то
Это
лиш
себя
разв
дени
ната
пита
ма
нет
сам
ная
себ
при
соз
вит
в т
вре
чес
10*

имеет абсолютной положительной силы. Может быть, ведь и так, что «знающий» охотно осознает и признает свои недостатки и пороки, называет все вещи своими именами и в этой самокритичности находит высшую добродетель. Что дадут такому человеку новые знания физиологии мозга и социальной типологии? Только то, что в свой перечень недостатков он будет вводить научные термины? И трудно сказать, что здесь делать научному консультанту. Ведь непонимающему, незнающему, можно рассказать, объяснить. А коли человек все правильно понимает, оценивает, но не хочет приложить труда для самосовершенствования? Насильно к этому никого сподвигнуть нельзя: дело это от высокого сознания и долга сердца идущее. Хотя, впрочем, подобную неспособность и нежелание исправлять дурные свойства собственной натуры, наверное, в будущем будут расценивать как своеобразное заболевание, вроде отравления алкоголем, что ли. Ведь это то же самоотравление — упоение своими недостатками. И самокритичность без действия не что иное, как самодовольство, только строящее скорбную мину: что делать, природа нас такими создала, вы и любите нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит.

«Механика» воспитания срабатывает успешно только в том случае, если оно действует через самовоспитание. Это положение давно считается аксиомой. Добавим лишь, что человек сам должен быть строителем самого себя, сам действовать активно — изменять свою натуру, развивать и расширять свои способности, закалять убеждения. Иначе говоря, на эти самодействия его должен наталкивать не только целенаправленный процесс воспитания, но и его внутреннее «я», его внутренняя система самоуправления. Когда стремление к лучшему станет естественным состоянием души, а целенаправленное самовоспитание такой же нормой, как нынче элементарная гигиена тела, тогда, между прочим, образованным себялюбам просто ничего не останется, как употребить приобретенные знания на пользу людям.

Программа развития нашего общества предполагает создание условий для всестороннего и гармоничного развития каждого. В этом, как известно, наша цель и в то же время предпосылка прогресса. Но уже в наше время необычайно расширились возможности для творческого проявления личности. Благодаря историческим

социальным завоеваниям каждому члену общества предоставлены равные возможности для творческого труда и образования, каждому гарантируется свободный выбор занятий и специальности с учетом интересов общества. По мере сокращения времени на материальное производство расширяются возможности для развития способностей в разных сферах общественной жизни. Эти объективные условия являются той почвой, на которой рождается гармоничная личность, то есть человек, добивающийся максимального развития собственных профессиональных, интеллектуальных, нравственных и физических возможностей и отдавший эти богатства на общее благо людей.

К ЧЕМУ СЕБЯ ГОТОВИТЬ?

Неоднократно задаем мы себе этот вопрос и, так же как наши педагоги и близкие, прежде всего имеем в виду какое-то определенное практическое занятие. Но, может, настало время, отвечая на этот вопрос, говорить, что готовиться надо прежде всего к работе над собой? (Как ни неудобоваримо звучат эти слова, в них очень важный смысл.)

На мой взгляд, именно в такой целевой установке секрет удивительного эффекта, которого достигал в своей педагогической деятельности В. А. Сухомлинский. Его главной заботой было — научить детей вглядываться в себя и окружающих людей, познавать себя в этом сложном мире, для того чтобы стать в нем полноправными хозяевами.

Наверное, нам сейчас нет надобности исследовать все приемы и методы самовоспитания. Да и немного мы можем еще сказать: тренировке таких качеств, к примеру, как память, воля, ученые посвящают многостраничные трактаты. Поэтому, не претендуя на всеобщность суждений, попробуем еще раз представить несколько схематичных ситуаций и возможностей самоподготовки подростка к будущей профессии.

Ситуация первая. Способности открыто заявляют о себе. Минералоги нередко узнают о залежах полезных руд по цветам, которые растут над земными кладами. Легкость в учении, труде — это тоже «цветы», которые обозначают «залегание руд» — способностей,

задатков к определенной деятельности. От каждого человека во многом зависит, сколько этих богатств поднимет он «на-гора». Ведь что греха таить, многие школьники радуются тому, что само в руки плывет, и не думают пополнять сосуд, из которого так легко черпается. «Легкий» предмет. На него порой затрачивают лишь перемену перед уроком: достаточно ведь одним глазом глянуть, как все понятно. И знаний хватает, чтобы получить хорошую оценку. «Жила», эксплуатируемая без разума и дальновидности, быстро истощается, скудеют ее запасы. А потом приходит недоумение и растерянность: «Куда исчезла блестящая в детстве зрительная память, куда пропала способность «ухватывать с лету» математические и физические формулы, сноровка в химических опытах или способность к языкам?»

Значит, важнейшее условие развития для одаренных ребят: разрабатывать глубоко, постоянно именно то, что не требует особых усилий, то, что дается как бы само собой. Дополнять врожденное целенаправленным трудом. Другое условие в данной ситуации — и для воспитанника, и для воспитателя одинаково необходимое — проникнуться чувством ответственности за талант, сознанием, что талант достояние не только одаренной личности, он — достояние народа. И, наконец, убеждением, что от того, как способности будут реализованы, может зависеть движение всех людей на пути прогресса. Ведь в нашем мире все теснейшим образом взаимосвязано, мы убеждаемся в этом ежечасно. Поэтому важнейшая мысль, которой должно быть озарено воспитание ребенка и которой он сам должен руководствоваться, — его особо высокая ответственность за общественную ценность, доверенную ему природой и выявленную людьми для общей пользы. Это тем более необходимо сознавать, что уж слишком часто приходится слышать и сталкиваться с теми, кого называют способными неудачниками, растратившими свои задатки на мелочные занятия и увлечения.

Ситуация вторая. Предмет, задание даются ученику с усилием, но таят в себе несомненное притяжение. Этот «магнетизм» тоже указывает на имеющееся препятствие, которому, впрочем, что-то мешает. Выяснить, почему тот или иной предмет, занятие даются с усилиями, — задача со многими неизвестными, но разрешимая. Предположим, ученику нелегко достается под-

готовка уроков по стереометрии. Мешать в освоении предмета может слабо развитое пространственное воображение или неумелое оперирование формулами, просчеты из-за невнимательности. Чтобы снять напряжение в занятиях интересующей дисциплиной, видимо, прежде всего нужно проверить уровень названных качеств и возможность их тренажа. И упражнять именно то, которое слабее развито. Аналогичные возможности и средства применяются и при занятиях другими предметами: обнаружить, вычленив мешающий фактор и либо найти ему замену, либо, если необходимое качество выражено недостаточно, но поддается тренировке, постараться развить его.

Ситуация третья. Ученику вовсе не по душе или не даются некоторые предметы, практические занятия. Не знаю, разделят ли мою точку зрения читатели, но считаю, что не обязательно человеку насиловать, подогрывать свои эмоции к нелюбимому делу. Как известно, кто любит все — не любит ничего. Избирательность в отношениях и увлечениях — естественное явление. Наверное, в таком случае лучше смотреть на это занятие, как на исполнение необходимой, хотя и неприятной, обязанности (вроде мытья посуды — нравится или нет, но от этого никуда не деться). Есть люди, и даже вполне солидные, которые из таких «необходимых зол» делают своего рода игру. Придумываются условия: если я сумею сделать такое-то задание к такому-то сроку — выигрываю фант. А в фанте может быть заключена возможность заняться чем-то приятным, на что не хватало времени.

Можно, конечно, воспользоваться такими занятиями и для тренировки каких-то качеств, полезных для избранной деятельности.

Предметная, теоретическая и практическая самоподготовка так или иначе контролируется и направляется педагогами, родителями. И первое, в чем взрослые здесь могут оказать помощь, — составление программы самообучения.

Но есть еще и нравственная направленность интересов. Она бывает скрыта не только от стороннего глаза, но порой неясна и нам самим. И здесь наиболее частая ошибка воспитателей в том, что они не наводят своих учеников на размышления, что больше притягивает в избранном деле: процесс труда, его зримый ре-

зультат
людей,
перспек
лах нар
и анкет
альност
этим
бинная
берут
А обсу
могло
готовке
носят
что да
Есл
говори
гие во
тересе
рый з
интере
В.
сообра
седьм
В кол
шить
кто из
и бо
Но н
эта у
с сам
самь
дове
что
слож
как
дум
мет
реш
под
ным

зультат, оценка сделанного — собственная, окружающих людей, — масштаб работы, популярность, выгодность, перспективность дела? Правда, в последнее время в школах наряду с темами сочинений «Кем быть?» появились анкеты на тему: «Чем тебе нравится избранная специальность?» Но позволю себе смелость уверять, что по этим анкетам пока еще не ведется длительная и глубинная разработка характера пристрастия, их не часто берут в основу дальнейшей воспитательной работы. А обсуждение со старшим этой сложнейшей задачи могло бы подростку сделать следующий шаг в самоподготовке: вычленить из круга увлечений те, которые приносят наибольшее удовлетворение. Лучший труд тот, что дает радость.

Если при оценке намеченного дела ученик не может говорить о страсти, увлечении, следует вычленить другие возможные причины притягательности. Скажем: интересен только процесс труда. Это, наверное, тоже добрый знак, преддверие увлеченности. Нужно только этот интерес вовремя подметить и развить.

В. А. Сухомлинский рассказывал: «Один из самых сообразительных моих воспитанников, Юрко, в пятом-седьмом классах считался незаурядным математиком. В коллективе сложилось мнение, что Юрко может решить любую задачу. Перед контрольными работами кое-кто из девочек «падал духом»; Юрко своей уверенностью и бодростью морально поддерживал слабосильных. Но никто из его товарищей не знал, на чем держалась эта уверенность и что переживал подросток наедине с самим собой. Он рассказал мне, что алгебра — это самый страшный для него предмет. «Я боюсь задач, — доверил мне свою тайну Юрко. — Но чтобы не думали, что я слабый, часами сижу над ними. Выбираю самые сложные и сижу, сижу... А на контрольную работу иду как на казнь. Делаю вид, что ничего не боюсь, чтоб так думали товарищи, особенно девочки. Если бы они заметили в моих глазах страх, они бы растерялись и не решились задач»¹.

Здесь мы видим ярчайший пример самовоспитания — подросток преодолевает свою натуру, чтобы быть сильным во имя товарищества.

Решительный шаг — от любимого школьного пред-

¹ В. А. Сухомлинский, Рождение гражданина, стр. 60—61.

мета к выбору будущего дела — дается с каждым годом все труднее. Обычно как он происходит, нам хорошо известно: сначала примеряются к себе эффектные профессии, вернее, те, про которые слышали, видели, читали. Потом, оценив все шансы, «спускаются этажом ниже», потом, выслушав опасения «бывалых» людей и старших товарищей, ищут, куда смогут «попасть», и т. д., и т. п. А потом, не пройдя по конкурсу, начинают подбирать работу. И ее тоже ищут порой по соображениям, далеким от собственных способностей.

Тот, кто серьезно будет заниматься самотворчеством, подойдет к этому выбору совсем иначе. Выявив круг интересов и их направленность, он станет постепенно и планомерно соотносываться с теми требованиями, которые предъявляют специальности, лежащие в сфере его пристрастий. Вот, скажем, знает про себя ученик, что больше всего ему удастся математика (берем здесь самое распространенное увлечение юношей). Особого блеска в занятиях он не достигает, но это дается легче всего. В упражнениях больше нравится процесс решения задач. Справился с заданием — и в том главная награда. Выявлены и физические возможности: работоспособен, но долгих перегрузок не выносит. Плохо реагирует на суету, в многолюдье теряется. Значит, надо искать свое место не в лабораториях, не на «шумном перекрестке науки», а в уединении, тиши кабинетов, библиотек. Память начинает «отбор» подобных специальностей: экономист-плановик, математик-программист, оператор на ЭВМ...

Выбрав профессию, приняв окончательное решение, необходимо выработать программу самоподготовки к избранному делу. В ней должно быть точно определено, какие из сторон натуры требуют доработки, шлифовки, углубления.

Мы не обманываемся на тот счет, что во многих случаях попробовать себя в намеченной специальности школьникам не удастся: сейчас все больше работ, которые требуют предварительного обучения и подготовки. Вроде бы получается замкнутый круг: для того чтобы определить свои профессиональные возможности, надо овладеть этой профессией. Однако, повторяем, «пробовать на зуб и трогать руками» необходимо тем, кто не владеет достаточно полными «теоретическими» знаниями о предмете и себе самом. Ведь будущий хирург не «про-

бует» себя заранее, летчик не сразу садится за штурвал самолета. Почти по всем распространенным профессиям люди уже высказались так или иначе в книгах, специальных ведомственных журналах, в газетах. Надо целенаправленно собирать эту информацию и «применять» к себе: это могу, это смогу, если подтянусь вот в этом, а это не по мне, не по силам. И особенно интересоваться описанием не праздников, а рабочих будней (у нас же чаще всего ориентация идет на «аплодисменты», а не на невидимые миру пот и мозоли). Вот, скажем, вечно привлекательные, манящие юношество профессии: путешественника, геолога, полярника, теперь и метеоролога. Что видит молодой человек, мнящий себя в качестве романтического завоевателя пустынь, гор, недр, льдов? Опасности, подстерегающие его на каждом шагу, преодоление тягот и невзгод и после всех героических усилий — восторги близких, слава, увековечение в «пароходах, строчках и делах». На поверку же оказывается, что самое трудное испытание — в отсутствии всех этих романтических атрибутов. Быт, который сразу начинает «заедать» фантазеров, и приобщение к нему — вот что требуется знать каждому, готовящему себя к подобным профессиям.

Значит, теоретическая подготовка к будущей работе предполагает не только накопление знаний о предмете труда, но и о его особенностях, условиях, негативных сторонах, чтобы избежать очень распространенной для молодых претендентов и даже некоторых специалистов фразы: «Нам этого не говорили». Неловко же, право, в наше время ссылаться на то, что другие не позаботились о твоём профессиональном багаже.

Естественно вытекает из этого периода подготовки и тот, который можно было бы назвать тренировочным. У нас теперь никого не удивит мальчишка, который упорно готовит себя в летчики или даже в космонавты. Мы с уважением и одобрением смотрим, как он прыгает с парашютом с вышки городского парка, как ежедневно делает зарядку по особой системе. Но убеждена, нас бы поразила такая упорная и целенаправленная подготовка к негероической профессии, скажем, сборщика радиоаппаратуры. А между тем она нелишняя. Мы уже знаем, какие требования к физиологии исполнителя предъявляет эта работа. Если эти сведения будут известны школьнику, который на нее нацелился, то ему

будет очень полезно проделывать упражнения для тренировки зрения, для развития чувствительности в кончиках пальцев, для исправления сутулости, если такая нажита, выпрямления позвоночника, для выработки устойчивого внимания, зрительной памяти. Полезно испытать себя на действии в определенном ритме и на заданное время. И тому подобные опыты и тренировки необходимы для того, чтобы овладение профессией произошло быстро и безболезненно.

Если же система тренировок убеждает, что избранное занятие идет вразрез с важными личностными и физическими качествами, то, видимо, надо искать себе применение в той же области, в данном примере — на производстве радио или телеприемников, но в ином качестве: контролера, испытателя, организатора производства, технолога.

А в уже названных «романтических» профессиях — странствующих, путешествующих людей, — кроме физической, интеллектуальной подготовки, наверное, надо бы применить и такие психологические испытания и пробы: насколько долго и легко удастся общаться с разными, непохожими на тебя людьми; насколько удастся стерпеть неприятные обстоятельства, неудачи. Наконец, насколько долго можешь выносить одиночество, извлекать интерес из общения с самим собой (умение это — обязательное качество для членов небольших замкнутых групп). Известно ведь, что иные из путешественников, попав в катастрофу, погибали не от физических невзгод, а теряли рассудок от одиночества. (Космонавтов, например, испытывают на такую способность.)

Подобный перечень психологических упражнений каждый может составить для себя в соответствии с характером будущей деятельности, в котором будут учтены и такие ее особенности: коллективная она или индивидуальная, артельная, конвейерная, творческая, исполнительская, требующая большого напряжения нервной системы или легкого возбуждения. Из предлагаемых психологами тестов, в том числе и ворошиловградского, можно составить индивидуальный свод и вести наблюдения: сколь сильно выражены «рабочие свойства», как хорошо поддаются тренировке и какими приемами.

Всем полезна в качестве «пробы себя» разнообразная общественная деятельность. С помощью пионерских, комсомольских поручений школьник определяет и про-

веряет свою способность подчинять свои интересы общим, «систему связи» с товарищами, способность общения, подверженность влияниям и, напротив, силу собственного воздействия, умение организовать, убедить словом и примером, разрешить конфликтную ситуацию, проконтролировать исполнение, умение вести денежные дела, отчетность и т. д.

Здесь мы не будем особо рассматривать прискорбные случаи, когда подросток не испытывает зова ни к какой области знаний и труда, не получил от природы никакого «аванса». Но только потому, что таких очень немного: где-то подобное явление граничит с болезнью. И все-таки нельзя их не принимать в расчет. Ученые предлагают таким ребятам подключиться в качестве помощников к тем, кто из сверстников или взрослых им наиболее интересен и кто серьезно и глубоко увлечен делом. Конечно, если такое занятие по физическим и умственным силам «неопределившегося», хотя и не вызывает у него влечения. Попробовать понять: что в этом деле притягательного, заманчивого для других, какие собственные качества способствуют, а какие мешают успешному овладению его секретами. Несколько таких проб помогут выбрать «предпочтительное занятие». И тогда совершенствование в нем может принести не меньшую радость, чем от роду избранная работа.

И еще, в заключение, одно общее положение. Современные пропагандисты аутотренинга считают необходимым условием полного владения телом, сознанием, делом — отказ от полумер. Остановитесь на одной идее. Сделайте ее целью своей жизни, думайте о ней, живите ею. Пусть ваш мозг, мышцы, нервы — каждая часть вашего тела наполняется идеей. И отвлекайтесь от всех других мыслей. Это путь к успеху; следуя этим путем, создавались гиганты духа. Как иначе, если не концентрацией силы разума, достигнуты все виды знаний во всем мире. Мир готов раскрыть нам свои тайны, если мы только знаем, как поступать, как нанести нужный удар. Мощь и сила удара достигается сосредоточением. Нет пределов силе человеческого разума; и чем больше он сосредоточен, тем большая мощь прилагается к одной точке. В этом и заключается секрет успеха.

Решающим доказательством того, что человек может выступать в качестве соавтора природы, служат биографии выдающихся личностей. Один тому пример — Саша

Суворов: хлипкий, болезненный мальчик, самой судьбой, казалось бы, обреченный на пестование собственных болячек, но, вдохновленный мечтой, подчинил ей каждый свой шаг и выковал из себя отважного воина, непобедимого полководца. Целенаправленность, воля, концентрация сил на осуществлении главной цели, идеи — вот они, ступени, ведущие к высотам.

Английский мыслитель Джон Стюарт Милль справедливо заметил: способность человека понимать, судить, различать, что хорошо и что плохо, умственная деятельность и нравственная оценка предметов — все эти способности упражняются только тогда, когда человек делает выбор, когда он его определил. Правильность выбора, его перспективность зависят прежде всего от того, насколько точно человек «угадал», узнал свое призвание, выявил свою природу.

Итак, мы снова убеждаемся: для успеха в самовоспитании нужно серьезно и основательно вооружиться знанием о человеческой природе. Многие авторы, у которых можно черпать эти знания, широко известны: Павлов, Дарвин, Мечников. У последнего, кроме цитировавшихся «Этюдов оптимизма», есть книга, которую, по-моему, можно назвать обязательной для образованного юношества, — «Этюды о природе человека». Великие ученые и просветители были и великими популяризаторами: их статьи, выступления, книги доступны пониманию современного старшеклассника. Гимназисты прошлого столетия не боялись пространных и серьезных изложений философов, просветителей, естествоиспытателей. А уж нынешним-то школьникам грешно жаловаться на трудности освоения подобной проблематики. День-другой вчитывания в манеру выражения — и потом уже тексты Руссо, Гольбаха, Кампанеллы, Бебеля становятся понятными. А удовольствие от открытий, которые дадут читателям эти авторы, трудно с чем-нибудь сравнить. И конечно, в качестве неременного нашего компаса — труды основоположников научного коммунизма. В них можно найти философское осмысление путей, цели и средств многих важнейших направлений человеческой деятельности и самой нашей жизни. Нам пора приучать к подобного рода чтению с юношеских лет. Как на первых же порах осознания подростком себя самостоятельной личностью надо учить его употреблять приобретенные знания на совершенствование и развитие

собственной натуры. И тогда мы, наконец, сумеем избежать горьких плодов позднего самоанализа, который часто только на то и годен, чтобы поучать следующие поколения и стращать их последствиями своих ошибок. «Если бы молодость знала, если бы старость могла...» — грустный рефрен, который повторяют многие века люди. Наука, воспитатели должны вооружить молодость таким знанием. Найти свое призвание, выделить его из массы человеческих интересов и склонностей, открыть в подростке дремлющий талант — большая и многотрудная задача. И решить ее нельзя без известного трио: школа — семья — общественность. Однако главная ответственность за выбор жизненного пути лежит на самой личности. Свое призвание «нужно выстрадать самому».

Это «самообслуживание» опирается на работу, которую всегда делали мудрые наставники: вызывать у воспитанников потребность самотворчества, помогать овладеть его методикой, приводить в систему случайные наблюдения и пробы, развивать обнаруженные способности, «корректировать» их в интересах личности и из соображений общей пользы. Но эти сложнейшие обязанности должны будут выполняться на ином, чем раньше, уровне: во всеоружии новых знаний о человеке и средствах его формирования. И деятельность воспитателя будет оцениваться не столько по баллам учеников за успеваемость, посещаемость и прилежание, сколько по «движению» каждого ученика к вершинам совершенства. Прогресс личности станет главным мерилом прогресса общества. Тогда, наверное, и исполнится завет всех мудрейших о самопознании: вырастет поколение людей, познающих себя в мире и мир в себе и делающих это познание активной, творческой силой.

«Наука — орудие высшей ориентировки человека в окружающей среде и в самом себе», — говорил Павлов. Так будем с надеждой ждать, когда в ряду других наук законной соратницей выступит профессиональная ориентация и когда на ее основе возникнет стройная, всеобъемлющая государственная система. И книга эта написана с желанием: привлечь внимание юношей и девушек и их воспитателей к этой нарождающейся науке, важной для всех нас, в которой многие могут применить свои силы и опыт.

СОДЕРЖАНИЕ

Вечная, стихийная, целенаправленная	3
Введение в проблему. «Социальное происхождение» профориентации. От каждого — всем	
Требуется наука	15
Разные «точки отсчета». Он приходит жить. Воспита- ние незаменимых. Закономерные случайности. «Па- тент на нравственность»	
Диагноз: профессия	70
Истины неоспоримые и суждения спорные. От Гиппо- крата к Павлову и... дальше. 72 плюс бесконечность	
«Типажи» и личности	122
Пусть меня научат. Сообразуясь с натурой. «Вотум доверия»	
Ориентирование на самовоспитание	143
Знать, чтобы совершенствоваться. К чему себя гото- вить?	

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим вас присылать свои отзывы о содержании и полиграфическом исполнении книги.

Пишите нам по адресу: Москва, А-30, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Афанасьева Т. М.

A94 Ранняя ориентация или поздний самоанализ?
М., «Молодая гвардия», 1972.
160 с. 50 000 экз.

Каким образом определить профессиональные способности молодого человека? Как развивать их? Какими знаниями, средствами, методами располагают наука и практика профессиональной ориентации?

331.65

1-5-4

55-72

Афанасьева Тамара Михайловна

РАННЯЯ ОРИЕНТАЦИЯ ИЛИ ПОЗДНИЙ САМОАНАЛИЗ?

Редактор *Н. Норбеков*

Художник *Б. Чупрыгин*

Художественный редактор *А. Косаргин*

Технический редактор *Н. Михайловская*

Сдано в набор 22/VIII 1972 г. Подписано к печати 27/XII 1972 г. А12552. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 8,7. Тираж 50 000 экз. Цена 55 коп. Т. П. 1972 г., № 55. Заказ 1358.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

амоанализ?

е способности
и знаниями,
практика про-

331.65

3?

2 г. А12552. Формат
Тираж 50 000 экз.

ес издательства и

55 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

**ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.**

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.